...ОДНЫЙ АГРАРНЫЙ ИНСТИТУТ

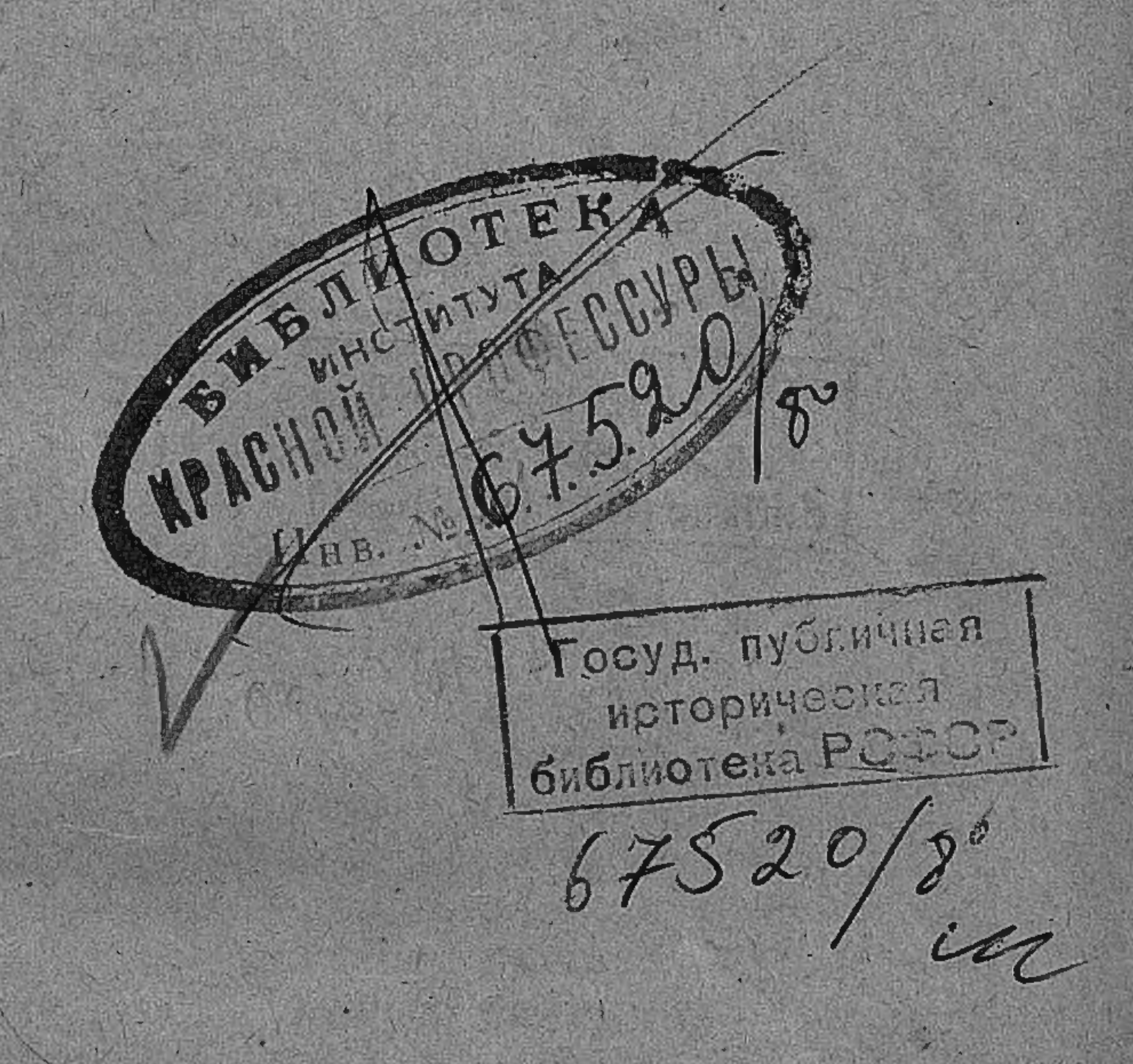
...ЕСТАКОВ (НИКОДИМ)

ОЧЕРКИ ПО СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ И КРЕСТЬЯНСКОМУ ДВИЖЕНИЮ В ГОДЫ ВОЙНЫ И ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ 1917 ГОДА

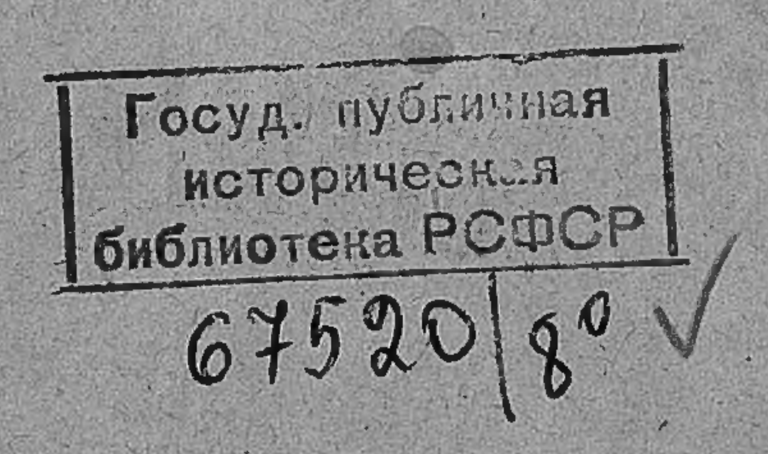
РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»

А. В. ШЕСТАКОВ

ОЧЕРКИ ПО СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ И КРЕСТЬЯНСКОМУ ДВИЖЕНИЮ В ГОДЫ ВОЙНЫ И ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ 1917 г.



РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ"
ЛЕНИНГРАД 1927.



Ленинградский Гублит № 46496. Тираж 4000 — 12 л. Заказ № 1280.
Государственная типография имени Евгении Соколовой, просп. Красных Командиров, 29

Великое десятилетие 1905—1915 гг. доказало наличность двух и только двух классовых линий русской революции. Расслоение крестьянства усилило классовую борьбу внутри него, пробудило очень многие политически спавшие элементы... Антагонизм „крестьянства“ и Марковых-Романовых - Хвостовых усилился, возрос, обострился... Военный кризис усилил экономические и политические факторы, толкающие крестьянство влево. В этом объективная основа полной возможности победы демократической революции в России... Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, то есть за привлечение крестьянства, за исчерпание его революционных сил, за участие „непролетарских народных масс“ в освобождении буржуазной России от военно-феодального „империализма“ (царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы.

Ленин („О двух линиях революции“. Впервые напечатано в „Социал-демократе“ № 48 от 20 ноября 1915 г. Собр. соч., т. XIII, стр. 214, изд. 1925 г.).

Предварительные замечания.

Работа распадается в основных линиях на две части: экономическую и политическую. По экономике сельского хозяйства, кроме общих справочных статистических изданий, использованы почти все местные „труды“ земств за военный период, к сожалению — значительно уменьшивших за это время свою работу „по военным обстоятельствам“. Некоторые указания и интересные справки удалось получить в ленинградских архивах бывшего главного управления земледелия и землеустройства и министерства земледелия, а также в личном архиве Кривошеина, одного из крупнейших продолжателей аграрной политики Столыпина.

Все эти материалы могли однако дать лишь более или менее исчерпывающую картину общей экономики сельского хозяйства. Что же касается вопроса о дифференциации крестьянства за военные годы, то здесь статистический материал оказался очень скудным, и пришлось прибегнуть больше к описательному методу на основании показаний современников: периодической печати, разного рода брошюр и т. п.

Кроме того, не имея сводных сравнительных данных по общей статистике за все годы войны, так как наиболее ценный „Сборник статистико - экономических сведений по сельскому хозяйству“ обрывается на 1914 году, — некоторые вопросы, весьма важные для понимания социальных сдвигов в деревне в годы войны, пришлось прорабатывать

с материалами переписей за военное время, причем эти последние проводились каждая по-иному и давали иногда очень разноречивые результаты. Так, по вопросу о пропорции культур посевных площадей в различных районах России, весьма важному для понимания процесса расслоения деревни, мы не могли дать прямых сравнений по годам, так как данные об общих площадях посевов иногда расходились на несколько миллионов десятин по губернии. Чтобы получить ответ на интересовавший нас вопрос, мы были вынуждены почти по всем губерниям черноземной полосы, а также по Сибири и Средней Азии проделать пересчеты процентного отношения общей площади посева к отдельным культурам.

Результаты такого исследования оказались весьма любопытными, так как показали, что огромная масса посевщиков была вынуждена переходить на более трудоемкие озимые культуры, что совершенно изменяет общераспространенное представление о процессе падения этих культур за счет менее трудоемких вследствие недостатка рабочих рук.

Нам пришлось также остановиться и на вопросе о сельскохозяйственном кризисе 1914 г. и падении хлебных цен в 1913 г., как на одном из ближайших поводов к войне, и для этой цели проработать соответствующий материал. Наконец, для оценки влияния сельскохозяйственного кризиса в самой России в обстановке войны на городское население, мы изучили относящиеся к этому вопросу „труды“ и другие документы союза городов, земсоюза, особого совещания по продовольствию и т. д.

Крестьянское движение за годы войны, в том числе и за 1917 г., изучено нами по архивам в Ленинграде и Москве, причем в основу легли материалы департамента полиции и Временного правительства. Периодическая газетная литература привлекалась в очень небольших размерах, так как архивные документы являлись более исчерпывающими, чем печать.

Нами использованы также работы Истпарта — сборники прокламаций за годы войны [1] — и почти вся нелегальная печать того времени *. Полемике между различными группами социал-демократии о путях русской революции в 1914—17 гг. и о роли в ней крестьянства нами уделено также некоторое внимание и для этой цели использована, кроме нелегальной печати, также и литература, появившаяся в России в эти годы легально.

---

* См. в конце „Примечания“, в которых перечисляется использованная литература.

ЧАСТЬ I.

Экономика.

ГЛАВА I.

Накануне войны.

Для понимания экономики сельского хозяйства и развития классовой борьбы в деревне в период войны необходимо вкратце коснуться общих условий народно-хозяйственной жизни до войны.

Прежде всего общие цифры: с 1900 г. по 1913 г. народный доход с 6579,6 т. р. вырос до 11805,5 т. р. *; наибольшее возрастание падает на промышленность, где горное дело имело прирост в 84% производства, фабрично-заводские предприятия — 77%, а вся промышленность в целом — 62,4%. Сельское хозяйство, занимавшее по своим размерам до 50% всего производства (58% по Воробьеву — „Вестник статистики“, кн. XIV), в отношении быстроты роста производительности значительно отставало и от транспорта — с 51,3%, и от строительного дела — с 48,8%, и даже от торговли — с 40,2%, и рост его выражался всего лишь в 33,8%. Однако в отношении роста цен на свои продукты сельское хозяйство стояло на первом месте, имея 40,9%, тогда как в промышленности (несомненно вследствие длительного периода депрессии) рост цен выражался всего лишь в 12,5%. По размерам прироста доходности сельское хозяйство — с 88,5% — стояло на втором месте, идя после транспорта — 98,9%. Промышленность отставала, но немного, имея 83% прироста доходности.

Попутно важно отметить, что в интересующей нас области на первом месте стояли посевы ячменя, увели-

* С. Н. Прокопович, у которого мы берем эти и некоторые нижеследующие цифры, устраняя разницу повышенной рыночной расценки товаров, достигшую за 13 лет 28,8%, находит, что общее увеличение производительности народного хозяйства в общем составит 39,4%.

чившиеся на 83%, затем подсолнуха — 74%, табаку — 62%, сахарной свеклы — 59% и пшеницы — 56%. Из скотоводческой отрасли на первом месте стояло свиноводство с 60% увеличения производительности.

Система финансового капитала в России перед войной охватила почти целиком тяжелую индустрию и в значительной мере наиболее доходные отрасли легкой промышленности. Сельское хозяйство, — как мы показали в нашей работе „Капитализация сельского хозяйства в России“, — в годы накануне войны, очень чувствовало на себе банковские влияния, хотя, в общем и целом, здесь дело еще и не зашло так далеко, как в промышленности, и банки управляли сравнительно небольшим процентом земель, остававшихся за ними за долги, стараясь их сбыть скорее тем же крестьянским обществам или частным владельцам. Большую роль играли банки также в международной торговле продуктами сельского хозяйства.

В период, непосредственно предшествующий войне, начиная с 1907 г., шел процесс повышения цен на продукты сельского хозяйства не только в России, но и в мировом масштабе. Если принять цены 1900 г. за 100, то по индексу для России это повышение (по данным английского министерства торговли) выразится так: за 1907—08—130%, за 1909— — 127, 1910 — 116, 1911 — 121 и т. д. [2]. В Америке и в Канаде к 1912 г. индекс поднялся до 139 и 151%. Американский президент, учитывая рабочие волнения на почве дороговизны почти во всех странах света, в 1912 г. проектировал созвать международную конференцию по борьбе с дороговизной.

1912 год явился и для русских и для американских продуктов сельского хозяйства, особенно для хлебных, рекордным перед войной. Сильно поднялось в цене на английском рынке и аргентинское мясо — с 47,6 марок за 100 кило в 1905 г. до 60,5 марок в 1912 г.

В 1913 г. наблюдается падение цен на некоторые продукты сельского хозяйства, но относительно небольшое: на рожь—10—13%—Кенигсберг-Антверпен—и еще меньшее на русских внутренних рынках — 6 — 11% — Елец-Либава— и на пшеницу всюду, и на русских и на заграничных рынках, в пределах 9 — 11%.

Повышение и падение цен для разных хлебов было неодинаковым.

Из данных по экспорту хлебных продуктов мы взяли средние цифры за 1906 — 10 гг. и 1911 — 13 гг. [3]. Для пшеницы получились цены — за 1-й период 1 р. 11,7 к. и за 2-й — 1 р. 13 к., т. е. увеличение во 2-м периоде на 1,1%; для ржи — 1-й период — 86,4 к. и 2-й — 85 к., т. е. минус 1,7%; для ячменя — 1-й период — 73,7 к. за пуд

и 2-й — 82,5 к., т. е. увеличение на 11,9% (1914 год учитывать трудно, так как начавшаяся война спутала многие „конъюнктуры").

Чтобы в должной степени оценить полученные результаты в их влиянии на хозяйственные отношения командующих классов, мы подсчитали, какие из хлебов были, так сказать, осью русского вывоза. Получились такие цифры:

Род хлебов.	1906 — 1910 гг.		1911 — 1913 гг.	
	Вывоз в тысячах пудов.			
	Тыс. пуд.	%	Тыс. пуд.	%
Хлебов всего вывозилось. .	581 793	100	629 319	100
Пшеницы	234 609	40,3	211 474	33,6
Ячменя	181 354	31,2	223 685	35,6
Ржи	50 914	8,7	50 198	7,9
Остальных	114 916	19,8	143 962	22,9

Из таблицы ясно видна ничтожная роль экспорта ржи хотя бы по сравнению с экспортом пшеницы и ячменя. Незначительный процент экспорта ржи еще более понижался за счет увеличивающегося вывоза ячменя. Далее наблюдается падение экспорта пшеницы и рост остальных — кукурузы, бобовых и проч., что также характерно для процесса изменения русского земледелия, где к годам перед войной намечался быстрый переход к интенсивным культурам. Из приведенных цифр мы можем сделать вывод, что помещики, вывозившие рожь, цены на которую понизились больше всего, могли быть заинтересованы в нажиме на Германию для отмены или понижения пошлин на рожь с тем, чтобы выравнять конкурентные условия. В отношении других сортов хлеба, имевших руководящее значение в вывозе, цены в 1913 г. были вполне благоприятны для сельских хозяев России, и таким образом эти цены вряд ли могли создать у них аггрессивное настроение против Германии.

К тем же выводам мы приходим, сравнивая цены не зерна, а муки. Здесь мы встречаемся с такой картиной: Лондон имеет цены на наиболее ходовые сорта — „London Whites" — 1 р. 95 к. в 1912 г. и 1 р. 95,2 к. в 1913 г., „town hause-hold's" — 1 р. 76,6 к. в 1912 г. и 1 р. 78,1 к. в 1913 г. (В 1914 г. в Лондоне цены на муку поднялись на 8 - 10%; рабочий сорт — „town-hause-hold's" котировался по 1 р. 93,4 к.).

Интересно отметить, что в Нью-Йорке кукуруза в 1913 г. понизилась против 1912 г. всего лишь на 0,7 к. В отношении ржаной муки в России за 1913 г. по Ельцу мы видим понижение цен на 9%, в 1914 же году имеем снова повышение против 1913 г. на 9,5%.

Но заработок сельского хозяйства идет и по другим его отраслям; кроме хлебных продуктов здесь и мясные и молочные продукты, и технические растения, и яйца и т. п.; в пищевом бюджете горожан, в том числе и рабочих, они занимают далеко не последнее место [4].

Рост цен на крупный рогатый скот с 1911 г. на петербургском рынке шел так: в 1912 г. увеличение на 10% против 1911 г., в 1913 г. + 11%, в 1914 г. + 18%, на московском рынке за те же годы: + 10,3%, + 11,6% и + 12,7%. Приблизительно в такой же пропорции шел рост цен почти на все сорта мелкого скота, на мясо в розничной продаже, на яйца, на рыбу, на сахарный песок и т. д. Значительно повысились за годы перед войной цены на все крупы, кроме пшена.

Причинами повышения были „главным образом изменения внутренней структуры мирового хозяйства, рост спроса, рост индустриализма и городов, развитие внутренних национальных рынков отдельных стран, сокращение девственных с.-х. територий и переход сельского хозяйства к более интенсивным формам продукции“ [5].

Сокращение вывоза хлебных продуктов в Европу из Америки в предвоенные годы открывало новые возможности для русского экспорта. Подъем промышленности в России усиливал твердость цен на внутреннем рынке, и в силу этих общих условий у нас объективно не могло быть оснований к особому понижению цен на хлебные продукты. Если колебания в отношении того или иного хлеба и были за тот или другой год, то здесь надо иметь в виду значительное повышение урожайности во всей черноземной полосе за 1911—1915 гг. по сравнению с 1906—1910 гг. и некоторые изменения в культурах посевных площадей.

Повышательная тенденция в отношении цен на предметы первой необходимости в предвоенные годы, при устойчивой производственной базе, служила в значительной мере истоком экономического движения рабочих. А экономическая борьба в России, как известно, довольно часто превращалась в политическую, и в результате с подъемом промышленности в годы перед войной мы видим чрезвычайное усиление рабочего движения. В 1912 г. бастовало 1 070 тыс. рабочих, а в 1913 г. число стачечников возросло до 1 185 тыс. чел. Это — цифры общества заводчиков и фабрикантов; по сведениям же рабочих газет, число бастовавших в 1913 г. доходило до 2 млн. человек (по официальным данным

число стачечников в 1914 г. было 1 337 458 чел.). Подъем рабочего движения за эти годы до некоторой степени напоминал волну 1905 — 1906 гг. Фабриканты и заводчики в своем „Бюллетене“ в начале 1914 г. писали: „Не ослабевающая конъюнктура, обилие заказов, хорошее состояние рынка в металлообрабатывающей промышленности (готовились к войне, предрешенной еще в 1912 г. *А. Ш.*) * безусловно послужат толчком для новых экономических выступлений рабочих... Настоящий 1914 год не будет спокойным... Наметился (кроме Петербурга и Москвы) еще новый центр массового стачечного движения — Урал“. Политическому движению рабочих также предсказывалось широкое развитие. „В 1912 — 1913 г. наблюдался значительный подъем военной промышленности, — пишет в своих воспоминаниях т. Шляпников [6]: — заводы были завалены заказами, нужда в рабочих руках была большая; атмосфера весною 1914 г. в фабрично-заводских районах (Петербурга) была напряжена до крайности. Все конфликты, от малого и до великого, независимо от их происхождения, вызывали стачки протеста, демонстративное окончание работ за час до конца работ и т. д. Политические митинги, схватки с полицией были явлениями обыденными. Рабочие начали заводить знакомства и связи с солдатами близлежащих казарм. Велась революционная пропаганда и в лагерях. Весьма активная роль в этой пропаганде выпадала на долю женщин - работниц, ткачих и других текстильщиц. Среди солдат находились земляки, односельчане с работницами. Между фабрикой и казармою устанавливались родственные отношения. Такие полки двигать против рабочих было совершенно невозможно“. Волна революционного пролетарского движения с барикадным гребнем была сорвана лишь начавшейся бойней 1914 г. и в военные годы все же держалась довольно высоко, хотя бы по сравнению с годами реакции (1908 — 11 гг.). Так в 1915 г., по официальным данным, число забастовщиков доходило до 539 528 чел., в 1916 г. — до 951 695 чел. и в 1917 г. — до 676 286 (цифры Струмилина и Яковлевой).

Отмечая этот факт огромной исторической важности, нельзя не подчеркнуть его революционизирующего влияния и на широкие массы крестьянства. Мобилизованное крестьянство совсем не было так патриотично настроено, как обычно изображалось буржуазной прессой. Мы имеем ряд свидетельств о глухом брожении среди призванных, об их легкой восприимчивости к революционной пропаганде.

---

* Готовились к войне не только дипломаты и военные круги. „В течение первой половины 1914 г. имперский банк России, зная о предстоящей войне, увеличивал запасы золота и к половине июля 1914 г. довел их до необычайной суммы 623 миллиона рублей“. (Из личн. арх. А. Кривошеина).

Большевистские листки к солдатам, наводнявшие казармы, неизменно заканчивались лозунгом: „конфискация помещичьих земель". Тов. Ленин в „Социал-демократе" самым настойчивым образом втолковывал большевистским организациям: „Будите крестьян, поднимайте их на восстание против царизма, против помещиков".

Крепостнические латифундии продолжали угнетать крестьянские хозяйства, мешали их свободному развитию. Там же, где капитализация хозяйства разлагала отработочную систему, классовые противоречия в деревне чрезвычайно обострялись.

Столыпинские хутора и отруба усиливали борьбу внутри деревни, выкидывая расстававшуюся с наделами бедноту из сельского хозяйства. Высокие цены на хлеб, который все больше и больше приходилось покупать низовой части деревни, усиливали процесс недовольства, особенно принимая во внимание чрезвычайно медленный рост заработной платы в сельском хозяйстве за годы перед войной. Переселенческая волна падала: на новых местах уже не имелось пригодных для заселения земель, окраинные туземцы - кочевники энергично протестовали против захвата их земель пришельцами. Среди колонистов - переселенцев образовалась более чем избыточная масса неустроенных голодных людей, которые образовывали в местах переселения кадры пролетариата или вливались „обратниками" на родину в свои разоренные хозяйства. Пролетаризация крестьянства перед войной вообще шла чрезвычайно ускоренным темпом. Но вместе с этим шел, хотя с значительно меньшими результатами, и другой процесс—„буржуазизации деревни". Для крепкого крестьянства создавались и проекты сельхозбанка, и мелиораций, и улучшения культур, и т. д. Кадеты, октябристы, чиновники министерства земледелия наперерыв старались путем „законов", расширения функций земства и т. д. увеличить количество облагодетельствованных начальством мужичков. Дело Столыпина продолжалось под идейным воздействием Совета объединенного дворянства и руководящих кругов Государственной думы. Народнические группы окончательно „отрясли революционную пыль от ног своих" и в соответствии с видами начальства болтали о насаждении социализма через артели, кредитные товарищества, ссудо-сберегательные общества и т. д., не разрушая самого капиталистического строя. Смычка народнических идеологов с кулацкой частью деревни вылилась здесь наиболее полно и ярко.

В 1912 г. был создан Московский народный банк, возглавивший кооперацию, а сам находившийся под непосредственным влиянием заправил из Госбанка и финансовых акул из лондонского Сити.

ГЛАВА II.

Общая характеристика народного хозяйства во время войны.

Мы изучаем лишь один участок народного хозяйства в военные годы — сельское хозяйство и действующие в нем общественные силы; но для понимания многих явлений в изучаемой области, тесно связанной со всеми сторонами „бытия", необходимо указать на ряд перемен во всем народном хозяйстве страны в целом, на те главные изменения в результате войны, которые соответствующим образом отражались и на сельском хозяйстве. Война прежде всего создала своеобразный „рынок", чрезвычайно непроизводительно потреблявший и людскую рабочую силу и множество разнообразных товарных ценностей. Рабочая сила для войны поставлялась мобилизациями, товарные ценности — специальным приспособлением промышленности („всё для войны"), реквизициями, „регулированным" рынком и т. д.

Война установила свою финансовую систему, ликвидировав золотое обращение и заменив его бумажноденежным. Война разорвала обычные торговые связи с мировым рынком, нарушила отношения на внутренних рынках, образовав особые зоны для военных закупок тех или иных товаров.

Одним словом, война решительно перетряхнула капиталистические отношения и в результате вызвала тяжелый экономический кризис, чрезвычайное падение производительных сил страны и вместе с этим дальнейшее ухудшение положения рабочих и крестьян, что и явилось ближайшей причиной революции 1917 года.

Отражение этих процессов в цифрах будет такое:

Понижение народного дохода. — В первый же год войны доход понизился на 500 миллионов рублей — с 12,8 миллиардов руб. до 12,3 млрд. руб.; в 1915/16 г. снижение дошло до 10,4 млрд. руб. и в 1916/17 г. до 9,5 млрд. руб., что составит 74,2% по отношению к 1913 г. [1].

Потребление войной рабочей силы. — Кроме постоянного кадра армии в 1 370 тыс. чел., при мобилизации было призвано в армию 5 115 тыс. чел.; к весне 1915 г. эта цифра увеличилась до 8½ млн. чел., к весне 1916 г. — до 13 млн. и к весне 1917 г. дошла до 15 млн. чел. с лишним. По данным интендантского управления, на довольствии в 1917 г. состояло 18 млн. чел. Кроме того, население постоянно привлекалось к подводной повинности, для испра-

вления и постройки новых дорог, окопов и тому подобных сооружений *.

В занятых германскими войсками Польше и губерниях Западного края было 21,7 млн. населения. Это также соответственно понизило цифру лиц, оставшихся в России свободными для производственного труда[8].

Но военная армия — это не только огромная масса рабочих сил, оторванных от производства, это десятки миллионов едоков, кормежка которых была связана с огромными растратами продукции во время войны. Ожидавшиеся „избытки“ с.-х. продуктов из-за прекращения экспорта оказались мифом.

Падение русского вывоза характеризуется следующими данными (в миллионах рублей):

Наименование товарных групп.	Годы.				
	1911—13	1914	1915	1916	1917
Жизненные припасы . .	892,8	523,4	201,8	155,5	51,5
Сырые и полуобработ. материалы	544,0	349,1	144,7	293,2	383,8
Животные.	30,6	14,5	0,2	0,2	0,0
Изделия ф.-зав. и ремесл.	75,8	69,1	55,2	27,6	28,7
Итого	1543,2	956,1	401,9	476,5	464,0

Таким образом сокращение вывоза дает в результате уменьшение его в среднем в 3½ раза против довоенного. Значительнее всего было сокращение вывоза продуктов сельского хозяйства и в том числе хлебных: с 805½ млн. пуд. в 1913 г. вывоз упал в 1914 г. до 445 млн., в 1915 и 1916 гг. до 60 млн. и, наконец, в 1917 г. до 14 млн. пуд.

Ввоз в Россию не только не уменьшался, а возрос за время войны: с ценности в 1 235,8 млн. руб. в 1911—1913 гг. ввоз сократился в 1914 г. до суммы 1 098 млн. р.,

* Особенно тяжелое положение с этими повинностями было в губерниях Херсонской, Бессарабской, Киевской, Полтавской и Черниговской. Население полосы юго-западного фронта было сплошь на военных работах и лишь особыми распоряжениями отпускалось на полевые работы с 10 марта до 20 апреля для обработки полей и затем вторично с 1 июня—для уборки урожая. (Записка: „Очередные задачи ведометва земледелия в связи с войною“, 1916 г.).

но в 1915 г. он уже повысился до 1 138,4 млн. руб., в 1916 г. дошел до 1 398,5 млн. руб. и в 1917 г. остался при цифре 1 372,8 млн. руб. [9].

Это увеличение ввоза в Россию было за счет военных припасов, которыми снабжали ее союзники. Конечно, не даром: Россия делала за границей займы и вместо денег получала от союзников пушки, пулеметы, снаряды, военное обмундирование и т. д.

Расходы по бюджету и на войну с 1914 г. по 1/IX 1917 г. составляли (в миллионах рублей):

Годы.	Гос. бюджет.	Военный фонд.
1914	3 203	2 540
1915	2 836	9 380
1916	3 152	15 267
1917 (по 1 сент.)	3 584	14 205
Итого. . .	12 775	41 392

Военные расходы с 1 сентября по 1 ноября* 1917 г. составляли дополнительно около 3 млрд. руб. Таким образом общая сумма военных расходов исчисляется в 44 392 млн. руб. Кроме того, на армию и флот в 1914—17 гг. по госбюджету в порядке обыкновенных расходов прошло еще около 3 миллиардов рублей. Расходы на содержание армии на фронте до подписания мира и демобилизации армии составили еще 7-8 миллиардов рублей. Общий итог денежных расходов на войну с округлением достигает 55 миллиардов рублей. Чтобы покрыть эти расходы, царское правительство прибегало к займам.

Внешние и внутренние займы возросли с 2 591,8 млн. руб. в 1914 г. до 24 200 млн. руб в 1917 г.

Государственный долг возрос с 8 700 млн. руб. к 1/VII 1914 г. до 29 800 млн. руб. к 1/IX 1917 г. [10].

Система бумажных денег служила тем аппаратом, который выкачивал из населения все, что только было возможно извлечь этим путем.

Выпуск кредитных билетов с 300 млн. руб[illegible] войны достиг на 23 октября 1917 г. 19 117,3 млн. р.

Новых налогов, главным образом косвенных, было введено: в 1914 г. на 594,9 млн. руб., в 1915 г. на 68,0 млн. руб. и в 1916 г. на 388,3 млн. руб.

* Даты всюду по старому стилю.

Обесценение денег выразилось в том, что в первые дни войны русский рубль на лондонской бирже стоил 92-93 коп.[11], к 1/I 1915 г. — 82,8 коп., к 1/I 1916 г.—58,9 к., к 1/I 1917 г. — 57,2 коп. и к 1/X 1917 г.—27,3 коп. (27/X 1917 г. рубль стоил 23,4-24,6 коп., т. е. перед Октябрьской революцией стоимость рубля составляла всего лишь 1/4 часть его довоенного номинала). На других биржах в начале октября 1917 г. стоимость рубля была: в Париже — 28,5 коп., в Нью-Иорке — 26,7 коп. и в Стокгольме — 18,2 коп.

На обесценении денег выгадывали прежде всего помещики, земли которых были заложены в банках, так как проценты и погашения ссуд они оплачивали по курсу обесцененного военного рубля. Вот почему обремененные долгами помещики усерднее других настаивали на продолжении войны, так как она приносила им значительный доход. На падении рубля извлекали значительные выгоды и промышленники.

В заключение два слова о железнодорожном транспорте, который еще до войны не справлялся со всеми перевозками обычного времени. За два года войны работа железных дорог возросла в 1½ раза за счет чисто военных перевозок, что еще более дезорганизовало обслуживание железными дорогами хозяйственных и продовольственных нужд страны. Так, перевозки хлеба в 1914 г. по сравнению с соответствующими месяцами 1913 г. составляли: в августе 35%, в сентябре 47%, в октябре 58%, в ноябре 53%. За все время войны перевозки хлеба не поднимались выше 60% довоенного времени. Особенный хаос и дезорганизация наступили в транспорте с лета 1915 г., когда началось отступление армий, когда из оставляемых мест эвакуировались грузы и целые заводы, когда оттуда хлынули массы беженцев и когда для подкрепления армий стали усиленно подвозить снаряды, ружья, пушки и пр. С этого времени расстройство транспорта начинает играть роль главного фактора, расстраивающего всю экономическую жизнь страны, разъединяющего спрос и предложение, питающего усиленно спекуляцию и всем этим содействующего дальнейшему громадному росту цен[12]. Наибольшей степени развала железнодорожное движение достигло в конце 1916 и в начале 1917 гг. В 1916 г. число больных паровозов составляло 16%, к июлю 1917 г. оно достигло 24,2% для всей сети и до 50% на отдельных дорогах. В мае 1916 г. средний суточный пробег товарных вагонов равнялся 71 версте, а в мае 1917 г. — 55 верстам.

„В результате железные дороги оказались бессильны подвозить к фабрикам и заводам необходимые им сырые материалы и топливо, а в города — продукты первой необходимости. Особенно сильно пострадали от этого расстрой-

ства железнодорожного транспорта местности на запад от Днепра, где в особенно больших размерах происходили военные перевозки, и на восток от Волги, где слишком редка железнодорожная сеть. Недостаточность коммерческого движения привела к развитию гужевой перевозки, к ненормальным ценам, голодовкам и т. д.“ [13].

ГЛАВА III.

Сельскохозяйственное производство *.

Площади посевов. Центральный статистический комитет приводит следующие данные о площадях посева в 48 губерниях Европейской России за годы войны: в 1909—13 гг. — 71,1 млн. дес. (100%), в 1914 г. — 73,1 млн. дес. (102,7%), в 1915 г. — 71,5 млн. дес. (100,6%) и в 1916 г. — 66,9 млн. дес. (94%) [14].

По другим данным, посевные площади по Европейской России сократились, — если 1913 г. взять за 100%, — до 90,5% в 1916 г. и до 89,1% в 1917 г. [15]. По тем же данным, сокращенные посевы черноземной полосы в 1916 г. составляли до 90,4% прежней площади и в 1917 г. — 90,1%, причем наибольшие сокращения имели место в Нижневолжском районе — до 81,9%, в Юго-западном и Малороссийском районах — до 85,8% (в 1917 г.) и в Новороссийском — до 87,1%.

В нечерноземной полосе посевные площади очень снизились: в Центрально-промышленном районе — до 77,2% в 1916 г. и до 79,1% в 1917 г. На Северном Кавказе снижение в 1916 г. дошло до 76,2% [16].

По отдельным губерниям уже к 1916 г. мы видим чрезвычайное уменьшение посевов: площадь озимых по Донской области дала сокращение около 37%, в районе Царицына (б. Саратовской губ.) — на 50%, в районе Черного Яра — 50%, в Новоузенском у. Самарской губ. — 23%, в Ставропольской губ. — 26,5% и т. д. [17].

По данным министерства земледелия, в 1916 г. наибольшее уменьшение посевов было в Уфимской губ., в южных уездах Самарской, Оренбургской и Астраханской губ. и на юге: в Бессарабской, Херсонской и частью Таврической губ. Недосевы озимых 1916 г. местами достигали 25-50% и более.

В южной части России, охватывающей Новороссию с прилегающими к ней частями других губерний, в южном Поволжьи и в Прикавказьи недосевы озимых были также весьма

---

* Названия районов всюду оставлены старые, так как и самые районы не совпадают с ныне существующими в СССР.

значительными, причем недосевы в крупных размерах (в среднем свыше 20% и до 80%) охватили главным образом обширную сплошную область юго-востока (Донскую обл., Царицынский и Камышинский уезды Саратовской губ., Новоузенский у. Самарской губ., Новохоперский и Богучарский уезды Воронежской губ., Черноярский у. Астраханской губ. и Ставропольскую губ.). В других местностях южной России в том же 1916 г., хотя и наблюдались не менее крупные недосевы, но они не захватывали столь значительных районов, а по большей части ограничивались пределами отдельных уездов. К числу таких местностей, выделяющихся по размерам сокращения площади под озимыми, принадлежат следующие:

Губерния и уезд.	Осталось незасеянными десятин.	% к обычной площади.
Подольской губ.:		
Проскуровский уезд	—	19
Херсонской губ.:		
Тираспольский уезд	92 800	73
Ананьевский уезд	45 000	25
Таврической губ.:		
Симферопольский уезд	—	50
Феодосийский уезд	193 000	19
Евпаторийский уезд	16 200	—
Днепровский уезд	—	25
Екатеринославской губ.:		
Верхнеднепровский уезд	—	15—20
Александровский уезд	—	30—50
Бахмутский уезд	—	15—20
Харьковской губ.:		
Купянский уезд	—	35
Полтавской губ.:		
Полтавский уезд	19 000	33
Кобелякский уезд	—	25
Переяславский уезд	—	20

Другая сплошная область крупных недосевов была расположена на крайнем востоке Европейской России, охватывая южные зауральские уезды Пермской губ., где сокра-

щение достигло 40% и более; в других уездах этой губ. посевная площадь под озимыми сократилась на 10-30%[18].

Сокращение посевов озимых имело место также и в нечерноземной полосе, в Петроградской и Псковской губ. — 20-50%[19]. В Сибири и в среднеазиатских областях площадь посева озимых хлебов еще в 1915 г. „подверглась почти везде весьма сильному сокращению, в отдельных, нередких случаях определяемому в 1/3, 1/2 и даже до 2/3 ее обычных размеров“[20]. В одной Томской губ. посевная площадь убавилась на полтора млн. десятин.

Некоторые подробности о недосевах в 1915—16 гг. мы имеем из сообщений органа мукомолов[21].

В ответ на запрос в Государств. думе (18/II 1916 г.) министрам земледелия и внутренних дел о мерах против сокращения посевных площадей министр Наумов указал, „что в 1913 г. засевалось 91 млн. дес., в 1914 г.—89 млн. дес. и в 1915 г. — 82 млн. дес., следовательно с 1913 г. по 1915 г. посевная площадь сократилась на 9 1/2 млн. дес. или на 10,3%. Эти цифры знаменуют потерю производительности русского сельского хозяйства приблизительно на 1/4 миллиарда руб. в год“. К перечисленным уже выше районам и губерниям с сокращенными озимыми посевами министр добавил еще Екатеринославскую, как особенно неблагополучную[22].

Если мы возьмем яровые посевы в 1916 и 1917 гг., то почти в каждой губернии черноземной полосы также получим значительное их уменьшение.

Вот сравнительные данные по ряду губерний относительно падения яровых посевов пшеницы (в процентном отношении) (см. таблицу на стр. 18).

Из таблицы видно, что почти все „пшеничные“ губернии, особенно Украины, Заволжья и центрально-черноземные значительно сократили свои яровые посевы... за счет озимых.

О причинах этого явления мы будем говорить особо — в разделе о пропорциях культур.

Пока же заметим, что факт недосева и озимых и яровых хлебов за годы войны твердо установлен и далеко превышает те оптимистические выводы, о которых сообщал в Гос. думе министр земледелия.

Чьи посевы больше всего сокращались?

По данным корреспондентов министерства земледелия в начале 1917 г., „почти повсеместно в черноземных губерниях во владельческих хозяйствах ожидается сокращение посевов от 1/8-1/4 до 1/3 и даже до 1/2 обычно засеваемой площади. На юге и юго-западе России погибшие озимые пшеничные посевы весной 1917 г. не перепахивались в очень значительной части, так как у хозяев не имелось семенного

№№ по порядку	Название губернии.	1914 г.	1916 г.	1917 г.
		Яровая пшеница.		
1	Акмолинская	80,48	75,0	75,0
2	Воронежская	25,15	22,09	22,08
3	Донская область	52,08	50,05	49,82
4	Екатеринославская.	48,92	31,65	25,15
5	Казанская	4,25	7,15	7,09
6	Калужская	1,52	0,43	— *
7	Киевская	0,69	0,30	—
8	Курская	3,02	2,16	2,16
9	Нижегородская	8,05	7,30	7,13
10	Оренбургская	67,39	66,49	66,49
11	Орловская	0,16	0,07	—
12	Пензенская	0,56	0,55	0,56
13	Полтавская	27,34	18,26	17,85
14	Рязанская	0,09	0,10	—
15	Самарская	63,20	58,12	56,56
16	Саратовская	39,78	36,39	36,32
17	Симбирская	9,08	10,98	10,91
18	Ставропольская	22,50	22,12	22,21**
19	Таврическая	18,21	4,53	4,45
20	Тамбовская	0,29	0,25	0,23
21	Терская область	2,69	1,17	1,20
22	Тобольская	48,56	49,32	49,10
23	Томская	54,06	58,61	58,32
24	Тульская	0,40	0,19	—
25	Тургайская область	63,59	59,21	64,49
26	Уральская	49,12	58,17	58,15
27	Уфимская	15,36	17,12	17,18
28	Харьковская	36,06	31,51	28,86
29	Херсонская	28,71	12,37	13,46
30	Черниговская	0,47	0,12	—

* Пропускаются всюду как ничтожные величины.

** С 582 т. дес. под пшеницей в 1914 г. в абс. цифрах сокращение до 448 т. дес. в 1917 году.

материала (главным образом овса и отчасти ячменя), который был крайне дорог".

Незначительное число показаний земской статистики за годы войны в общем также отмечает затруднительное положение многих помещиков с посевами даже в первые годы войны. Так, по земским данным, в Херсонской губ., где имели место исключительные события в виде ликвидации земель немецких подданных *, близости фронта, недопуска военнопленных в Тираспольском у. сокращения посевов на 61%, („Эконом. полож. Херс. губ. в 1915 г. по матер. докл. Херс. губ. земск. собр. в дек. 1915 г.", стр. 309), — понижение посевов частных владельцев составило с 1914 г. по 1915 г.—7%, а за 1916 г.—общее падение на 22%.

По данным саратовского земства в этой губернии частные владельцы сократили свои посевы за 1915 г. на 4,4%, а общее падение за 1916 г. — на 13%. У частных владельцев Саратовской губ. обработанная под посев озимой ржи площадь уменьшилась в 1916 г. на 8,5% по сравнению с 1915 г. и на 20,4%—с 1914 г. Величина незасеянной пло-

* По поводу этой „ликвидации" очень любопытна книга члена центр. комитета партии октябристов проф. Линдемана: „Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников. Указы 2/II и 13/XII 1915 г. и 10 и 15/VII и 19/VIII 1916 г. и их влияние на экономическое состояние южной России". М. 1917 г. В ней проф. Линдеман разоблачает царского фаворита Trepphof, превратившегося в Трепова и ставшего немцеедом, и рассказывает, что немцы-колонисты в 1905—6 гг. были вооружены (властью) ружьями и патронами и содействовали подавлению восстания (стр. 282), что власть неблагодарна к этим патриотам и разрушает их благосостояние. Линдеман приводит выписку из газ. „Русская воля" от 25/I 1917 г. № 24 о том, что немецкие колонистские земли скупили Шереметевы, А. В. Кривошеин (бывш. министр земледелия) (это между прочим подтверждается различного рода записками в его личном архиве, из которых явствует, как этот царедворец занимался скупкой земель).

R. Klaus в „Die Kriegwirtschaft Russland" по этому же вопросу писал: „Двигательной пружиной для напора многих русских помещиков на ликвидацию (земель немецких колонистов и немецких подданных) был страх перед земельным голодом крестьян. По сообщению П. Н. Милюкова, член Государственного совета Струков объяснял министру внутренних дел Н. А. Маклакову, что конфискация этих земель предохранила бы русских помещиков на 100 лет от аграрных беспорядков и от принудительной отдачи земель по кадетской программе" (стр. 131). Как бы в pendant к этому Линдеман сообщает, что на журнале Совета министров от 2/V 1915 г. Николай II сделал следующую надпись по поводу вопроса об отнятии земель у немцев русских граждан: „Необходимое и благое дело. Вполне одобряю и дам свои указания. Вся суть вопроса в широкой скупке Крестьянским банком колонистских земель. Приступить к ней немедленно, а для пополнения образуемого запаса — наладить теперь же подготовку земель казенных".

Указы 2/VI и 13/XII 1915 г. касались ликвидации 3 256 033 дес. в различных губерниях юга, юго-запада и запада, из них 2 950 852 дес. принадлежали выходцам из неприятельских стран и только 305 181 дес. неприятельским подданным. Хозяйство на них всюду упало, и посевная площадь ряда губерний соответственно сократилась.

щади парового поля в 1916 г. уменьшилась в обеих категориях хозяйств: в крестьянской не засеяно 6,8%, сравнительно с 1915 г.—9,7½% и с средним за 10 л.—13%; у частных владельцев не засеяно 6,8%, сравнительно с 1915 г. — 10,9%, но более засеяно по сравнению с средней за 10 лет на 5,3%. Наибольший процент незасеянной площади—в Хвалынском у., где более четверти приготовленного поля осталось незасеянным; 13,9% у крестьян и 12,1% у частных владельцев в Вольском и 14,6% у крестьян и 15,4% у частных владельцев в Царицынском у. У частных владельцев высокий % недосева в Царицынском, Аткарском и Кузнецком уездах[23].

Там же приводится следующая весьма наглядная табличка изменяемости площади посева озимых у крестьян и частных владельцев за три первые года войны:

Уезды.	У крестьян.		По отношению к площади 1914 г.	У владельцев.		По отношению к площади 1914 г.
	1915 г.	1916 г.		1915 г.	1916 г.	
Аткарский . . .	—14,1	+14,9	— 1,4	—41,1	+15,0	—32,3
Балашовский . .	—13,6	+12,4	— 2,9	—18,0	— 2,4	—19,9
Вольский . . .	+17,1	— 7,1	— 9,6	— 5,4	—26,9	—30,9
Камышинский .	—15,9	+19,5	+ 0,4	—12,6	—13,1	—29,0
Кузнецкий . . .	+ 6,4	— 3,9	+ 2,2	— 7,6	—14,8	—21,2
Петровский . .	— 4,9	— 4,1	— 8,8	—16,1	—12,0	—25,1
Саратовский . .	— 5,2	— 9,7	—14,5	—29,9	+ 5,6	—26,0
Сердобский . .	— 9,5	+62,0	+46,7	— 8,4	— 8,7	—16,3
Хвалынский . .	+10,7	+ 8,5	+20,1	— 0,4	—27,5	—27,7
Царицынский .	—27,2	— 3,0	—31,2	—44,9	+17,5	—35,2
По губернии . .	— 8,8	+11,0	+ 1,1	—21,1	— 4,3	—24,4[24]

Для наилучшего понимания процесса, происходившего в сельском хозяйстве в связи с сокращением посевных площадей, очень важно привести еще некоторые факты по Херсонской губ. Сокращение площадей, по данным земского обследования за 1916 г.[25], произошло в результате двухстороннего процесса: с одной стороны, 1545 хозяйств (33,3%) увеличили свои посевы на 63,2 тыс. дес., а с другой, подавляющее большинство — 2781 или 60,3% хозяйств — сократили посевы на 147 тыс. дес. Сократили группы посевщиков:

До	75 дес.			сокращение на	35,9%
От	75 „	до	100 д.	„ „	9,1%
„	100,1 „	„	250 „	„ „	37,5%
„	250,1 „	„	500 „	„ „	17,2%
„	500,1 „	„	1 000 „	увеличение „	2,6%
„	1 000,1 и более			сокращение на	3,0% [26]

Цифры говорят сами за себя. Мелкие помещики с посевом до 75 дес. и средние до 250 дес. являются наиболее страдающим элементом и теряют до 1/3 прежних посевов. Зато более крупные и особенно группа с посевом от 500 до 1 000 дес. даже увеличивают свои запашки. Самые крупные помещики также теряют, но очень незначительный процент своих посевов. Здесь вопрос о снабжении рабочей силой имел решающее значение.

Это также подтверждается и по другим районам.

По сведениям Самарского общества улучшения крестьянского хозяйства, осенью 1916 г. сокращение запашки в северной части Николаевского уезда на землях крестьян достигает 20-30% и на частновладельческих в среднем до 50%, а в отдельных случаях даже до 70%. По сообщению газеты „Волжский день", за тот же период времени в Самарской губернии все крупные посевщики, арендаторы и землевладельцы, засевавшие обычно от 200 до нескольких тысяч десятин, не распахали ни одной десятины под посев будущего года, намереваясь вообще не сеять ни одной борозды. В других местах крупные посевщики приготовили под пашню 1/3, а то и менее, ранее засевавшейся площади. Основной причиной сокращения посевной площади является отлив рабочих. Свое воздержание от крупных запашек помещики объясняли тем, что „некому будет боронить, некому сеять, некому жать и убирать", ибо посев и уборка у этих землевладельцев рассчитаны были исключительно на посторонние рабочие руки. Если прибавить сюда сокращение числа рабочих лошадей, то этим будут в большей части определены те основные причины, которые не могли не повлиять существенным образом на наше сельское хозяйство [27].

Крестьянское хозяйство в целом, несомненно, меньше пострадало от недосевов, особенно в отношении зерновых культур. Что само крестьянство не представляло собою однородной массы в отношении посевов, это мы подробнее рассмотрим дальше.

Пока же следует подтвердить положение о бо́льших недосевах у частных владельцев, чем у крестьян.

Одним из моментов, увеличивавших размеры недосева частновладельческих земель, было сокращение аренды. Здесь особенно сильно страдали „отработочные" хозяй-

ства *, не сумевшие приспособиться ни к высоким, хотя бы и относительно, ценам на рабочие руки, ни вообще к условиям чисто капиталистического хозяйствования. Понижение арендных цен, имевшее место в ряде губерний, не могло, особенно на второй и третий год войны, привлечь к помещичьей земле оставшиеся в деревне рабочие руки.

В деревне шел несколько иной процесс. На примере одного из уездов Херсонской губ. мы видим распределение крестьянских посевов:

	На своих надельных землях.	На своих купленных.	На арендованных надельных.	На арендованных вненадельных (помещ.).
В 1915 г.	74 762 дес.	34 015 дес.	19 928 дес.	42 061 дес.
„ 1916 „	73 759 „	34 036 „	21 051 „	40 749 „

Здесь, как в капле воды, отразилось влияние войны на крестьянском хозяйстве: прежде всего, зажиточные крестьяне на своих купленных землях ведут полный посев, почти из десятины в десятину. Они же арендуют и наделы, заброшенные беднотой, причем эта аренда растет и увеличивается на 1 000 дес., в то время как аренда земель у частных владельцев — более дорогая — падает на 1 300 дес.; отказывались от аренды и бедняки, которые не могли засеять даже более тысячи десятин своей надельной земли.

Из этой картины мы улавливаем тенденцию чрезвычайного влияния войны на расслоение крестьянства.

Интересно заметить, что малопосевщики (до 5 дес.) не засевали даже своих купленных земель.

В крестьянских хозяйствах Херсонской губ. в 1916 г. посевы изменились так:

До 5 дес. сократились на	2 963 дес.
От 5 до 10 дес. увеличились на	297 „
„ 10 „ 16 „ „ „	1 219 „
„ 16 „ 25 „ „ „	629 „
„ 25 „ и более убавились „	262 „ [28]

Аналогичное явление мы встречаем и в Самарской губ., где посевов было (в процентах):

Годы.	На надельных землях.	На арендованных землях.	На купчих землях.
1913	79,6	14,7	5,7
1914	80,0	14,5	5,5
1915	81,2	13,1	5,7 [29]

* В официальном издании министерства финансов — „О влиянии войны“ есть ряд указаний вроде следующего: „В Витебской губ. в худшем положении оказались хозяйства частных владельцев с испольной системой“.

Посевы на надельной земле растут, на арендованной падают, купчие засеваются (после небольшой заминки в период первой мобилизации) полностью.

Переходя ближе к „перенаселенному“ центру, мы, особенно в начале войны, наблюдаем несколько иную картину. Так, в Полтавской губ. осенью 1914 г. был спрос на арендную землю, но „вялый“. „Цена совершенно унижена, так как много арендовавших ушло на войну, а жены их уже не берут лишней земли“. Но в некоторых уездах, например в Лохвицком, спрос на аренду был повышенный: „Сколько бы земли ни было, всю бы забрали, и еще много нехватило бы“ (дер. Часниковка, Сенчанской вол.).

Отказывались от аренды, в первую очередь, от земель худшего качества.

Кое-где намечался переход от денежной аренды к „испольной“. „Рискуны ушли на войну, а старые перестали рисковать нанимать, а берут с половины“ [30].

По отрывочным сведениям кореспонденций за 1915 и 1916 гг., арендные цены повышались: в Курской, Казанской, Ставропольской губерниях и в Лубенском у. Полтавской губ., а понижались: в Самарской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической губерниях и особенно в Донской области (на $^2/_3$) [31].

В 1917 г., в связи с отпуском из армии на с.-х. работы солдат старших возрастов, местами наблюдалось увеличение аренды [32].

Пропорции культур в зерновых хозяйствах.

Широко распространено заблуждение о том, что во время войны наблюдалось понижение посевов трудоемких культур и в первую очередь озимых культур пшеницы за счет увеличения яровых, Озимые, как требующие большей затраты дней труда [33] по сравнению с яровыми, должны быть отнесены к трудоемким. И вот с этими озимыми культурами происходило малообъяснимое на первый взгляд явление: они увеличивались за счет менее трудоемких — яровых. Новороссийский район в этом отношении чрезвычайно показателен. Так, в Екатеринославской губ. посевы яровой пшеницы с 48,92% в 1914 г. упали к 1917 г. до 25,15%, озимые же возросли с 3,44 до 17,56%; в Таврической яровые понизились с 18,21 до 4,45%, т. е. больше чем в 4 раза, а озимые повысились с 29,86 до 39,73%; в Херсонской было уменьшение посева яровых в 2 раза — с 28,71 до 13,46% и повышение озимых также почти вдвое — с 12,09 до 22,37%. Тот же процесс, но в несколько замедленном темпе наблюдался в Самарской губернии: понижение яровых посевов с 63,20 до 56,56% и на-ряду с этим рост посевов пшеницы с 0,13 до 1,08%.

Во всех средневолжских губерниях — то же явление, что и в Самарской, с небольшими вариациями.

В левобережной Украине такие же явления. Так, Харьковская губ. дает снижение яровой пшеницы с 36,06 до 28,86% и увеличение озимой с 4,86 до 9,24%. В Полтавской губ. падение посевов яровой пшеницы было с 27,34 до 16,22%, а рост озимых с 6,08 до 13,85%.

Киевская губ. с ее ничтожными посевами яровой пшеницы вообще осталась при старых процентных отношениях к общей площади для озимых ржи и пшеницы, но несколько (на 1-2%) повысила наиболее „рыночные“ культуры, как овес и гречиха.

По Северному Кавказу мы имеем полные данные по Ставропольской и Терской областям. Яровая пшеница в Терской области, вообще незначительная по площади, претерпела за годы войны сокращение с 2,69 до 1,2%, в Ставропольской же она осталась почти без изменения (уменьшение с 22,5 до 22,21%). Зато для озимой пшеницы по Терской области имелось увеличение более чем на 6%, а по Ставропольской сокращение почти на 3%.

Остаются еще центрально-земледельческие губернии, где указанное нами явление было выражено слабее. Здесь посевы яровой пшеницы в общем невелики, и все же в ряде губерний они почти совсем сходили на-нет, в то время как посевы озимой пшеницы (тоже небольшие) возрастали.

В губерниях центрально-промышленного района данное явление было еще менее заметно, но тенденция и здесь намечалась в том же направлении (Калужская, Владимирская и др.). Совсем в особых условиях протекали посевы в Степном крае и Сибири: здесь наблюдается почти всюду (наиболее резкое исключение — Акмолинская обл.) увеличение посевов яровой пшеницы.

Объяснение приведенного нами явления—довольно простое. Прежде всего сократился экспортный спрос на яровую пшеницу. Затем на трудоемкие озимые посевы население переходило поневоле. Официальный источник по этому поводу указывает, что переход с яровых хлебов на озимые объяснялся недостатком рабочих рук: озимые посевы можно было растянуть на 2-3 месяца, а яровые нельзя, там надо работать быстро. „В Херсонской губ. наблюдается увеличение площади посевов озимых хлебов за счет яровых. Последние вообще понемногу вытесняются, главным образом по причине трудности справиться с весенним посевом, который осуществляется, при нынешнем недостатке рабочих и крайне высокой расценке рабочего труда, при значительно худших условиях, нежели осенний посев“.

Другие кореспонденты объясняли расширение озимой площади как относительно большей выгодностью культуры озимых, „так и стремлением крестьян, в виду

последних призывов, облегчить своим семьям труд по обсеменению полей весною“ [34].

„Увеличение роста посевов озимой пшеницы на юго-востоке объясняется одновременным наплывом туда (Самара, Саратов) в 1915 г. представителей финляндских, северо-западных и некоторых центрально-промышленных городов с поручением немедленно закупить по какой угодно цене и направить как можно больше муки... Покупалась главным образом пшеничная мука, и высокие цены на нее толкали посевщиков на производство пшеницы“ [35].

Если внимательно просмотреть сообщения кореспондентов министерства земледелия за годы войны, то всюду встречается замечание о растянувшемся севе озимых, о прекращении вспашек под зябь, об ухудшении обработки почвы как во владельческих экономиях, так и у рядового крестьянства.

„Стремление населения увеличивать озимые посевы за счет яровых“, на чем отыгрывались казенные публицисты и министры земледелия в Гос. думе, на самом деле было падением производительных сил, так как озимые хлеба, требуя и усиленного труда человека и усиления работы скота, подрывали хозяйственные возможности семей, лишившихся из-за мобилизации работников и вынужденных растягивать процесс работы насколько возможно дольше.

Вот несколько иллюстраций. В 1915 г. „уборка сена и хлебов всюду проходила при очень сильном недостатке рабочих и машин. Процесс уборки затянулся и гибельно отразился на урожае. Часто озимые хлеба, сложенные в копны, будучи подмочены дождями, простаивали на полях до конца июля, а местами и позже. Дожди промочили копны и скирды настолько сильно, что их пришлось разбирать, переставлять и просушивать, причем зерно зачастую потеряло свой хороший цвет и даже проросло“. Так было в новороссийских и юго-западных губерниях, наблюдалось тоже и в других.

В 1916 г. из Курской губернии писали: „Уборка идет несвоевременно, зерно осыпалось, качество его неудовлетворительно, и посевы озимых произведены на недостаточно удобренной почве. Недостаток топлива, жгут солому, а ее вообще мало, вред для кормления скота и недостаток навоза“ [36].

Сообщение из Могилевской губ.: „Хозяйство переживает крайне трудное время; уборка затянулась до поздней осени, местами часть хлеба осталась неубранной“. В Подольской губ. „сильно затянулся сев, затруднения с копкой корнеплодов; семенного клевера никто не успел собрать, и до декабря он стоял на полях в копищах, на покосах, а то и на корне; вспашки для подготовки к предстоящим весенним

посевам яровых почти не сделано, озимь посеяна на скорую руку, возделать почву как следует было невозможно; урожай озими проблематичен. Все с.-х. орудия переломаны за последние 2½ года, и некому и нечем их исправить“ [37]. О таких же фактах сообщали из Киевской, Харьковской, Уфимской, Саратовской, Симбирской, Астраханской и Полтавской губерний.

Из последней между прочим писали: „Есть и увеличение озимых посевов из-за высоких цен и боязни за возможность произвести полностью яровой посев“. Из этой же губернии кореспондент по Лубенскому уезду сообщал: „В последние годы здесь начали разводить озимую пшеницу, которая все время родится хорошо. Напротив, посев яровой пшеницы сократился из-за недородов ее“. Аналогичный факт устанавливает кореспондент по Конотопскому уезду: „Озимая пшеница получила в крестьянских хозяйствах огромное распространение“.

В Самарской губ. осенью 1916 г. отмечали такие явления: „Сев озимых затянулся, так как запоздали с уборкой хлебов и несвоевременным умолотом семян“.

Донская область: „Поздний и медленный сев. По мелким хозяйствам сокращение на ⅓-½, главным образом из-за недостатка рабочих рук. Нередки впрочем случаи, что из-за неурожая яровых, главным образом пшеницы, в 1916 г. увеличили посевы озими, которые стали давать сносные урожаи благодаря снежным зимам за последние годы. Казачьи и крестьянские хозяйства с осени прикупали яровую пшеницу и экономили на размоле ее зерна, довольствуясь вместо вальцевой отделки простым размолом“. Здесь мы присутствуем при начале тягчайшей разрухи, особенно сильно поразившей почти все казачьи области страны. Необходимо заметить, что переход к озимым культурам наблюдался не только у деревенской бедноты. Это было общим явлением; и для зажиточного крестьянина и для помещика, особенно на юге и юго-востоке, вопрос о недостатке рабочих рук становился ребром, и приходилось приспособлять имевшиеся кадры к более длительному процессу труда, каковым являлся посев озимых.

Из Херсонской губ. сообщали: „Сокращение от ⅕ до ¼ площади, главным образом у помещиков, но также и увеличение озимых за счет яровых. Последние вообще вытесняются, главным образом по причине трудности справиться с весенним посевом, который осуществляется, при нынешнем недостатке рабочих и крайне высокой расценке рабочего труда, при значительно худших условиях, нежели осенний посев“ [38].

Что озимые культуры являются наиболее рентабельными, это было ясно и для среднего и для кулацкого кре-

стьянства, быстро расширявшего площади своих озимых посевов, как более выгодных и менее рискованных.

Производство технических и других культур.

По вопросу о пропорциях других культур интересно привести цифры по Полтавской губ., в которой не было тех специфических прифронтовых явлений, как в западных или юго-западных губерниях, или „ликвидаций“ земель по национальным признакам, как на юге.

Название посевов.	Годы: 1910	1916
	В процентах.	
Рожь (озимая)	22,4	26,1
Озимая пшеница	2,2	11,6
Яровая пшеница	29,9	16,1
Ячмень	15,4	11,5
Овес	12,7	13,2
Гречиха	6,0	6,6
Просо	3,3	3,0
Конопля	1,0	0,8
Лен	0,4	0,2
Баштаны	1,2	0,7
Сахарная свекла	0,9	1,8
Картофель	1,1	1,5
Однолетние травы	1,4	4,1
Многолетние „	0,4	1,0
Остальные	1,7	1,8

На крупных владельческих землях произошло такое изменение:

Название посевов.	1910 г.	1916 г.
Рожь	15,9	15,2
Озимая пшеница	8,8	15,7
Яровая пшеница	30,49	15,2
Ячмень	8,3	6,8
Овес	14,6	18,2
Гречиха	2,5	2,5
Просо	31,0	31,0 [39]

Здесь та же общая тенденция с озимыми и яровыми посевами, но, кроме того, увеличение сахарной свеклы, однолетних и многолетних трав. В абсолютных цифрах изменения

были таковы: увеличение сахарной свеклы на 22 тыс. дес. и кормовых трав на 87 тыс. дес. (с 45 т. до 132 т. д.). Эти изменения происходили на фоне общего уменьшения посевной площади губернии на 35 тыс. десятин.

В ряде других губерний, менее благоприятно расположенных в отношении фронта, посевы сахарной свеклы заметно падали, что сейчас же отражалось на производстве сахара. В некоторых губерниях, как Подольская, Киевская и даже Курская, плантации сахарной свеклы уже осенью 1916 г. остались не убранными, выкопанная свекла не свозилась на заводы из-за недостатка рабочих рук, лошадей, средств транспорта и т. п.

Цифры падения посевов и вывоза свеклы по всей стране таковы:

Годы.	Подвоз к заводу в тысячах берковцев.	Посевы в десятинах.
1914	701 268	61 783
1915	682 257	56 056
1916	613 114	44 168
1917	539 393	37 557 [40]

Здесь понесли убытки от сокращения посевов главным образом частные владельцы, так как доля крестьянских посевов была всего лишь 0,1% всей площади 1916 г., а частновладельческая доля до 5,1% [41].

Из других корнеплодов, площадь посевов которых уменьшилась за время войны, надо отметить картофель, служивший сырьем для винокурения. Законами 22/VIII и 29/IX 1914 г. запрещались продажа спирта и производство его на винокуренных заводах. Пахотные земли при этих заводах сократились с 1 884 тыс. дес. в 1914—15 гг. до 642 тыс. дес. в 1916 г., причем были оставлены лишь крупнейшие заводы. Количество сырых материалов на винокурение сократилось на 79,8%, причем из этого сокращения на картофель падало 80,4% [42]. В дальнейшем падение винокурения шло еще дальше, а с этим вместе и снижение посевов картофеля как технической культуры.

Абсолютные и относительные цифры понижения картофельных посевов таковы:

Годы.	В тысячах десятин.	В процентах.
1913	2.797	100
1914	2.323	83
1917	2.179	78 [43]

Наиболее пострадавшими от сокращения посевов картофеля были губернии прифронтовые с процентом перекурки картофеля по отношению ко всему его сбору 4,7 (Виленская) до 13,2% (Эстляндская). Из центральных губерний могут быть отмечены Орловская с 4% перекурки, Черниговская—6,9%, Тульская—7,2%, Пензенская—8,9%, Тамбовская—8,95% [44].

С посевами табака в период войны по ряду районов имеем снижение: Европейская часть России (без Украины, Крыма и Сев. Кавказа) понизила посевы на 9%, Украина на 5%, Крым — без изменения, Кубань повысила их на 71%, и Кавказ понизил на 21% (Кубань дает всего лишь 17,7% посевов указанных районов) [45]. Остальные районы вообще имели незначительные посевы табака.

Таким образом эта трудоемкая по преимуществу культура мелких хозяйств в целом не испытала значительного понижения, а Кубань, вообще чрезвычайно страдавшая от недостатка рабочих рук, сумела даже повысить посевы табака в столь значительной степени.

Совершенно своеобразные условия пережила другая весьма распространенная окраинная культура — хлопок. Вот цифры посева и сбора хлопка по Туркестану [46] (причем необходимо отметить, что призыва местного населения на военную службу до конца 1916 г. здесь не производилось):

Годы.	Посев в тыс. дес.	Сбор в млн. пуд. сырца.
1913	497,8	29,7
1914	566,3	31,3
1915	678,9	59,7
1916	714,3	47,8
1917	425,0	25,5

В 1915 г. в органе министерства земледелия писали: „Расширение площади хлопковых плантаций, рекордный урожай и небывало выгодные условия его реализации (высокие цены) подняли доходность хлопкового хозяйства до необыкновенно высокого уровня, не имевшего себе примеров во всей прежней истории промысла в крае. Верным признаком высокоположительных результатов года служит факт погашения населением значительной части своих старых хлопковых долгов. В областях Закаспийской, Сыр-Дарьинской и Самаркандской долги как новые, так и прежние выплачены полностью. Из Ферганы пишут, что нынешние долги погашены полностью, а из старых осталось от 5 до 25%“ [47]. (При вздорожании продуктов и предметов первой необходимости выплата долгов—явление еще более характерное. *А. Ш.*).

Но 1916 год принес неурожай хлопка, и выход был не больше 30% (из 3 п. 20 ф. сырца—1 п. волокна). К тому же изменились и общие условия. „В связи с расстройством транспорта, а также всего хозяйства в стране, в крае наступает острая нужда в продовольствии. Недостаток продуктов питания вызывает общую дороговизну и угрожает хлопковой культуре тем, что население вынуждено обратиться к производству продовольственных продуктов, сокращая производство хлопка“.

20 ноября 1916 г. были установлены предельные цены на русский хлопок урожая 1916 г. „На местах норму находили дешевой“ [48]. 30 р. пуд франко—Промышленный район и 6 р. 50 к.—7 р. 75 к. сырец „разочаровали производителей“ [49].

В конце 1915 г. дороговизна в Туркестане приняла острые формы, и 1916 год протекал уже в полосе общей дороговизны, осложненной к тому же вспыхнувшими в крае беспорядками вследствие призыва на оборону туземцев.

Падение культуры хлопчатника особенно сильно сказалось в 1917 г., когда сбор упал вдвое более, чем в 1915 г., а площадь посевов сократилась на 59% против 1916 года.

Льняные посевы в 1917 г. упали в черноземной полосе на 13,6% против 1913 г. и увеличились в нечерноземной на 4,5%; но, если взять главный льняной район—Приозерный, то мы получим за 1916 г. увеличение на 22,1% и за 1917 г.—на 16,2%. Та же картина и с коноплей, причем Приозерный район дает за оба года повышение на 18,2%. Несколько в меньших размерах, но все же повышение за годы войны дают районы льняных посевов Белорусский—на 3,7%, Центрально-промышленный—13,3% и Северный—15,3%.

Кореспонденты министерства земледелия из льняных районов отмечают за все годы войны успехи с посевами льна и ставят это в связь с высокими ценами на него, зна-

чительным спросом и вывозом льна за границу (через Архангельск в Англию и Америку) и усиленной работой льняных фабрик, на которых производство пряжи с 3 133 тыс. пудов в 1913—14 гг. возросло до 3 918 тыс. пуд. в 1916 г., а число станков увеличилось с 15 049 до 15 511.

Усиленные требования на шелк для военных надобностей, на растения для выделки лекарств для армии и на другие мелкие культуры, спрос на продукты которых в обстановке войны чрезвычайно возрос, находили разрешение постольку, поскольку имелись объективные возможности увеличения этих культур.

Особенно энергично развивались огородные культуры, дававшие кормовые средства для армии и населения *.

Рабочий скот. По переписям, произведенным в годы войны, число рабочих лошадей в Европейской России понизилось: 4-хлеток и старше с 15 138 тыс. голов в 1916 г. до 12 807 тыс. голов в 1917 г., причем всего скота, считая молодняк и жеребят, было в 1916 г. 20 712 тыс. голов, а в 1917 г.—15 894 тыс. голов, т. е. понижение в первом случае дает 15% и во втором 23,3%. По Европейской и Азиатской России вместе падение числа рабочих лошадей в возрасте 4-х лет и выше за переписные 1916—17 гг. дает снижение на 25,1%.

Это обстоятельство явилось следствием реквизиций лошадей для армии, которых было взято в первые же годы войны до 2 млн. голов, причем брали „безобразно“ — во время полевых работ, отбирали лучших, иногда всех, что были в хозяйстве, сразу лишая его рабочей силы.

Наибольший процент реквизиций пал на „лошадные“ губернии центра: Тамбовскую — с 22,6 тыс. голов избытка, Воронежскую — с 16,2 тыс. гол., Курскую — с 8,5 тыс. гол., Полтавскую — с 7,3 тыс., Саратовскую — с 6,5 тыс., Орловскую—с 5,2 тыс., Пензенскую—с 4,6 тыс. голов и т. д.

Для иллюстрации приведем справку о реквизиции лошадей в Херсонском уезде в 1914 г. [50]. Здесь в 1913 г. было 200 182 лошади, а в 1914 г. их стало всего лишь 176 136; это уменьшение получилось главным образом из-за мобилизаций, отнявших по уезду 3 416 лошадей, а остальное из-за реквизиций, производившихся воинскими чинами на местах.

В том же уезде количество волов убавилось с 22 109 голов в 1913 г. до 17 734 гол. в 1914 г., а коров уменьшилось с 95 993 гол. в 1913 г. до 89 464 гол. в 1914 г.

Другая иллюстрация касается убыли лошадей по центральной—Московской губернии, где по сравнению с 1912 г.

---

* О расширении огородных культур говорит между прочим Огановский — „Экон. география“, стр. 171.

в 1916 г. убыло лошадей—7 851, т. е. 3,8% всего количества и 8,1% рабочих лошадей 4-х лет и старше [51].

Такого рода убыль лошадей сильно отражалась на хозяйствах, особенно бедноты; правда, бедняцкие клячи непосредственно редко попадали в армию, но все же лучший конский состав от бедноты тем или иным путем переходил к более зажиточным слоям деревни, замещая взятых у них подходящих лошадей для армии. Цена на лошадь с 80 р. в 1915 г. повысились до 200 р. в 1916 г. Земства забили тревогу, особенно когда выяснилась тесная зависимость падения посевных площадей от недостатка рабочего скота. „Хозяева, обратите особенное внимание на свое животноводство! Угрожающие недосевы! Нельзя при теперешних ценах на лошадей выращивать 7 жеребят на 100 взрослых лошадей!“—большими буквами печатались лозунги в земских изданиях для крестьян. В реквизициях лошадей, помимо лишения хозяйства рабочей силы, имелась еще и вторая сторона, особенно важная для земель центра,—это уменьшение количества навоза, недостаток которого непрерывно увеличивался, особенно в связи с „ликвидацией“ другой части скота—крупного рогатого, свиней, овец.

Мясной скот [52] Уже с 1914 г. началось его истребление из-за недостатка кормов. По вычислениям Лискуна, к 1/IV 1916 г. потеря русского животноводства достигла не менее 1/3 всего числа животных. Армия к началу 1917 г. съела до 7 млн. голов скота. В губерниях, занятых неприятелем, скот был уничтожен полностью, что составляет утрату до 5 млн. голов крупного рогатого скота. В районе военных действий и вблизи фронта реквизировалось для армии 50 - 60% общего наличия скота, причем реквизиции производились крайне бессистемно: отдельные части армии брали скота в размерах больше надобности, и реквизированный скот тощал; падеж от плохого ухода был огромный, скот гибнул во время перегонов, перевозок и худал так, что от него оставались одни кости. При реквизициях не разбирали, какой скот попадает в руки—племенной или молочный.

Из Таврической губернии в 1916 г. сообщали: „Падение количества скота на 40 - 50% и более; сокращение скота повело к уменьшению и земледелия“; из Полтавской: распродажа молодняка выходила за пределы нормального из-за высоких цен на скот и требования скота для нужд армии.

Крупный скот скупался по высоким ценам для армии; дорожал и молодняк. „Усиленно сбывали молодняк, потому что хозяева-мужчины взяты на войну, а жены их, за неимением своих пастухов, нанимать таковых не желают“. „Мужчины забраны на войну, а дома заботиться о молодняке

некому, а к этому же еще дорого платится". „Усиленная продажа по той причине, что цена страшно большая, а доглядеть скотину некому и трудно ее содержать". „Молодняк покупали лишь более зажиточные хозяева, распродавшие свой крупный скот и теперь пополнявшие его приобретением молодых экземпляров... Накупит хозяин молодняка, подкармливает, а потом перепродает". „Усиленный сбыт все время свиней на сало для поставки в армию. Барышники покупали свиней нарасхват, не дав их вырастить". Так описывали этот процесс ликвидации скотоводства полтавские земские кореспонденты.

В районах сокращенного винокурения и сахароварения сократились и выходы отбросов, которые скармливались скоту; вместе с этим шло сокращение и количества самого скота.

В Пензенской губ. распродавали скот из-за недостатка кормов, в Калужской — вследствие реквизиций. В 1915—1916 гг. „количество скота заметно сократилось, и это сокращение плохо отразилось на хозяйстве". В Костромской губ. скот держат больше для навоза, который из-за плохого корма также плохой. В Смоленской губ. корма съел эвакуировавшийся скот, и местный остался без них; и идет большая его распродажа". По Московской губ. число быков и коров сократилось с 1914 по 1916 г. на 12,5%, нетели и бычки—на 54,2% и лишь телята—в повышении на 19,3%. Убой овец на мясо в Тамбовской губ. в 1916 г. происходил при совершенно ненормальной скученности их в вагонах, недостатке корма, общего ухода и т. п., в результате чего масса овец погибла, а от остальных оставались лишь кожа да кости. В южных губерниях помещики, взявшие на себя содержание на зиму реквизированного для армии скота, так его истощили, что весной скот в большей части стад передох и отощал до того, что не стоял на ногах.

Особенно трудные годы из-за недостатка скота пережили Московская и Петроградская губернии с их огромными потребительскими рынками. Из провинциальных губерний особые затруднения со скотом были на Украине, в Екатеринославской и Херсонской губ., а в центре — в Орловской, Тульской и Рязанской губ.

Министерство земледелия составляло докладные записки о падении русского скотоводства, проектировало организацию союзов скотоводов по типу имевшихся в Польше и в Прибалтике; для развития свиноводства предполагалось купить в 1917 г. 500 гнезд племенных поросят, выдать крупным свиноводам 100 ссуд в сумме 10-50 т. р. каждому, использовать оставшиеся в России концентрированные корма и т. д. Но, увы, это были лишь „благие пожелания".

Молочное хозяйство [53].

Молочное хозяйство в связи с маслоделием и сыроварением до войны 1914 г. развивалось очень энергично, особенно выработка масла, которая производилась главным образом за счет заграничного экспорта: в Англию мы ввозили 23,5% всего ее ввоза масла и в Германию — 59,1%. Расширялся и внутренний рынок. На первом месте по производству масла стояли Томская и Тобольская губернии с прилегающим Степным районом — Акмолинской и Семипалатинской областями, на втором — Вологодско-ярославский район; по сыроварению выделялись Смоленская губ., Кавказ и Прибалтийский край. В 1911 г. в Сибири открылся первый завод по выделке сыра „чеддер", а к 1914 г. таких заводов было уже 40. (В Смоленской губ. в это время было 80 сыроваренных заводов).

Разрушение молочного хозяйства началось с фронтовой полосы, откуда раньше отправлялось по жел. дороге до 250 тыс. пудов масла. С началом войны эти тысячи пудов „исчезли".

Смоленский тыловой район испытывал на себе бешеный рост спроса и, в частности, большой армейский спрос на сыры, что стимулировало производство последних. Реквизиции скота коснулись, в частности, и молочного скота; приэтом ушел больше „брак", частью молодняк, но дело доходило и до дойного скота, и хозяева занялись поневоле отбором скота, что не приминуло кое-где сказаться на повышении средних удоев стад. Однако неурожаи кормов 1913 и 1914 гг. уже заранее ухудшили положение районов, в особенности Вологодско-ярославского.

Вологодское общество сельского хозяйства в 1915 г. исследовало (повторно) 8 артелей и получило такие результаты: с 1912 г. по 1915 г. увеличение членов на 8%, уменьшение коров на 24% и уменьшение молока на 13%.

Война отняла рабочих и мастеров (это отразилось на качестве товара), отняла кооперативных работников, что тоже повело к сокращению производства. Только рост цен задерживал более усиленное снижение размеров молочного хозяйства. В Сибири это снижение приняло резкий характер: производство масла в Европейской России в 1916 г. упало до 150 тыс. пудов, в Сибири же оно сократилось до 1 млн. пуд. и более.

Газета „Алтайский крестьянин" за январь-апрель 1916 г. определяла сокращение производства масла в Бийском округе на 55-68%, „Народная газета", официальный орган Сибирского союза маслодельных артелей, определяла в сентябре 1916 г. убыль на 31%, а „Справочный листок" (орган правительственной инструкторской организации) в 25-30%; на 1917 г., по сведениям Сибирского союза, ожидалось даль-

нейшее сокращение производства (всего до 3,5 млн. пуд.). Приэтом районные неурожаи кормов и массовые падежи представляли частичное дополнение к тем тяжелым переживаниям, которые пришлось перенести маслоделию края. Система государственных закупок, на-ряду с состоянием местного рынка, создали трудную обстановку для маслоделия. Запрещение вывоза масла из России, а потом и из Сибири, повело сначала к чрезвычайному падению цен на масло в Сибири; поставки на армию весною 1915 г. проходили по 11,5 р. за пуд. С сентября 1915 г. вводится твердая цена 18-19 р. за пуд, которая являлась недостаточно высокой с точки зрения соотношения цен на другие товары. Началась более выгодная распродажа коров на мясо. Маслоделие пошло вниз: с 7 млн. пуд. в 1913 г. оно сократилось для Сибири до $4^1/_2$ млн. пуд. в 1916 г. В Англии усиленно скупали русское масло, и вывоз его увеличивался: в 1914 г. было вывезено 1746 тыс. пуд., а в 1915 г.— 2900 тыс. пудов. В самой России масла уже нехватало, но вывоз в Англию продолжался. „Не доедали, а вывозили“. Запрещение вывоза масла появилось лишь в конце 1915 г. К этому времени с внутренним рынком произошли весьма значительные изменения. С 1/X 1915 г. по июнь 1916 г. отдел заготовок для армии закупил 3011 тыс. пуд.; в 1914 г. заготовки в Сибири вообще дали 3369 тыс. пудов и в 1915 г.—5166 тыс. пудов; таким образом для внутреннего „вольного“ рынка оставались „рожки да ножки“.

В то же время было сокращение поступления масла и на другие потребительные рынки, и общий дефицит в жирах исчислялся в 12 млн. пуд. Дальнейшие запрещения вывоза из Сибири и затруднения с транспортом создали крайний недостаток в масле.

Единственным районом для вольного покупателя был Вологодско-ярославский. Все бросаются сюда. Масла нехватает. Цены поднимаются до 60-70 руб. * пуд в сентябре 1916 г.; в ноябре они доходят до 120-150-160 руб. за пуд. Поставщики молока получали за пуд молока 2-3 руб., а в ноябре-декабре 1916 г.—4 р. 50 к.—5 р. Потом начались „таксы“, которые еще больше дезорганизовали рынок, и в результате масло стало совершенно недоступно потребителю.

Соседние губернии — Костромская, Петроградская — пытались было использовать „конъюнктуру“, но увеличение молочного скота натыкалось на недостаток кормов, отрубей, жмыхов, на плохой урожай корнеплодов.

---

* Нормальные экспортные цены в 1913 году были от 12 до 17 руб. за пуд.

С.-х. машины и удобрения [54].

С машинами и орудиями, необходимыми в сельском хозяйстве, с начала войны произошел ряд существенных изменений. Сельское хозяйство потеряло прежде всего рынок по ввозу их из Германии и Австрии. Ввоз из других стран не скоро наладился, а привезенные из Америки в Архангельск и Владивосток машины не могли быть продвинуты внутрь страны, так как до них не доходила очередь по перевозкам. Падение ввоза машин и орудий видно из следующих цифр: в 1911—1913 г. было ввезено 9 667 тыс. пуд., в 1914 г. — 7 233,5 тыс. пуд., в 1915 г. — 196 тыс. пуд., в 1916 г. — 391 тыс. пуд. и в 1917 г. — 1 726 тыс. пуд.

Внутреннее производство с.-х. машин также покатилось вниз с первого же года войны. Совет съездов фабрикантов земледельческих машин определял это падение такими отношениями: производство в 1914 г. — 90% нормального выпуска, в 1915 г. — 50%, в 1916 г. — 20% и в 1917 г. — 15%.

Создание в 1914 г. синдиката заводчиков и синдиката по машиноторговле, в который входили и земства и Народный банк и департамент земледелия, кредитовавший синдикат на 6 миллионов рублей в золотой валюте и содействовавший заказу в Швеции и в Америке 20 000 уборочных машин (на 1917 год было заказано в Америке 97 тыс. уборочных машин), мало помогло делу. Большой недостаток оказался и в шпагате для уборочных машин. Орловская учебно-показательная мастерская могла дать всего лишь до 100 тыс. пуд. шпагата, потребность же в нем исчислялась в 1 100 - 1 200 тыс. пудов в год; в 1915 г. из Америки удалось получить и распределить 170 тыс. пуд. шпагата. Нехватало брезентов и ремней для молотилок, так как производство их не было признано „работой на оборону".

Производство кос давало лишь 15% потребности. Повысился интерес к тракторам: 7-ми заводам правительством были выданы ссуды для организации тракторостроения.

Между тем рынок с.-х. машин, вследствие недостатка рабочих рук, настойчиво их требовал. Спрос на машины предъявляли не только помещики, но и значительные группы крестьянства. Но машины всё дорожали: плуг в 1913 г. стоил 5 р., в 1916 г. — 20 р., молотилка в 1913 г. — 200 р., в 1916 г. — 900 р. и т. д.; а потом, когда запасы истощились, их вовсе стало нехватать.

По Полтавской губ. статзембюро отмечало такие факты: „Многие стремятся приобрести сенокосилки, но таковых на складе не имеется, затем — культиваторы, которых на складе тоже нет", „з а м е ч а е т с я у с и л е н н а я п о к у п к а с е я л о к и ж а т о к, н о т о л ь к о т а к о в ы х

совсем нет на складах". Больше всего требовались орудия для уборки: жатки, косарки, косилки, особенно типа лобогреек, и сенокосилки, затем сеялки и реже остальные. „Состоятельные хозяева почти все стараются приобрести жатвенные машины". „Жатки покупали нарасхват и даже вперед вносили торговцу задаток", „все жатки были заблаговременно раскуплены на складах в г. Дубнах",— такого рода замечания постоянно встречаются и в земской и в сельскохозяйственной экономической литературе.

О недостатке с.-х. машин в департаменте земледелия имелись сведения из губерний Курской, Воронежской, Полтавской, Смоленской, Бессарабской, Владимирской, Херсонской, Таврической, Могилевской, Киевской, Вологодской и даже Архангельской.

На пользовании уже имевшимся с.-х. инвентарем отражались и такие явления, как недостаток кузнецов, машинистов и других мастеров, призванных в армию и отозванных лишь в апреле 1917 г., а также полное отсутствие запасных частей на случай их изнашивания или поломки.

Организация ремонтных мастерских для с.-х. машин наткнулась на недостаток металлов: правительство дало всего 200 тыс. пуд. металла вместо просимых 6 млн. пуд. и обычных 20 млн. пудов.

Помещичьи земства, считаясь с ропотом крестьян на недостаток машин, стали вести агитацию за создание машинных товариществ среди крестьян, принялись за организацию прокатных пунктов. Так, херсонские помещики, владевшие в 1915 г. 150 тракторами, решили дать возможность пользоваться ими наиболее нуждающемуся в машинах крестьянству. Зимняя сессия губернского земства постановила в первую очередь открыть в губернии ряд пунктов по молотьбе, причем машины должны были отпускаться вместе с опытными машинистами за недорогую плату под контролем земской управы; но эта затея большого успеха не имела.

В 1913 г. русским сельским хозяйством потреблялось 46 млн. пудов минеральных удобрений: 37 млн. пуд. фосфорно-кислых, 4 млн. пуд. азотистых и 5 млн. пуд. калийных. Из этого количества 33 млн. пудов шло из Германии и 13 млн. пудов приготовлялось в России. Значительная часть удобрений однако применялась обычно в западных губерниях, которые теперь были заняты неприятелем. Потребность на 1917 г. определялась для Европейской России так: суперфосфата — 6 млн. пудов, томасшлака 5 млн., фосфорной муки — 500 тыс., костяной муки, чилийской селитры и калийных солей — по 1 млн., а всего 13½ млн. пудов. Сокращение животноводства, а вместе с этим и навоза, вызывало острую потребность в

минеральных удобрениях; сельские хозяева особенно нуждались в суперфосфате, томасшлаке, преципитатах и фосфорной муке.

Помещичьи хозяйства в отношении удобрений и с.-х. машин и орудий находились в более выгодных условиях, чем крестьянские, так как все, что добывалось в этом отношении земствами, в первую голову попадало помещикам, а не крестьянам. R. Klaus сообщает, что правительство снабжало хозяйства крупных помещиков вне очереди паровыми плугами.

Рабочие руки[55]. Одним из решающих факторов в хозяйстве являются рабочие руки. Влияние мобилизаций на сельское хозяйство России было несомненно весьма значительно, но учесть это обстоятельство в цифровых данных очень трудно, ибо так называемое „перенаселение деревни“ учитывалось до сих пор лишь приблизительно. Кроме того, мобилизации происходили в различные периоды годов войны, и отражение их на сельском хозяйстве приходится учитывать с поправками и на это обстоятельство.

Главнейшие мобилизации были во втором полугодии 1914 г. — 5 115 тыс. чел., в 1915 г. — еще 5 210 тыс. чел., в 1916 г. мобилизованных насчитывалось до 13 млн. чел., а к весне 1917 г. цифра их превышала 15 миллионов.

По правительственным подсчетам (дело в архиве б. мин. земледелия — „О мероприятиях в связи с войной“) с рабочей силой обстояло так: „На 1/I 1914 г. числилось в России 129 млн. душ обоего пола *. Из них детей обоего пола до 10 лет (принимая процентную норму переписи 1897 г.) — 27%, юношей и девушек до 20 лет — 21% и лиц старше 50 лет — 14%, а всего 62%. Таким образом полнорабочих (от 20 до 50 лет) было 38%, т. е. 49 млн. мужчин и женщин вместе. Принимая во внимание процент мужчин в 49,76, а женщин в 50,24, в круглых цифрах получим полнорабочих мужчин около 24 млн. чел. По той же переписи 1897 г. процент лиц, занимающихся сельским хозяйством, составлял 74,6%, что дает в результате к началу войны 18 млн. мужской полнорабочей силы в деревне, из которой и черпался главный контингент армии“.

* В эту цифру, вероятно, не вошли Туркестан с населением свыше $5^1/_2$ млн. душ, Польша — около 13 млн., Финляндия — свыше 3 млн., Закавказье — 7 млн. и 6 сибирских губерний (Забайкальская, Якутская, Приморская, Амурская, Камчатка и Сахалин) с $9^1/_2$ млн. душ.

По переписи 1916 г., в России, за исключением Туркестана, Закавказья и Дальневосточной республики, считалось свыше 124 млн. душ (Латвия, Эстония, Литва, Польша, Финляндия сюда также не вошли). Добавляя население первых трех районов, откуда в годы войны черпались значительные силы для фронта, получим для 1916 г. цифру около 132 млн. душ.

Намеренно преуменьшая процентное отношение мобилизованных крестьян, по сравнению с горожанами, до 75% состава взятых в армию (горожане получали в массовом порядке всякого рода отсрочки и освобождения от мобилизаций для работы на оборону), мы получим, что в первом же году войны деревня потеряла 4865 тыс. чел., в 1915 г. еще около 4 млн. и в 1916 г. — свыше $2^1/_2$ млн., что в общем итоге дает 11 млн. с лишним.

Как бы ни была перенаселена деревня в отношении землепользования, но из своих 18 млн. душ она отпускала не менее, если не более, полутора-двух млн. полнорабочих мужчин в качестве отхожих сельских рабочих и батраков. Затем занятия кустарными промыслами, извозом, лесными работами и т. д. должны в значительной мере уменьшить количество „перенаселенных", и заявления Данилова о 80 процентах избыточной рабочей силы в деревне страдают явным преувеличением.

В результате на 18 млн. крестьянских хозяйств (по переписи 1916 г. в 48 губерниях Европейской России без Кавказа, Сибири и Степного края их было $15^1/_2$ млн. с 82,3 млн. душ обоего пола) остаток полнорабочих был до крайности незначителен. Мобилизации 1916 г. вычерпали эту силу до последней степени. Вот почему крестьянские хозяйства в первую очередь сокращали отход полнорабочих в частновладельческие хозяйства; затем, с выравниванием цен на рабочие руки в центрально-земледельческих губерниях, отход почти совсем прекратился для полнорабочих и очень сократился для женщин и полурабочих, которых нанимали главным образом в местных хозяйствах и которыми пришлось заменять мобилизованных в собственных хозяйствах этих мобилизованных.

Таким образом, если принять во внимание, что в крестьянском хозяйстве с его слабо развитой техникой мускульная сила полнорабочих имела решающее значение, то оставшаяся в деревне часть мужчин, негодных к военной службе — второразрядников, больных и бракованных несмотря на пониженные нормы, в отношении производительности являлась далеко не полноценным материалом, а общее положение крестьянских хозяйств находилось далеко не в столь благоприятных условиях, как это изображалось в официальной прессе, в заявлениях власти в Гос. думе и т. д.

В. П. Милютин в работе „Сельскохозяйственные рабочие и война" склонен преувеличивать значение официальных изданий министерства земледелия, и поэтому он несколько преуменьшает обезлюдение деревни в отношении мужской полнорабочей силы, что объясняется, вероятно, еще

и тем, что в распоряжении автора не было полных цифр по мобилизациям *.

Если в разделе „Площадь посевов“ мы указывали, что в крестьянских хозяйствах сокращения посевов были менее значительны, чем у частных владельцев, то это происходило за счет полного напряжения усилий всех второстепенных сил в семьях крестьян, за счет сокращения кустарных промыслов, прекращения отходов, переселений, за счет свертывания работ по постройкам, уменьшения скота и т. д. Оставшиеся в деревне без полнорабочих семьи тянулись во что бы то ни стало вырастить хлеб, чтобы не умереть с голоду, используя все силы, какие только имелись в хозяйстве. Это не всем удавалось. Хозяйства начинали хиреть и катиться под гору. Попытки перехода к озимым хлебам, чтобы в растянутое таким путем время получить соответствующий хозяйственный эффект от остатков рабочей силы, приводили к дальнейшему распаду хозяйства — к несвоевременной уборке, к поздним севам, порче урожая и т. д.

Необходимо заметить, что во многих хозяйствах не оказывалось в достаточном количестве и этих второстепенных рабочих сил. Солдатки с малышами вынуждались жить на паек и в значительном числе случаев забрасывать свои хозяйства или же до последней степени „разбазаривать“ его основной фонд — запускать землю, продавать мертвый и живой инвентарь, постройки и т. д.

Процесс распада производительных сил захватывал не только деревенские низы: он в очень сильной степени отражался и на „отработочных“ латифундиарных хозяйствах и на частновладельческих хозяйствах капиталистического типа; но об этом будет сказано дальше.

Важно еще заметить, что в 1915 и 1916 гг. убыль рабочих рук в сельском хозяйстве обострилась отвлечением части сельского населения на фабрично-заводские предприятия, более выгодно оплачивающие труд и предоставлявшие отсрочки по призывам на военную службу. Рабочих рук в сельском хозяйстве явно нехватало. Юго-западные помещики проектировали организацию принудительных дружин из безземельных и малоземельных крестьян. „Северное сельскохозяйственное общество“ просило у министра земледелия дать арестантов и снять рабочих с летних лесных заготовок („Речь“ 5/VII 1916 г.). „В Саратовской губ. для с.-х. работ организовался отряд из полицейских страж-

* Ссылаясь на заметку в „Известиях Главного управления землеустройства и земледелия“ 1915 г., № 20, стр. 480, С. Н. Прокопович число крестьян рабочего возраста устанавливает в 27 млн. чел., но здесь несомненное преувеличение и главным образом, вероятно, за счет юношества и городского населения.

ников, для которого соседние помещики собрали достаточное количество кос, серпов и других орудий, а прокатная станция и некоторые имения отпускали даже косилки".

Принудительный труд этого рода, к сожалению, не получил широкого распространения. В гораздо бо́льших размерах практиковался труд военнопленных.

По сведениям генерального штаба, на 1 декабря 1916 г. из 1 138 тыс. чел. военнопленных, занятых на принудительных работах, в сельском хозяйстве было до 500 тыс. чел. С перевозкой военнопленных возник ряд недоразумений, так как вначале значительная часть пленных была поселена в Сибири и в 1916 г. приходилось перевозить их оттуда маршрутными поездами в Европейскую Россию за счет и без того незначительных перевозочных средств между Сибирью и центром страны. Потребность в военнопленных, как рабочей силе, на 1917 г. земствами для всей Европейской России исчислялась в цифре свыше 1½ млн. чел. Огромная масса военнопленных распределялась земствами, и в первую очередь их получали крупнейшие и влиятельные землевладельцы, хозяйства которых вследствие этого обстоятельства могли и не снижать своих посевных площадей (см. об этом красноречивую табличку по Херсонской губ. в гл. III „С.-х. производство", раздел „Площади посевов").

По сообщению А. Петрищева, приводимому в журнале „Дело" (№ 2, 1916 г.), „в Аткарском у. пленные размещены по богатым экономиям; некоторое количество получили старшины, священники, отдельные лица, близкие к местным влиятельным земцам. В Балашевском у. крупные партии пленных получили: экономия графини Соллогуб, экономия княгини Гагариной, землевладельцы С. В. Кожевников, А. Н. Кожевников, П. А. Морозов, С. Ф. Летунов и другие. Пленные при распределении попадали даже туда, где без них вполне можно было бы обойтись или даже где они вовсе не нужны. Снабдили, например, монастырскую братию — единственно для того, чтобы освободить монашествующих от такого повседневного физического труда, как возка воды, колка дров и т. д., хотя не грех было бы инокам потрудиться. В с. Лемешкине Камышинского у. пленного «выхлопотал» местный батюшка. Но этот батюшка не пашет, не сеет, своей работы у него нет, и он стал «торговать» пленным: кому нужно, тот может явиться к батюшке, нанять у него работника, заплатить батюшке договорную плату, и тогда батюшка отпустит пленного. Дело дошло даже до того, что лемешкинский батюшка «отпускал», разумеется за плату, своего пленного... на землемерные работы Крестьянского банка, учреждения государственного".

Иное отношение у земств было к крестьянам.

Земства и Всероссийская сельскохозяйственная палата во главе с кн. Щербатовым самым эгоистическим образом направляли политику правительства в деле использования труда военнопленных и их эксплуатации.

Другим элементом для возмещения недостававших в сельском хозяйстве рабочих рук были беженцы. Их насчитывалось свыше 3 млн. чел., в том числе 266 тыс. мужчин рабочего возраста. Министр земледелия Наумов по поводу беженцев писал в циркуляре губернским и уездным земским управам: „Земледелие составляет их исконный промысел; при широкой организации посредничества обращение беженцев к привычному и выгодно оплачиваемому труду может быть весьма значительным... Обращаю внимание земских управ на заявления местных организаций, оказывающих помощь беженцам, что для широкого их привлечения к с.-х. работам необходимо прочное, а не кратковременное помещение на эти работы и притом, по возможности, целыми семьями и группами односельчан". „Конечно, — меланхолически замечает циркуляр, — при найме семьями значительная часть их будет состоять из женщин, засим полурабочих и совершенно малолетних; однако, — обнадеживает далее министр, — уже на опыте выяснилось, что в короткий сравнительно срок вся трудовая сила семьи приспособляется к разнообразным потребностям сельского хозяйства и, не исключая малолетних, оказывается не только полезной, но даже необходимой, за крайним недостатком полнорабочих рук".

Цинизм царского министра беспределен. Чтобы заставить беженцев пойти в помещичью кабалу, у них вначале отнимали нищенский паек, но это плохо помогало, и тогда правительство приняло решение выдавать паек, сверх обычной платы, тем, кто идет на работу. Помещики учли безвыходное положение беженцев и, например в Саратовской губ., установили твердые цены при найме беженцев на с.-х. работы. Саратовский губернатор получил по этому поводу телеграмму от министра внутренних дел, в которой говорилось: „Принимая во внимание, что наем беженцев на работы должен безусловно основываться на добровольном соглашении сторон, прошу принять зависящие меры к отмене установленных твердых цен" („Утро России", 15/VII 1916 г.). В том же 1916 г. „в ряде уездов Московской губернии, особенно же в Калужской губ., все лица от 15 до 50 лет, свободные от с.-х. работ, были объявлены (распоряжением губернатора Ченыкаева) обязанными поступать на работы в помещичьи экономии". Этот вотчинный порядок снабжения помещиков рабочей силой показался чересчур уже средневековым, и его также пришлось отменить.

Всеми этими мерами удалось из 3 млн. беженцев привлечь на работы по урожаю 1916 г. только 250 тыс. мужчин и женщин всех возрастов.

Еще печальнее обстояло дело с „желтым“ трудом. Инициатива в этом вопросе принадлежала рязанским земцам, заявившим, что без труда китайских и корейских рабочих русское сельское хозяйство должно пережить тяжелые потрясения, особенно после окончания войны, когда военнопленные уйдут по домам. Эту же точку зрения энергично развивали перед правительством и помещики юга России.

4 апреля 1916 г. были опубликованы правила о применении труда рабочих желтой расы: „Таковые допускаются лишь по соглашению министров военного, внутренних дел и путей сообщения“. Министр земледелия хлопотал, чтобы „желтых“ допустили на полевые работы повсеместно, „где будет чувствоваться нужда в рабочих для уборки урожая“; приэтом он указывал, что „многие земские управы испрашивали по 10-15 тыс. рабочих в одну только очередь“.

На 1 июля 1916 г. было нанято 70 тыс. китайцев, из которых направлено на полевые работы всего лишь 20 тыс. чел., вместо ожидавшихся минимум 50 тыс. чел. Официально недостаток „желтых“ объяснялся слабой провозоспособностью сибирских жел. дорог, но несомненно, что главную роль сыграли здесь условия, которые выставили при подписании контрактов китайцы — главный контингент нанимаемых, а именно — 70 р. в месяц на хозяйских харчах, не считая расходов по доставке к месту работ. Помещики находили, что это для них очень дорогой труд, и отказывались от дальнейших наймов.

Попытки нанимать рабочих-персов для сельского хозяйства успеха не имели. До 200 тыс. чел. персов, приглашенных на работы, осели на Кавказе, главным образом на нефтяных промыслах, при 2-рублевой поденной плате, и передвигаться в Россию не выражали никакого желания.

Осенний указ 1915 г. гласил об обучении школьников сельскому хозяйству, но вся вообще „школьная помощь“ деревне во время войны в значительной мере оказалась карикатурой и вызвала у крестьян много горьких минут разочарования в помощниках, которые только ели и пили, да еще доламывали постройки и инвентарь, вредили скот и т. д.

О рабочих дружинах тракторов и грузовых автомобилей мы уже упоминали в разделе „С.-х. машины и орудия“. Кроме херсонского земства, этот вопрос ставили орловские земцы, и, в частности, кое-что подготовили работники елецкой земской учебно-ремесленной мастерской. Однако дальше опытов и проектов дело не пошло. Лучше оказалось дело с прокатом молотилок, но и то в небольших размерах (к осени 1916 г.).

Так как положение с рабочими руками к концу 1915 г. и в начале 1916 г. все более и более обострялось, то „с высочайшего соизволения“ было разрешено отпускать на периоды горячей поры сельскохозяйственных работ до 200-250 тыс. человек из составов дружин ополчения, запасных батальонов и команд выздоравливающих; но эти отпускники каждый раз отпускались всего лишь на 4 недели, причем могли быть командированы на работы лишь в пределах уезда своего нахождения и не далее одного перехода от места квартирования.

В 1917 г., по распоряжению Керенского, были образованы особые команды из запасных для полевых работ и ремонта машин; эти команды работали по найму.

Все такие формы принудительного и полупринудительного труда в сельском хозяйстве в годы войны иногда вызывали протест местного рабочего населения, которое попадало в безработные и которое не могло бороться за соответствующее повышение заработной платы и т. п.

Нередко роль штрейкбрехеров выполняли военнопленные или беженцы. Эксплуатация их была беспредельна. Так плата военнопленным исчислялась в среднем по Самарской губ. в 6 р. в мес., тогда как рыночная цена стояла там в это же время (1916 г.) около 4 р.—4 р. 50 к. в день.

Исследование В. П. Милютина о заработной плате с.-х. рабочих во время войны дает исчерпывающую картину падения их реальной заработной платы и чрезмерной эксплуатации труда тех же военнопленных, беженцев, женщин, стариков, детей. Видимый рост заработной платы не мог догнать повышения цен на продукты первой необходимости. Уйти из своего района в соседний за более высокую плату рабочий часто не мог, так как волостная администрация не выдавала паспортов тем, кто состоял на учете в отношении призыва на военную службу.

В общем и целом, несмотря на внешние благоприятные условия для улучшения положения рабочих в частновладельческих имениях, оплата труда, рабочий день и питание рабочих за годы войны не только не возросли, но, наоборот, значительно ухудшились, что и отражалось в жизни села тем нервным настроением деревенской бедноты, особенно женщин, которое чаще всего выливалось в „бабьи бунты“, как их называют официальные источники того времени.

Отпуск из армии на полевые работы крестьян старших возрастов в 1917 г. явился в ряде случаев запоздалой мерой, и лишь кое-где при помощи отпущенной силы крестьянские хозяйства расширили свои посевы за счет усилившейся аренды земли у владельцев или просто захвата ее.

Итоги производства в сельском хозяйстве за годы войны.

Производительные силы сельского хозяйства во время войны были подорваны очень значительно. Наиболее пострадали мелкие крестьянские хозяйства и пролетарская часть деревни. Их нищенские хозяйства были дезорганизованы ухудшением орудий производства, недостатком рабочих сил, дезорганизацией рынка, падением цены денег, низкой реальной заработной платой и высокими ценами на все продукты первой необходимости. Деревня так обезлюдела, что, например, число браков сократилось.

Крепкое середняцкое хозяйство по тем же причинам пошатнулось и заметно пошло под гору к 1917 г.

Значительно лучше чувствовали себя „верха“ деревни.

Среди помещиков шел распад хозяйств с кабально-арендными отношениями.

Капиталистические хозяйства, жадно эксплуатируя попадавшую в их руки рабочую силу, всё же не имели ее в достаточном количестве и старались выйти из положения еще большей эксплуатацией рабочих и поднятием цен на продукты производства, тем более, что во многих случаях эти хозяйства оказались в привилегированном положении на внутреннем рынке.

Неурожай 1914 г. также дал толчок распаду многих некрепких хозяйств; сокращение винокурения не только сузило площадь посевов картофеля, но вместе с этим приостановило развитие интенсификации хозяйств в Центрально-черноземном районе. За сокращением вывоза за границу, почти совершенно прекратился ряд культур, напр. посевы чечевицы, гороха и т. д.

Падение хозяйств с сахарной свеклой повело за собою приостановку многих заводов и сокращение производства на оставшихся. Армия создала усиленный спрос на такие продукты, как овес, которые и замещали в ряде случаев прежние культуры, более ценные. Таким образом неблагоприятное влияние на сельское хозяйство во время войны имели: призывы рабочей силы в армию, мобилизации лошадей, реквизиции скота, недостаток сельскохозяйственных приборов, машин, орудий, удобрения, хорошего зерна и семян, разрыв торговых связей, ликвидация земель подданных воюющих стран, остановка вывоза, запрещение перевозок и т. д. Все это вместе взятое являлось факторами, дезорганизующими хозяйственное производство и обостряющими ту классовую борьбу деревни, которая все время шла в ней и кончилась бурным революционным прорывом в 1917 г.

ГЛАВА IV.

Урожай [56].

Хлебные продукты. Урожай всегда играл в русских условиях значительную роль как в области экономики, так и политики. В годы войны, в связи с разрывом рыночных отношений, приобрели особое значение урожаи не только в масштабе хозяйства страны в целом, но и по отдельным районам. Поэтому мы приведем в дальнейшем цифры не только общих показаний по урожаю, но и по отдельным наиболее важным в отношении хлебных продуктов районам.

Сначала установим общие характеристики годов по урожаям.

1914-й и 1917-й гг. Н. Д. Кондратьев называет годами пониженных, а 1915-й и 1916-й гг. — годами повышенных урожаев.

Валовые сборы всех хлебов, с вычетом оккупированных районов, по годам были таковы (в млн. пуд.):

Годы.	Продовольств.	В %.	Крупяные.	В %.	Кормовые.	В %.
1909—13	2 783,7	100	2 322,7	100	1 635,4	100
1914	2 788,1	100	1 836,8	78,2	1 489,8	91,1
1915	2 935,3	105,1	2 289,3	98,7	1 455,2	89,0
1916	2 281,7	82,0	1 961,5	80,2	1 316,6	80,5
1917	2 167,1	77,9	1 990,1	85,7	1 247,3	76,3

Из этой таблички видно падение сборов, происшедшее как вследствие оккупации, так и под влиянием сокращения посевов.

Наиболее любопытны цифры валового сбора хлебов в связи с урожаем 1917 г. по работе Лосицкого. Он пишет: „Сбор хлебов в 1917 г. оказался ниже среднего сбора за пятилетие 1909—1913 гг., а равно и сбора 1916 г. Шесть главных хлебов — рожь, пшеница, овес, ячмень, просо и гречиха — за пятилетие давали по всей России ежегодный сбор свыше 4 миллиардов пудов (4 045 млн. пуд.). В 1916 г. их собрано 3 597 млн. п., а в 1917 г. 3 503 млн. п. Таким образом сбор 1917 г. на 542 млн. п. или на 13,4% меньше, чем средний сбор за 5-летие, и на 95 млн. п. или на 2,6% менее сбора 1916 г. Общий сбор 1917 г. ниже среднего сбора за 5-летие

1909—1913 гг. по всем главным хлебам кроме гречихи, а по сравнению с 1916 г. он ниже сбора 1916 г. по ржи и овсу и выше по всем остальным хлебам. По Европейской России собрано в 1917 г. 2 646 млн. пуд. шести главных хлебов против 3 036 млн. п. в 1916 г. и 3 406 млн. п. в среднем за 5-летие 1909—13 г. или на 13% и на 22% менее. По Сев. Кавказу общий сбор 1917 г. меньше среднего на 24%, но выше сбора 1916 г. на 41%. По Сибири сбор 1917 г. превышает и средний сбор (вдвое или на 101%) и сбор 1916 г. (на 58%). В Туркестане в 1917 г. сбор крайне неудовлетворительный (почти вдвое, или на 47%, ниже среднего); в Закавказьи—ниже среднего на 16%".

Ниже в табличной форме даются сведения о сборах отдельных культур.

Районы и хлеба.	Валовой сбор.			В 1917 г. больше (+) или меньше (—), чем	
	В 1917 г.	В 1916 г.	В среднем за 1909—13 гг.	в 1916 г.	в среднем за 1909—13 гг.
	В миллионах пудов.			В %.	
По всей России (без Закавказья и Туркестана):					
Рожь	1 002,3	1 228,5	1 210,9	— 18,4	— 17,2
Пшеница	1 091,4	919,8	1 197,5	+ 18,7	— 8,9
Овес	733,7	794,2	847,5	— 7,6	— 13,4
Ячмень	484,3	468,9	576,2	+ 3,3	— 16,0
Просо	116,2	113,9	145,8	+ 2,0	— 20,3
Гречиха	74,9	72,1	66,6	+ 3,8	+ 12,4
Итого . . .	3 502,8	3 597,4	4 044,5	— 2,6	— 13,4
В том числе по:					
Европ. России . .	2 646,2	3 035,9	3 406,3	— 12,8	— 22,4
Сев. Кавказу . .	257,5	182,4	339,9	+ 41,2	— 24,3
Сибири (З. и В.) .	599,8	379,0	298,3	+ 58,0	+ 101,0
Кроме того по:					
Туркестану . . .	56,2	н. св.	106,1	—	— 47,0
Закавказью . . .	54,4	„ „	64,7	—	— 15,9

Из приведенных данных наибольшее внимание останавливает на себе огромный сбор урожаев в Сибири, превысивший вдвое средний сбор за 1909—13 гг.

На Сибири вообще интересно остановиться несколько подробнее, так как результаты ее урожаев, введенные в общие подсчеты, дают значительно извращенную картину и сборов и рыночных отношений.

Еще в 1914 г. урожай Сибири был выше предшествовавшего года на 41,8% при общем неурожае в Европейской России в 23%. Средняя Азия тоже имела повышенный урожай в 30,3%.

1915-й год, давший урожай для всей России на 0,8% выше против 1914 г. (4 526,3 млн. пуд. против 4 488,8 млн. — без картофеля), для Сибири оказался весьма неблагоприятным: почти весь недобор против среднего в 1910—13 гг.— 485 млн. пуд. зернового хлеба — должен быть отнесен на Сибирь.

Любопытно для характеристики роли Сибири и ее урожаев привести слова одного из помещиков на зимней сессии херсонского губ. земского собрания в 1915 г. Он говорил: „Вспомните начало военных действий с союзными нам армиями в Дарданеллах и наши в то время чаяния. Мы думали и готовы были верить, что пройдет месяц, много два, и двери вековой экономической тюрьмы распахнутся. В первую очередь мы должны были отблагодарить наших союзников; мы чуть не обязались двинуть в воды Средиземного моря не больше и не меньше, как 300 млн. пуд. пшеницы. И все это, говорили, даст один Барнаульский уезд. Прошло уже более полугода, а двери тюрьмы заперты так крепко, что там повешен лишний замок *. А эти 300 млн. пудов пшеницы, эта гора хлеба растаяла, и гора, как говорят, родила мышь. Разошлась эта пшеница по всем областям Сибири для вывоза в направлении Владивостока и Архангельска, остатки сосредоточились в так называемых крепких руках... Для Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей средняя урожайность определяется в 10 млн. пуд., а для Иркутской и Енисейской губерний, Амурской и Забайкальской областей—в 15-20 млн. пуд.; Томская губ. с ее средней урожайностью в 100 млн. пуд., более чем в три раза превышающей общий сбор хлебов всей Сибири, является действительно ее житницей. Эта гора хлеба урожая 1914 г. выразилась суммою в 263 млн. пуд. И вот эта житница Сибири, которая думала кормить и союзников, собрала

* В этих словах характерен поворот настроений помещичьих кругов, становившихся все более и более недовольными войной, так как закрытие Дарданелл лишало их заграничного рынка и наносило этим значительный ущерб как экспортерам, так и помещикам.

в 1915 г. всего 7 млн. пуд., и семенная и продовольственная нужда этой житницы выражается в 80 млн. пуд. С 30 коп. 1914 г. цена за пуд возросла в ноябре 1915 г. до 1 рубля; губернию (Томскую) постиг и недород трав, что означает гибель скотоводства и маслоделия. Уже в 1914 г. площадь запашки в этой губ. сократилась на 615 000 дес.“.

Сибирский урожай 1914 г. таким образом пошел „на смарку“, и только новый урожай в 1916 г. дал ей снова „передышку“.

Вот таблица валовых сборов хлебов по Европ. России и по Сибири в 1909—13 гг. и в 1916 г. (по данным Центрального статистического комитета):

Територии.	Годы.	Валовой сбор хлебов в тыс. пудов.						Итого главных хлебов.
		Рожь. Оз. и яровые.	Пшен. Оз. и яровые.	Ячмень.	Овес.	Просо.	Гречиха.	
	В среднем за							
Европ. Россия (без Кубанской обл. и Закавказья) .	1909—13	1 154 622	933 146	509 190	747 343	133 130	64 095	3 541 526
	1916	1 181 209	683 243	432 624	673 801	104 318	68 251	3 142 846
	В %	102,3	73,2	88,8	90,2	78,4	106,5	88,7
Сибирские губ. и области	1909—13	47 259	141 458	10 522	86 208	10 029	2 786	298 262
	1916	50 652	186 446	11 966	116 593	10 332	2 967	378 956
	В %	107,2	131,8	113,7	135,2	102,8	106,5	127,1
Итого . . .	1909—13	1 201 881	1 074 604	519 712	833,551	143,159	66 881	3 839 788
	1916	1 231 861	869 689	443 990	790 394	114,650	71 218	3 521 802
	В %	102,5	80,9	85,4	94,8	80,1	106,5	91,7

Но воспользоваться сибирским урожаем 1916 г. для Европ. России не представлялось никакой возможности. Даже ближайшие к Сибири губернии с огромным недородом, как Оренбургская, Самарская, Уральская и Тургайская области, использовать его не могли. Необходимо также отметить, что хлебородные Тобольская, Томская губернии и Семипалатинская и Акмолинская области в 1916 г. имели урожай ниже среднего.

В 1917 г. плохой урожай охватил все Поволжье, но хороший урожай Сибири вместе со Степным краем (с приростом ржи 15,8% против среднего за 1909—13 гг., пшеницы — 129%, овса — 139%, ячменя — 109,3%, проса — 23,2%, и гречихи — минус 1,7%) никакой существенной пользы голодающему югу-востоку России, изголодавшимся городам и армии не принес. Транспортные затруднения были непреодолимы.

Из районов Европ. России наиболее неурожайными за 1916—1917 гг. (по сравнению с средним за 1909—13 гг.) оказались: по ржи — Центрально-промышленный—изменение на 11,6 и 34,7%, Нижневолжский (без Урала)—30,4 и 36,5%; Средневолжский — в 1917 г. на 32,2%; Северокавказский — 73,2 и 69%. Интересно отметить, что Центрально-земледельческий район по ржи в 1917 г. потерял всего лишь 7,8%, а в 1916 г. он имел даже превышение сборов на 11% против среднего за 1909—13 гг. По пшенице дело в этом районе было уже слабее: в 1916 г. недобор против среднего за 1909—13 гг. составил 15,2%, а в следующем году он уже возрос до 43,4%. Поволжье также стояло впереди других по уменьшению сборов пшеницы. Средневолжский район дает цифры 49,5% убыли в 1916 г. и 56,4 в 1917 г., Нижневолжский—45,7 и 44,5, Малороссийский — 12,7 и 15,2%. Очень понижены были сборы и с таким ходким в годы войны продуктом, как овес. Наибольшее понижение сборов дали районы: Центрально-промышленный—25,7% в 1916 г. и 46,5% в 1917 г.; Центрально-земледельческий — 18,2% в 1916 г. и 35,6% в 1917 г.; Средневолжский — 32,6 и 51,3 и Северокавказский — 58,7 и 52,3%.

Ячмень, игравший крупнейшую роль в русском экспорте, для внутреннего рынка оказался менее ценным кормовым продуктом, чем овес, и служил ему в качестве заместителя. Слабее сборы ячменя были в Центрально-промышленном районе — на 23,3% в 1916 г. против среднего за 1909—13 гг. и на 48,8% в 1917 г.; Приуральский дал меньше на 15,8% в 1916 г. и на 34,4% в 1917 г.; Центрально-земледельческий— 29,1 и 73,4; Средневолжский—32,2 и 56,0; Нижневолжский (без Урала)— 16,7 и 56,9; Малороссийский — 24 и 31,7%.

Подведем некоторые итоги по этим четырем главнейшим хлебам. Прежде всего бросается в глаза сравнительно большее снижение сборов за 1917 г. против 1916 г. В наиболее тяжелом положении по ржи и пшенице оказалось Поволжье, причем первый хлеб теряет 1/3 сборов, а второй половину. С овсом и ячменем здесь также неблагополучно, особенно в 1917 г. Чрезвычайное падение ржи и овса имеем в Северокавказском районе. Центрально-промышленный район теряет в 1917 г. до 1/3 сборов на ржи и почти половину на овсе и ячмене. Центрально-земледельческий район на сборах ржи в общем даже на немного превышает среднюю цифру сборов 1909—13 гг., но в 1917 г. на пшенице он теряет почти половину сборов, на овсе свыше 1/3 и на ячмене почти 3/4 против среднего за 1909—13 гг.

Остальные районы, как Новороссийский, Юго-западный, Белорусский и другие имели снижение сборов в общем от 10 до 20% по тому или иному виду хлебов против среднего за 1909—13 гг.

Здесь важно отметить, что главным поставщиком хлебов на рынки в Москву и в Петроград было Поволжье, и падение здесь сборов хлебов имело очень большое значение для снабжения этих городов хлебом.

Кроме того следует добавить, что в таких губерниях, как Пензенская, Казанская, Орловская, Тамбовская, Новгородская, Псковская, Московская, Калужская и Ярославская, урожаи в 1913 и 1914 гг. были слабыми, и эти губернии вступили в войну с уже расшатанным сельским хозяйством, а затем снова перенесли ряд неблагоприятных для него явлений как климатического, так и общественного свойства.

Чтобы оценить влияние падения валовых сборов на отдельные группы сельских хозяйств, прежде всего надо иметь в виду разницу урожайности хлебов земледельческой полосы у крестьян и частных владельцев, что по ржи и пшенице составляло в грубой схеме отношение 8 - 8,5 : 10. Принимая далее во внимание, что товарность крестьянского хлеба, по Н. Д. Кондратьеву, может быть принята в 78,4% к общему его количеству, что крестьянское производство хлеба составляло около 87,9% всего производства, мы можем прийти к выводу, что значительный недобор хлебов прежде всего отражался на крестьянских хозяйствах и еще более суживал количество хлеба, отпускаемое ими на рынок. Это обстоятельство следует учесть при рассмотрении конкурентной борьбы рядового крестьянства с частными владельцами при рыночных выступлениях. Недобор ложился тяжелее всего на крестьянские хозяйства и еще более угнетающе действовал на те из них, которые переживали неурожаи в течение ряда лет.

Урожай остальных культур *.

О сборах сахарной свекловицы, картофеля, хлопка, льна и других растений мы уже говорили в разделе „Производство технических культур“. Здесь мы еще раз отмечаем снижение их сбора к 1917 году, причем важно добавить, что урожайность этих культур также понижалась. Урожай льна, например, упал по Европ. России с 28 пудов на десятину в 1914 г. до 26,1 пудов в 1915 г.

Сокращались площади посевов, а с ними и сборы кормовых трав, картофеля и т. д. Валовой сбор табаку за 1917 г. снизился почти на $^1/_4$ против 1916 г.; в отдельности по Украине снижение на 22,3% против 1913 г., в Крыму в 1916 г. увеличение на 19%, на Кубани увеличение на 256% и на Кавказе сбор в 1915 г. был такой же, как и в 1913 г.; по остальным районам сведения по табаку крайне неполны.

---

* Литература та же, что и по урожаю хлебов.

В качестве общего замечания следует указать, что те культуры, которые были связаны с промышленными предприятиями,—как например сахарная свекла или хлопок,—недосбором резали эти предприятия. Если еще и была (хотя больше бумажная) возможность получить хлопок из Америки или Англии, то свеклы получить было абсолютно не откуда, и предприятия из-за недостатка сырья свертывались.

Недосбор сахарной свеклы объяснялся рядом причин, и главной из них был недостаток рабочих рук. Как известно, подготовка свеклы ведется главным образом „местными“ сельскими рабочими, которых обычно слегка дополняли „отхожими“, выписываемыми из соседних губерний. Мобилизации разрядили состав „местных“, сократили приток „отхожих“, а женский труд, обычно в массовом масштабе применявшийся на свекловице, остался в окрестных деревнях на своей работе. Но все же легкую рабочую силу с грехом пополам добывали. Хуже обстояло дело с копкой и возкой свеклы, где требовался более сильный контингент полнорабочих и притом в пору, когда крестьянам надо было засевать свои поля озимыми, готовить семена, вспахивать зябь и т. д. Из-за невозможности достать таких рабочих свекла оставалась в полях и гибла.

О сборах льна, потребность в котором для экспорта и промышленности росла, точных статистических сведений, к сожалению, мы не имеем.

ГЛАВА V.

Рынок[57].

Общая характеристика.

Один из московских „общественных деятелей“ народнического толка — князь Д. И. Шаховской—14 и 22 августа1914 г. выступал в Московском обществе сельского хозяйства с докладами на тему „Крестьянское хозяйство и война“, в которых доказывал, что вследствие прекращения экспорта продукты сельского хозяйства не могут быть реализованы и цена на них так упадет, что заниматься сельским хозяйством станет невыгодно. Выводы докладчика—необходимость принять меры к усилению закупок продуктов сельского хозяйства со стороны государства, повысить цены на них и т. д.— обычные крокодиловы слезы помещиков, прикрытые флером забот о благе народа.

Мер, предлагавшихся Д. И. Шаховским, осуществлять не пришлось, так как неурожай 1914 г. и сразу же начавшаяся дезорганизация рынка из-за транспортных затруднений по-

высили цены значительно дальше, чем об этом мечтали землевладельцы.

Затруднения с перевозками из-за мобилизации и перевозки войск и военных припасов к границам создали первый тормоз для нормальной работы внутреннего рынка. Приготовленный к экспорту хлеб частью попал в армию, частью, закупленный банками, лежал в элеваторах в надежде проскочить через Дарданеллы, закрытые турками и осажденные англичанами.

Дальнейшее развитие военных действий и массовые мобилизации вызвали усиленную закупку продовольствия для армии (300 млн. пудов в 1915 г.) и новые железнодорожные затруднения.

Чтобы обеспечить интендантские закупки, последовал ряд запрещений вывоза внутри страны по отношению к той или иной губернии, к тому или иному продукту. Особенно страдали губернии, близкие к фронту и тылу армий, где часто происходила физическая гибель урожаев из-за военных действий. С января 1915 г. прошла новая серия запрещений, особенно по вывозу скота (в котором определился огромный недостаток), фуража и т. д. Овес запрещено было возить для продажи почти по всей России, кроме крайнего севера, Донской области и Сибири, но вскоре и там начались такие же запрещения. Далее были запрещены: вывоз масла из Сибири *, перевозки сена и соломы, ячменя, убойного скота и мяса, пшеницы, ржи и муки.

Уже в 1915 г. рынок под влиянием этих факторов распался на ряд более или менее самостоятельных и замкнутых местных рынков.

Залежи, заторы и пробки на железных дорогах делали свое дело—взрывали рынок, эту цепную связь живого хозяйственного организма. В загнивших местах появились торговые черви-спекулянты, использовавшие и такое ультра-нелепое учреждение, как местные запреты перевозок даже в пределах губернии.

29 июля 1915 г. было запрещено вывозить по европейской границе лошадей, 12 августа — хлеб всякий в зерне и муке, отруби, жмыхи, картофель, овощи, мясо, птицу и дичь битую, яйца, скот, сало животных, коровье масло, рыбу, табак, консервы, лесные материалы, семена масличные, сено и солому, шкуры овечьи, кожи выделанные и невыделанные, шерсть и пушнину.

В марте - апреле 1916 г. мукомолье сократилось на 28%, а в отдельных районах, как напр. в Донской обл., до 50%

---

* Запрещалось перевозить даже сливки, которые вывозились в обход запрещения вывоза масла.

и больше. Особенно хромало торговое мукомолье, не имевшее возможности закупать зерно *.

В декабре 1915 г. был введен военный налог на железнодорожные грузы, явившийся главным образом хлебным налогом и сыгравший роль сократителя потребления хлеба **.

Наконец, появились таксы. Летом 1916 г. были введены карточки на сахар по расчету 1 ф. песку на душу в месяц. 1916-й год вообще прошел в борьбе государственного аппарата со спекуляцией, во главе которой стояли солиднейшие банки России, вследствие чего результаты борьбы оказывались нулевыми. Закупочные комиссии разных учреждений, городов, земств, купцы и частные лица конкурировали с военными закупщиками, сбивали цены, дезорганизовали рынок. Уполномоченным по продовольственному делу предоставлялись права: реквизиции скота, продовольствия, тары, запрещения вывоза из района, отобрания в свое распоряжение торговых и промышленных предприятий. Уполномоченными были в огромном большинстве люди, не имевшие никакого понятия о продовольственном деле. Мы установили следующие данные об их социальном положении: генерал-губернаторов—2, губернаторов—34, градоначальников—6, председателей губ. земских управ—19, чиновников министерства земледелия—2, членов Гос. думы—4 и членов Гос. совета—2.

Год за годом шла вакханалия разрушения аппарата рынка, и закон министра земледелия Временного правительства от 25/III 1917 г. о хлебной монополии лишь санкционировал „гибель рынка“ как такового.

Как указывается в секретном журнале совещания в ставке верховного главнокомандующего 16—17 февраля 1917 г., председатель этого совещания ген. Клембовский заявил, что „армии никогда за все время войны не были в таком критическом положении“, как в январе и феврале 1917 года. Представители министерства путей сообщения на совещании заявляли: „вагоны есть, а грузов нет“, чиновники же министерства земледелия жаловались на то, что „грузы есть, а вагонов нет“.

В совещании там же по интендантскому снабжению председатель ген. Егорьев привел данные о потребностях армии четырех западных фронтов (северного, западного,

* Рыбников сообщает, что „юго-восток и приволжские губернии почти на 50% обслуживали пшеничной мукой Петроград и Москву и ржаной мукой на 50% Петроград и Москву“. Неумеренная выкачка хлебов из этих районов в 1915 г., реквизиции и вдобавок неурожаи, особенно в 1916 г., явились одной из причин слабого снабжения хлебом столичных центров перед революционным подъемом в 1917 году.

** Взималось с муки 4 к. с пуда, с остальных с.-х. продуктов—3 к., с баранов с головы—30 к., со свиней—60 к., с рогатого скота и лошадей по 2 р. и с птиц по 4 к. с штуки. Ни в одной из воюющих стран такого налога не было („Труды комм. по изуч. дороговизны“, вып. III, стр. 72).

юго-западного и румынского) в отношении снабжения их в марте и апреле и о том, как эти потребности удовлетворяются. Данные эти таковы:

Ежедневно необходимо.			Дается мин. земледелия.	
Муки	673	вагона	622	вагона
Крупы (рису, бобов и проч.)	142	„	97	„
Зернового фуража	1 070	„	656	„
Жиров	54	„	40	„
Мяса или рыбы	240 (140)	„	140	„
или скота	1 390 (690)	„	250	„
Сена	801	„	1 000	„
Сахару	46	„	47	„
Соли	41	„	42	„
Прочих	256	„	256	„
Всего	3 913	вагонов	3 150	вагонов

Недостает 763 вагонов разного продовольствия ежедневно.

Главноуполномоченный мин. земледелия Грудистов доложил совещанию, что в настоящее время разверстка хлебов между населением хотя и дала значительные результаты (?), но вследствие бывших в последнее время мятелей и снежных заносов подвоз хлебов к станциям не оправдал ожиданий. Он предложил поэтому только: муки— 622 вагона в день, крупы—97 ваг. и зернового фуража— 656 ваг. „Крупы больше в стране нет, — говорил он: — в 97 вагонов включены бобы, рис, чечевица, кукуруза и макароны". Чиновники-продовольственники отмечали, что „заявки интендантства на мясо или скот совершенно невыполнимы. Самые богатые мясные губернии России и область войска Донского уже исчерпаны. Остался еще скот в Сибири и в Оренбургской губ., но вывезти его оттуда невозможно из-за затруднений с жел.-дор. транспортом. В Сибири была специальная экспедиция ген. Козлова, и заготовленное им мясо все уже ушло на фронты. Поэтому продовольственники предлагали на март и апрель только 100 вагонов мяса и 250 ваг. скота + 40 ваг. рыбы, вместо требуемых армией— 278 ваг. мяса и рыбы или 1390 вагонов скота. Вместо мяса и скота чиновники предлагали сено; его давали больше просимого — до 1000 вагонов в день вместо требовавшихся 800.

Чтобы выполнить наряд для армии, пришлось увеличить твердые цены накидкой стоимости гужевого подвоза, уменьшить потребление хлеба в столицах введением карточной системы, установить для скорости размола один тип муки вместо многих сортов и т. д.

Недостаток продуктов Грудистов объяснял: слабой урожайностью 1916 г., вредным влиянием твердых цен,

изгнавших хлеб с рынка, недостатком рабочей силы вследствие непрекращающихся мобилизаций людей и лошадей, недосевами, затруднениями в получении топлива для перемола муки и т. п.

Интересно отметить, что одним из важнейших постановлений совещания было: „Довести число постных дней в неделю в войсках до трех, а в тыловом районе до четырех-пяти“.

Солдатам на фронте приходилось переходить на питание... сеном.

Грудистов в общем был прав, но все же и он не понимал глубины того распада, до которого дошло хозяйство страны и вместе с этим рынок.

Казенные публицисты вроде А. Панова, выпустившего в конце 1916 г. книжку „Война и деревня“, - рассказывали, что, вследствие невывоза из России хлеба за границу за три года войны, в стране осталось хлеба 36 300 железнодорожных поездов по 50 вагонов в каждом и по 1 000 пуд. в вагоне. „У крестьян, — болтал Панов, — в Полтавской губ. 3 853 тыс. пудов запасов, то же в Харьковской губ., в Ельце; на Кавказе весь урожай 1915 г. лежит в закромах, крестьяне не успели еще распродать запасов 1914 г.“.

Гораздо серьезнее относились к создавшемуся положению помещики. Так, на общем собрании Всероссийской с.-х. палаты 30/XI — 1/XII 1916 г., казанский помещик кн. А. А. Крапоткин цитировал Д. Золя („La crise des subsistances sous la revolution“) и говорил:

> Еще до начала революции Неккер был занят снабжением Парижа продовольствием и, как у нас князь Оболенский, рассылал своих агентов закупать все необходимое для столицы, и так же, как у нас, эта мера вызвала повышение цен. Затем последовало воззвание короля Франции, призывающее сельских хозяев во имя патриотизма к снабжению продовольствием страны; и у нас гг. губернаторам предписывалось будить совесть крестьян и всех сельских хозяев, когда население перестало продавать хлеб 16-го года. Не замедлили выступить с твердыми ценами, реквизициями, арестами, но все эти меры, по заявлению Крезе-Латуша, лишь возбуждали народ, а хлеб исчезал с базара и повышался в цене. Споры и прения разных совещаний возбуждали всю Францию и вызывали страх перед надвигающимся бедствием. Уже при Конвенте начали поступать жалобы сельских хозяев: „Хлеб—это собственность хлебопашца, — писали они, — плод его напряженного труда и вознаграждение за его работу; почему же вы не устанавливаете плату за ваш труд и на поденную работу?“ А Конвенту доносил Ликиньон: „Вы требуете от нас правды, и мы были бы преступниками, если бы не сказали вам эту правду: все,

что вы предпринимаете, чтобы установить порядок, ведет к беспорядку, а все ваши стремления сдержать рост цены на хлеб ведут как раз к повышению цены". Спустя несколько месяцев Крезе-Латуш говорил: „Перестаньте мнить себя патриотами, раз ваши твердые цены вызывают сокращение посевов, останавливают работы за недостатком хлеба и ведут к банкротству, анархии и голодовке".

Но жалобы и петиции сыпались в Конвент,—продолжал цитировать Крапоткин: — и волнующееся население искало виновников голодовки. Обвиняли хлебных торговцев и сельских хозяев в стремлении эксплуатировать народ, и депутат Тальон видел в твердых ценах единственное средство сдержать алчные аппетиты аграриев. Робеспьер доказывал с трибуны, что социальный закон должен гарантировать всем гражданам возможность существовать; все остальные законы должны исходить и подчиняться этому основному требованию. Провозглашенное требование вперед оправдывало все распоряжения и объявляло всякого сельского хозяина Франции способным грабить своего ближнего. Твердые цены не замедлили распространиться на все продукты массового потребления, и 4 мая 1793 года опубликован декрет Конвента, устанавливающий институт вроде наших уполномоченных, с правом отнимать и брать все, что нужно стране для продовольствия; твердая цена с 1 июня повысилась на 10%, с 1 июля на 20%, а с 1 августа на 30% — в стремлении заставить сельских хозяев скорее поставить хлеб. Но хлеб исчезал с базара. Наконец обязали мукомолов вырабатывать односортную национальную муку и приказали продавать ее во всей Франции по утвержденным ценам. А продовольствие Франции столь резко запутывалось и несомненность голода была столь очевидна, что 14 брюмера III года предписывалось декретом местным комитетам выяснить меры, необходимые для предотвращения надвигающегося бедствия. В одном из заседаний 19 фримера заслушан доклад Жиронды, в котором доказывалось, что твердые цены принуждают сельских хозяев сокращать посевы и заставляют граждан не подчиняться власти, принуждая их становиться контрабандистами. Уже только из-за этого одного, — говорилось в докладе Жиронды, — закон твердых цен осужден народом.

В заседании 3 нивоза система твердых цен была осуждена ее прежними защитниками, и 4 нивоза Конвент вотировал декрет, коим отменялись твердые цены. „Одно, чему мы учились, — воскликнул член Конвента, — мы узнали, что, раз правительство берется за торговое дело, то от установления твердых цен продукты вовсе исчезают с рынка".

Эти сжатые штрихи, напоминающие прошлое Франции, — закончил свои цитаты Крапоткин, — относятся всецело к нам, доказывая, что действующая система продовольствия страны

неминуемо приведет к тем же результатам, что пережила Франция во времена революции.

Предлагавшиеся А. А. Крапоткиным,—кстати несколько оболгавшим Робеспьера и вообще извратившим действительное положение вещей с продовольственными затруднениями во Франции в эпоху Великой революции,—меры: получение земствами заказов от правительства на хлеб для армии и принудительное отчуждение у помещиков, по разверстке земств, соответствующей доли урожая в покрытие этих заказов, при условии выпуска остатка хлебов на вольный рынок, — оказались запоздалыми. Постановление министра земледелия от 2/XII 1916 г. о разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной, целиком не удалось провести в жизнь. К осени 1917 г., по выражению того же Крапоткина, „гг. уполномоченные снабжали армию и Петроград телеграммами, но не хлебом“.

Армии взвыли. Яркой иллюстрацией создавшегося положения служат некоторые фразы из воззвания главного начальника снабжений армий румынского фронта ген. Санникова в августе 1917 г.: „Граждане, селяне! Армиям угрожает голод: нет муки, крупы, нет фуража. С каждым днем положение становится все хуже и хуже. Запасов продовольствия нет. Новый урожай подвозится очень плохо... Надо мириться со всякими лишениями, помня, как тяжело приходится нашим воинам, защитникам отечества. Не дайте им голодать!“ (Подчеркиванья — везде генеральские). И далее в том же роде, а под конец угроза реквизициями по пониженным ценам.

Генерал не соображал, что реквизиции, много раз применявшиеся и царским и Временным правительствами, уже давно не давали желательных результатов. Нужен был Октябрьский переворот, нужен был переход власти в руки рабочего класса, чтобы реквизициями у помещиков и у буржуазной части деревни добиться хотя бы кое-каких пополнений хлебных запасов и для армии и особенно для городов.

Экспорт. Детали рыночных отношений должны быть рассмотрены в разрезе внешнего и внутреннего рынков. Начнем с первого.

С объявлением войны экспорт приостановился, затем быстро стал снижаться год от году почти до предела, но все же кое-что вывозилось. Для полноты картины сельскохозяйственной жизни страны приводим несколько цифр по экспорту наиболее заметных продуктов, имевших некоторое значение и для внутреннего рынка. Вывоз даем, по возможности, в весовых единицах начиная с 1915-го, полностью

военного года, когда были прекращены перевозки и по Черному и по Балтийскому морям и весь экспорт шел главным образом через Архангельск, долгое время не удовлетворявший своему назначению (до перешивки путей на две колеи).

Название товаров.	Годы.		
	1915	1916	1917
	В тысячах пудов.		
Хлебные продукты в зерне	18 336,2	20 971	1 975
Мука, крупа и проч. . . .	15 736,4	16 095	563
Отруби, жмыхи	9 782,9	8 448	1 778
Лен, кудель, пакля	5 475,0	8 644	7 386
Семена	1 157,8	2 003	750
Продукты животноводства .	5 713,4	1 056,3	308,3
В том числе молочные . .	3 339,4	186	12
Яйца (тыс. шт.)	1 356,7	3 437	181
Продукты пчеловодства, рыболовства и шелководства	825,7	426	534
Лесные продукты	53 349,3	55 187	30 623
Средства сельскохозяйственного производства . . .	1 599,1	—	—

В 1917 г. хлебный экспорт можно считать почти прекратившимся. В период войны кое-что из страны вывозилось, главным образом лесные товары и лен, и в сотых долях довоенного экспорта зерновые и другие продукты. Для вывоза льна на лондонский рынок в 1915 г. было организовано центральное товарищество льноводов, сбывавшее лен через посредство товарного отдела Московского народного банка, и этим объясняется для 1916 г. даже повышение экспорта льна.

Внутренний рынок.

Министр земледелия, отвечая на запросы Гос. думы от 18/II 1916 г. о положении продовольствия в стране, рисовал такие картины: „В среднем главнейших хлебов вывозилось ежегодно до 680 млн. пуд., т. е. около 15% общего сбора. Почти весь этот вывоз — 680 млн. пуд. — со времени войны стал оставаться в стране. В 1914 г. мы вы-

везли 348 млн. пуд., а в 1915 г. из 4 млрд. пудов всего лишь 31 млн. пуд. Следовательно, свыше 3 900 000 000 пуд. оставалось в стране. Между тем годовое для армии и для населения требование четырех главнейших хлебов—ржи, пшеницы, овса и ячменя—составляет приблизительно около 3 млрд. пудов, причем в данном случае расчет безусловно сделан нами в самых широких размерах по норме в 21,3 пуда на душу, включая сюда семена для посева. Таким образом, при учете небольшого остатка урожая 1914 г. в 150 млн. пуд., в империи имеется до 900 млн. пуд. избытка главнейших хлебов, могущих идти на удовлетворение потребностей страны в 1915—16 гг. Другими словами, не менее одной третьей части годовой потребности у нас имеется в запасе на год вперед. Это само собой в значительной мере уравновешивает опасную сторону временного сокращения площади посева".

Выше мы уже видели, что эти радужные перспективы оказались мыльным пузырем. Экспортные „излишки" поедали главным образом армия, миллионы военнопленных и беженцев и отчасти наиболее „крепкие" группы деревни. В июле 1915 г. министерство земледелия отмечало: „Заготовка для армии ржи, пшена, овса и крупы значительно превышает средний вывоз этих хлебов за границу; обратное отношение получилось только для пшеницы и ячменя, обычный экспорт которых значительно превышал заготовку для армии". Но тогда же вполне выяснилось, что мировой урожай почти на 11% ниже против 1914 г. и что цены за границей быстро растут. В связи с ожиданием взятия союзниками Дарданелл и выхода этим путем русского хлеба на европейские рынки русские банки, в нарушение своего устава, скупили по Заволжью сотни тысяч пудов пшеницы и выдерживали ее на складах и элеваторах.

В дальнейшем ячмень в качестве заместителя недостававшего овса широко пошел и на кормовое довольствие в армию.

Пшеничные сборы, как мы видели раньше, чрезвычайно понизились в ряде районов, и таким образом этот хлеб тоже не оказался в излишке, хотя армию „ситным" и не баловали.

Значительную роль в качестве рынка играла армия и для всех других пищевых продуктов. Больше всего затруднений оказалось с мясом и жирами. По словам проф. И. Н. Кулешова, весной 1916 г. обнаружились затруднения по снабжению мясом нашей армии, и мы очутились пред очевидным мясным голодом в столицах и многих городах Европейской России. „Россия, имеющая около 43 млн. голов крупного рогатого скота, 83 млн. овец и коз и 15 млн. свиней, оказалась в безвыходном положении".

Проф. Кулешов находил, что это было следствием увеличения потребления мяса сельским населением, в связи с увеличением заработной платы, но это, как мы видели, неверно: реальная заработная плата не повышалась, а падала, и вряд ли расширение потребления мяса деревней могло пойти дальше ее верхушечных слоев.

На дезорганизацию мясного рынка скорее действовали такие явления, как реквизиции, таксы и пр., вплоть до явных злоупотреблений, когда огромные количества, напр., сибирского мяса испортились в холодильниках и при посолке. Чтобы избежать реквизиций, „патриоты" - помещики намеренно морили свой скот голодом, чтобы он терял вес и не подходил к кондиционным условиям.

Недостаток хлебных продуктов сильнее всего ощущался в больших городах и особенно в столицах. Еще в ноябре 1915 г., по исследованию Всероссийского союза городов, 25 городов (26% всех ответивших на анкету) союза переживали острый недостаток в муке; в крупе нуждались 19 городов (20%), в пшене — 15 гор. (15%), в масле — 13 гор. (13%) и в крупчатке—12 гор. (12,5%). Продуктов сельского хозяйства нехватало не только в городе, но и в деревне. Недостаток посевного овса в 1915 г. исчислялся в 6 млн. пуд. 1916-й год принес дальнейшее ухудшение рынка продуктов сельского хозяйства, запасы которых в ряде районов совершенно иссякали. Главные затруднения создались в крупных промышленных центрах. Чтобы дать иллюстрацию состояния хлебных запасов на рынках в Ленинграде, приводим небольшую справку биржевого комитета Калашниковской хлебной биржи об остатках запасов продуктов первой необходимости на 1 января 1917 г.

Наименование продуктов.	Количество в пудах.
Рожь	251 140
Пшеница	26 540
Овес	91 491
Ячмень	110 351
Горох	44 341
Пшено	6 420
Крупа всякая	120 403
Мука пшеничная	52 657
„ ржаная всякая	381 876
„ пшеничная простая (размол поперечн.)	57 898
„ кормовая	167 498
Отруби всякие	402 164
Соль	224 161
Жмыхи всякие	748 676
Масло подсолнечное	100
„ конопляное	1 056
„ льняное	11 265
Итого	3 697 977

Цены. Цены на главнейшие предметы питания — продукты сельского хозяйства — за годы войны возрастали значительно быстрее, чем падала ценность рубля. По данным министерства финансов, с 1/VII 1914 г. по 1/III 1915 г. подорожали: рожь на 34,4%, пшеница на 24,6, ячмень на 37,2 и овес на 52,2. В то же время понижение ценности рубля было всего на 17,1%.

По наиболее ходовым хлебным товарам к осени 1915 г. вздорожание дает такие цифры: пшеница — 62,2%, рожь — 78,5%, ржаная мука — 80,9%, крупа гречневая — 122,7% и т. д. По отдельным районам цены были еще более взвинчены: так, на ржаную муку на рынках центра России в 1915 г. повышение достигло 105%, а в Москве и на юго-восточно-малороссийских рынках—на 80%, пшено и гречиха повысились в три раза, в Воронеже даже в 3½ раза. Падение ценности рубля в начале зимы 1915 г. было не больше 35 - 40%.

К июлю 1916 г. в центральных земледельческих губерниях общее повышение на ржаную муку составляло 83%, на пшеничную — 80% (к ценам июля 1914 г.). Лондонский курс рубля исчислялся в 60,4 к.

Твердые цены, предварительно прорабатывавшиеся в земствах на особых совещаниях помещиков, носили явно спекулянтский, повышательный характер. По поводу установления впервые твердых цен на с.-х. продукты урожая 1916 г. в губерниях Московской, Петроградской, Тверской, Новгородской и Псковской в печати заявлялось, что „это цены «мифические» по своей высоте и явятся новым этапом в их повышательном движении, могущем привести к новому экономическому бремени для потребляющей массы, к новым экономическим потрясениям для всего хозяйственного организма“.

На высоких твердых ценах на муку настаивали также и мукомолы. „Если не дадите божеских твердых цен, остановим мельницы“, — грозили они. „А мы ваши мельницы реквизируем“, — спорили с ними уполномоченные по продовольствию губернаторы, но, в результате, они все же уступали классовому давлению своих собеседников, за спинами которых стояли помещики и богатая часть крестьянства.

Как производились расчеты твердых цен, рассказывает некий „Б“ в меньшевистском „Деле“. „Детальный расчет всех расходов по одному имению Чембарского уезда дает себестоимость пуда ржи в 69 к. По сводке Самарской губернии, она определяется в 65 - 70 коп. Твердая цена — 1 р. 20 к. — 1 р. 30 к., т. е. обеспечивала землевладельцу 80% чистой прибыли. В Саратове земец Исеев предлагал в совещании отбросить в сторону всякие выкладки и просто повысить цену зерна на 300%. В Чистополе управа опре-

делила стоимость обработки десятины не более 8 р., но землевладельцы на совещании доказывали, что обработка стоит 16-20 р. и даже более. Высокими ценами они собирались «поправить свои делишки» и не скрывали этого на своих собраниях. Представители потребителей на эти собрания не допускались. В тех же редких случаях, когда они случайно присутствовали, аграриям приходилось выслушивать такие речи: «Не забывайте (говорил на саратовском совещании представитель общества потребителей гор. Саратова), что ваши цены ударят по обывателям. Я являюсь представителем 100 тысяч едоков, нервы которых расшатаны, а ваши цены больно ударят по этим развинченным нервам». Но аграрии не смущались. В «Новом Времени» деп. Стемпковский в защиту твердых цен писал: «Победит дух — тот дух, который дает силу плоти перенести всякие лишения, тот дух, который, горя страстным желанием отстоять заветы права и правды, заставит безропотно есть один черный хлеб и все же продолжать войну до конца». Вероятно, для испытания твердости духа господа Стемпковские и вздували на совещаниях цены, а чистопольские признания о стремлении «поправить свои делишки» прикрывали «заветами права и правды», превыше которых однако все же оставались для них заветы твердых цен и заманчивая перспектива выкачивания миллионных прибылей из «черного хлеба». („Дело", № 2, 1916 г.).

Дальнейшее повышение цен, по данным Н. Д. Кондратьева, представляется в следующем виде (в процентном отношении к осенним ценам за 1909—13 гг. в среднем, принятым за 100):

Годы.	Рожь.		Пшеница яровая.		Овес.		Ячмень.	
	Нечерн. полоса.	Черноз. полоса.	Нечерн. полоса.	Черноз. полоса.	Нечерн. полоса.	Черноз. полоса.	Нечерн. полоса.	Черноз. полоса.
1914	113	101	114	98	142	125	125	110
1915	182	171	180	123	219	168	192	146
1916	282	226	240	235	345	291	292	250
1917	1 661	1 146	1 826	1 119	1 911	1 320	1 556	1 216

На 1 октября 1917 г. падение рубля на внешнем рынке довело ценность его до 27,3 к. и 27/X до 23,4—24,6 к. Если признать, что на внутреннем рынке рубль стоял несколько ниже курса его на биржах союзников или даже „нейтралов",

то все же несоответствие особенно в 1917 г. получилось огромное. Чрезвычайная дороговизна ощущалась особенно в Промышленном районе. Разница местных осенних цен в 1917 г. на рожь в Промышленном районе против Центрально-земледельческого доходила в пуде до 17 р. 16 к. и на овес до 12 р. 98 к.

Попытки Временного правительства в августе 1917 г. урегулировать рынок путем нового повышения твердых цен на 100% не привели ни к чему, так как рынок имел повышение цен не вдвое против существовавших, а в три и даже в четыре раза, в промышленных же центрах и еще больше.

В соответствии с ростом цен на хлебные продукты дорожали и мясо, и масло, и яйца: в 1915 г. повышение на центральных рынках составляло от 20 до 60%. Петроградский градоначальник тогда же в беседе с кореспондентом газеты „Биржевые ведомости" заявил, что „на подвоз мяса к столице рассчитывать нельзя" и что он может рекомендовать населению в настоящее время заняться разведением кур и вообще птицеводством, а самое главное—откармливанием поросят (от таких советов щедринский помпадур в гробу перевернулся от зависти).

1916-й год принес новое вздорожание мяса на 36% и масла на 200%, а 1917-й год — исчезновение многих продуктов питания из обихода жителей больших городов.

Основною причиною высоких цен, по мнению официальных кругов, являлась спекуляция. „Искусственное повышение цен крупными производителями и торговыми фирмами во главе с банками и является, в конечном итоге, единственной главной причиной дороговизны" (записка А. Кривошеина „К вопросу о дороговизне" в его личном архиве). Это объяснение, конечно, недостаточно. Н. Д. Кондратьев полагает, что „за время войны действительный спрос несколько повысился, а действительное предложение упало, и это соотношение действительного спроса и предложения, а также внутреннее обесценение бумажных денег и повели к неуклонному росту хлебных цен, который, начинаясь на потребительных рынках, быстро передается на рынки производительные".

К этим причинам дороговизны надо было бы добавить еще и такие, как высокий учетный % на капитал, ухудшение рынка эмиссий для земельных ценностей, переломность в экстенсивных культурах юга и юго-востока России, требовавших перехода к интенсивным культурам (а следовательно и добавочных вложений дорогого капитала), неурожаи и общую дезорганизацию производства и рынка. Важно также заметить, что самая дезорганизация рынка явилась в дальнейшем причиной дезорганизации производства и этим

создавала повышенные цены на продукты сельского хозяйства. Но основной причиной дороговизны все же должна быть признана та политика помещиков и кулачья, которая на разорении страны строила благополучие командующих классов.

ГЛАВА VI.

Итоги.

1. Общий темп развития народного хозяйства России перед войной за период 1900—1913 гг. может быть определен приростом в 40%. Сельское хозяйство, занимая немного более половины всего производства, развивалось медленнее промышленности, транспорта и даже торговли, но имело более значительный рост цен, чем промышленность (40,9% и 12,5%). Перед войной, под влиянием экспорта, на юге, на Украине и в Поволжьи шла интенсивная замена пшеницы ячменем. Площадь посевов ячменя возросла на 83% и пшеницы на 56% (главным образом за счет распашек в Степном крае и Сибири). Усиленно развивались технические культуры: посевы подсолнуха увеличились на 14%, табака — на 62%, сахарной свеклы — на 59%.

Падение цен на зерно в 1913 г. было незначительно. Другие продукты сельского хозяйства не снижались, а повышались в цене.

На базе высоких цен на с.-х. продукты и медленного роста заработной платы развивается мировое движение рабочих в 1912—13 гг. Одной из причин чрезвычайного роста рабочего движения в России перед войной были высокие цены на продукты сельского хозяйства. Крепостнические латифундии продолжали угнетать крестьянские хозяйства, мешая их развитию. Капитализация сельского хозяйства, особенно в районах отработочной системы, чрезвычайно обостряла классовые противоречия в деревне. На почве общего разорения в деревне шла усиленная дифференциация. Народнические группы ушли в кооперацию, обслуживая кулаческую часть крестьянства. Лишь большевистские организации ставили пред собою задачу: будить крестьян, поднимать их на восстание против царизма, против помещиков. Один из лозунгов большевиков был: конфискация помещичьих земель.

2. Народное хозяйство во время войны быстро распадалось. Мобилизации людей, скота, прекращение экспорта, усиление ввоза военных припасов, рост внешних и внутренних займов, государственного долга, кредитных билетов, налогов, дезорганизация транспорта, одностороннее развитие

промышленности—все эти явления „разрухи“ существенным образом отражались на сельском хозяйстве страны.

3. Сокращение посевных площадей за 1914—17 гг. в среднем и общем было не менее 10-11%, доходя в районах капиталистического сельского хозяйства до 13-20%, в нечерноземной полосе — до 20% и на Сев. Кавказе — до 23,8%.

Посевы сокращались у частных владельцев значительнее, чем у крестьян, особенно в Центрально-земледельческом районе.

В Херсонской губ. сокращались посевы у частных владельцев с посевами до 75 дес. на 35,9%; с посевами от 75 до 100 дес.—на 9,1%, от 100,1 до 250 дес. — на 37,5%, у крупных же (от 250,1 до 500 дес.) — на 17,2%, а у еще более крупных — всего лишь на 2-3%, что объяснялось большей возможностью для последних иметь рабочих-военнопленных. Латифундиарные имения страдали от сокращения аренды и понижения арендных цен. Среди крестьянских хозяйств падение посевов было более значительным у бедноты, у середняков лишь местами, а кулаки почти всюду увеличивали запашки.

Пропорции культур в зерновых хозяйствах, как во владельческих, так и в крестьянских, за годы войны имели тенденцию перехода к более трудоемким— от яровых к озимым. Это противоречие, принимая во внимание огромный недостаток рабочей силы, объясняется прекращением экспорта яровых культур и невозможностью для населения справиться с ними весною. В результате хозяйства, не имевшие достаточного числа рабочих рук, с работами не справлялись и катились под гору. Данное явление имело определенное значение для усиления расслоения деревни.

Производство технических культур снижалось и в отношении корнеплодов и хлопка и табака, в несколько лучшем положении были культуры льна, огородные и т. д.

Количество рабочего, мясного и молочного скота чрезвычайно сократилось.

Ввоз с.-х. машин и орудий понизился с 7 233,5 тыс. пуд. в 1914 г. до 1 726 тыс. пуд. в 1917 г., а производство их внутри страны упало до 90% в 1914 г. против 1913 г. и в дальнейшем все более снижалось, дойдя до 15% в 1917 г. Спрос на машины и орудия был огромный, особенно со стороны владельческих и кулацких хозяйств. Усиливается организация прокатных пунктов, зарождаются формы машинных товариществ. Ощущается чрезвычайный недостаток удобрений.

Рабочие руки полнорабочих мужчин были до последней степени исчерпаны мобилизациями. Сократился

и затем совсем прекратился отход с.-х. рабочих. Усилилась эксплуатация труда женщин, детей, стариков, военнопленных, беженцев, „желтых“ рабочих и т. д. Заработная плата их не поспевала за ростом цен.

В итоге производительные силы сельского хозяйства во время войны были подорваны очень значительно. Наиболее пострадали мелкие крестьянские хозяйства и пролетарская часть деревни. Их нищенские хозяйства были дезорганизованы разрушением орудий производства, недостатком рабочих сил, дезорганизацией рынка, падением цены денег, низкой реальной заработной платой и высокими ценами на все продукты первой необходимости. Широкая масса деревни обеднела и обезлюдела.

Крепкое середняцкое хозяйство от тех же причин пошатнулось и заметно пошло под гору к 1917 г.

Значительно лучше чувствовали себя „верхи“ деревни.

4. Снижение урожаев было еще большее, чем снижение площадей посевов: продовольственные хлеба упали на 22,1%, крупяные на 14,3% и кормовые на 23,7%. Некоторые районы Европейской России в отношении урожаев были в еще худшем положении: по пшенице и ржи Поволжье потеряло в 1916—17 гг. на первом хлебе—50%, на втором—$^1/_3$ сборов. Чрезвычайное падение ржи и овса имело место в Северокавказском районе. Центрально-земледельческий район на сборах пшеницы теряет почти половину, на овсе свыше $^1/_3$ и на ячмене почти $^3/_4$. Центрально-промышленный район за годы войны теряет до $^1/_3$ сборов на ржи и почти половину на овсе и ячмене. Главным поставщиком хлебов на Ленинград и Москву было Поволжье, и недостаток сбора хлебов там имел большое значение для снабжения рынков столиц, вызвав в них чрезвычайное продовольственное затруднение.

Урожайность других культур также в значительном понижении.

5. За годы войны р ы н о к с е л ь с к о-х о з. п р о д у к т о в был совершенно дезорганизован расстройством транспорта, неравномерными закупками, реквизициями, твердыми ценами, запрещениями вывоза и т. д. Армия, как рынок, поглощала количество продуктов большее, чем страна могла дать. Отсюда постные дни—в тыловых частях 4-5 дней в неделю, на фронте—3 дня. Помещики являлись вместе с банками главными спекулянтами и грабителями масс; они устанавливали твердые цены, из их среды избирались уполномоченные по продовольствию.

Э к с п о р т за годы войны почти сошел на-нет, кроме льна, повысившегося в 1916 г.

В н у т р е н н и й р ы н о к чрезвычайно страдал от недостатка продуктов; острее всего недостаток был в жирах и мясе.

Цены на продукты сельского хозяйства возросли к октябрю 1917 г. на 1660% — на рожь в нечерноземной полосе и на 1140%—в черноземной. В это же время курс рубля на лондонской бирже упал до 27,3 к.

Причины дороговизны: обесценение денег, дезорганизация всего хозяйства в целом и сельского хозяйства в частности, увеличение спроса со стороны армии, спекуляция, высокий учетный % на капитал, ухудшение рынка эмиссий для земельных ценностей, неурожаи и т. д.

Самая дезорганизация рынка явилась в дальнейшем причиной дезорганизации производства, и этим она также создавала повышенные цены на продукты сельского хозяйства за годы войны. Основная причина обострения дороговизны—классовая политика помещиков и кулачья.

6. Распад во время войны производительных сил в сельском хозяйстве России явился фактором, усилившим обострение классовых противоречий в деревне, и вызывал усиление революционного настроения крестьянства в центре и на окраинах, что передавалось и в армию, а в 1917 г. он сыграл также роль рычага для развертывания аграрной революции.

ЧАСТЬ II.

Социальная борьба в деревне в 1914—16 гг.

„Я бы сам каку войну выдумал для справедливости. Чтобы на год муку принять и другим грозы наделать. Да чтоб потом на белом свете всем жилось хорошо. Коль и загубила б нас та война, так детям да внукам, может, вольготнее зажилось бы. Хоть и не след присяжному признаваться, а сказать скажу: знаю, супротив кого война надобна".

(Из книги С. Федорченко „Народ на войне").

ГЛАВА I.

Классовые группировки в деревне.

Частные владельцы [58]. Социальный состав лиц, которые занимались сельским хозяйством в военные годы в качестве землевладельцев, арендаторов, самостоятельных хозяев-крестьян, работавших только на надельной земле и т. д., представляет весьма интересную проблему. Источники для разрешения этой проблемы, однако, совершенно недостаточны. Сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг. дают далеко неудовлетворительный материал для каких-либо выводов и значительно уступают переписи 1905 г., когда мы могли видеть ясную картину различных групп частных владельцев в зависимости от их землевладения.

Переписи военных годов дают нам материал о частновладельческих хозяйствах, основанный на своеобразном „трудовом" принципе. Все хозяйства разбиты на две основные группы: хозяйства крестьянского типа и частновладельческие. По инструкции к переписи 1916 г., к первой группе отнесены все хозяйства (независимо от их размера, площади посева и количества скота), которые ведутся исключительно или частью трудом самого хозяина и его семьи. К хозяйствам частновладельческого типа, также независимо от их размера, отнесены все те, которые ведутся

наемным трудом. По заявлению руководившего переписью П. Румянцева, „указанный признак, давая чисто качественную характеристику сельскохозяйственного производства и не заключая в себе в то же время никакого количественного мерила для разграничения хозяйств крестьянского типа от владельческого, делает, вследствие этого, самое это разграничение недостаточно определенным и дает значительный простор субъективным толкованиям и оценкам“. При переписи и происходили такие курьезы, как отнесение огорода учителя деревенской школы в рубрику частновладельческих хозяйств, а в иных случаях опускались все хозяйства крестьян и другие хотя бы и нанимавшие рабочих, к частновладельческим же относились только крупные хозяйства помещичьего типа. Во всяком случае перепись 1916 года, несомненно, значительно преуменьшила число мелких и средних частновладельческих хозяйств крестьян, особенно тех, которые частично применяли наем рабочей силы.

Переписи военного периода совершенно не устанавливают различных групп частных владений ни по количеству вложенных в хозяйство капиталов, ни по размерам пользования наемным трудом, ни по сдаче земель в аренду, за отработки и т. д. Эти переписи преследовали главным образом снабженческие цели, и потому социальная значимость их ниже даже переписей 1905 г. и особенно отдельных земских „оценочных“ статистических работ.

Поэтому в основу наших характеристик социальных групп частных владельцев нам пришлось положить земельный признак и взять в качестве основного материала итоги переписи 1905 г., записку министерства земледелия 1907 г. и известные работы В. И. Ленина—„Аграрная программа с.-д. в русской революции 1905—07 гг.“ и „Аграрный вопрос в России к концу XIX в.“, написанные—первая в конце 1907 г. и вторая — в 1908 г. К установленным этими работами данным мы вносим коррективы в виде изъятия из владений частных лиц отчужденных за годы реакции земель, перешедших через Крестьянский банк частью в руки верхов деревни, частью к середнякам. Точными данными об этих переходах мы, к сожалению, также не располагаем. Переписи 1916 и 1917 гг. служили для нас лишь до некоторой степени поверочным материалом.

Прежде всего установим общий фонд земельных владений частновладельческих хозяйств. Всей земли в 50 губерниях Европейской России насчитывалось 395 млн. дес., из них 154,6 млн. дес. государственных и монастырских (39,1%), 138,7 млн. дес. надельных крестьянских (35,1%) и 104,4 млн. десятин (25,8%), находившихся во владении частных лиц. Из государственных земель считалось пригодных для земледелия до 10 млн. дес.; часть из них была в капиталистиче-

ской, часть в мелкокрестьянской аренде. Из 101,4 млн. дес. частновладельческих земель почти половина находилась под лесами и четвертая часть в аренде крестьян. Частновладельческие земли в 50 губерниях Европейской России принадлежали (по сословиям):

Сословия.	Земли в млн. дес.	Владений в тысячах.
Дворянство	53,0	107,2
Духовенство	0,337	9,8
Купечество	12,9	22,8
Мещанство	3,7	84,9
Крестьянство	13,2	490,3
Иностранцы	0,352	0,8
Прочие сословия	2,2	36,7
Торг.-пром. и торг. товарищества	3,7	1,0
Общества и товарищества крестьянские, мещанские, смешанные и разнососл.	12,0	73,6
Всего	101,4	827,1

Крупные земельные владения (свыше 1 тыс. дес. и свыше 10 тыс. дес.) по районам распределялись так:

Районы.	Всей частновлад. земли.	В имениях свыше 1 000 дес.	В имениях свыше 10 000 дес.	% отн. латифундий к общ. кол. частновладельческих земель.	
	В милл. десятин.			Свыше 1 т. дес.	Свыше 10 т. дес.
Северный	2,1	0,8	0,4	38,0	19,0
Озерный	8,9	4,3	1,5	48,3	16,8
Прибалтийский	4,0	3,2	0,6	80,0	15,0
Северо-западный	14,1	8,2	3,0	58,1	21,2
Центральный	11,1	3,3	0,6	29,7	5,4
Средневолжский	7,8	3,5	1,3	44,8	16,6
Заволжский	18,4	12,7	9,8	69,0	47,8
Заднепровский	11,4	6,1	1,2	53,5	10,5
Южно-степной	8,0	3,5	0,7	43,7	8,7
Днепро-донской	9,9	3,5	0,9	35,3	9,0
Волго-донской	6,0	3,0	0,7	50,0	11,6
Итого	101,7	52,1	20,7	51,1	20,4

В общем итоге мы имеем свыше 50% крупных владений и 20,4% крупнейших латифундий, составляющих вместе

71,5% общей площади частного владения. Наиболее латифундиарными районами являлись: Заволжский (47,8%), Северо-западный (21,2%), Северный (19,0%), Озерный (16,8%), Средневолжский (16,6%), Прибалтийский (15%), Волго-донской (11,6%) и Заднепровский (10,5%). Крупновладельческие хозяйства были наиболее распространены в Прибалтийском крае (80%), в Заволжском районе (69%), Северо-западном (58,1%), Заднепровском (53,5%), Волго-донском (50%), Озерном (48,3%) и Южно-степном (43,7%).

В первой группе владений—с количеством земли свыше 10 тыс. дес. — мы найдем почти исключительно родовитые дворянские фамилии с огромными владениями на Урале, в Полесьи, в лесах севера и, наконец, в приволжских и украинских степях. Эта группа являлась оплотом той дворянской камарильи, которая ворочала делами государства, поставляя ему сановников, послов, министров и т. под.

Количество крепостнических латифундий — свыше 10 тыс. дес.—исчислялось в 699 владений. Если даже принять, что за десятилетие 1906—16 гг. именно из этих владений была выделена часть 10-миллионного фонда в виде земель, перешедших от дворянства в руки деревенской буржуазии и среднего крестьянства, то роль латифундиарных крепостников — крупнейших „зубров“ — вряд ли на много уменьшится. Их владения остались лежать самым тяжким „бревном“ на пути развития крестьянских хозяйств.

Из кого состояла вторая группа крупных земельных собственников — с количеством земли свыше 1 000 десятин? Здесь мы также встречаем крупные лесные имения, имения с винокуренными и свеклосахарными заводами и, наконец, крупнопосевные зерновые хозяйства экстенсивного типа. На-ряду с капиталистическими хозяйствами, значительная часть имений „сдается в аренду или эксплуатируется обычным, довольно первобытным способом“,—как мягко называет отработочную систему автор записки „К разрешению аграрного вопроса“ *.

По официальным данным, число владений с количеством земли свыше 1 000 дес. определялось в цифре свыше 14 тыс. Из них мы можем выделить владения с земельной площадью от 2 до 10 тыс. дес. в количестве 5 386 имений с 20,6 млн. дес. земли—по 3 825 дес. на каждое. По социальному положению будет вполне правильно и эту группу землевладельцев присоединить к тем 700 сиятельным „зубрам“, вместе с которыми они являлись „солью земли“ в эпоху царской власти, служили становым хребтом объединенного дворянства и играли в нем первую скрипку.

---

* Приведенные выше цифры заимствованы из этой записки.

Это они требовали „укрепления общественного сословного строя“ с сохранением за дворянством первенствующего и руководящего положения в местном самоуправлении, объединения Дворянского и Крестьянского банков в один Государственный земельный банк, очищения купеческих обществ от евреев, укрепления православных приходов в виде мелких приходских земств, создания из университетов православных духовных академий, изучения медицины „соответственно с народной заболеваемостью в России и на основании Русского (большая буква принадлежит цитируемому автору) лечебника“ *. А во время войны, на XI съезде уполномоченных дворянских обществ (март 1915 г.), это они настаивали весьма энергично на определении целей войны, выбалтывая дипломатическую „тайну“ о захвате Константинополя и укреплении русского влияния на Балканах. Являясь опорой „престола и отечества“, крупнейшие и крупные дворяне-землевладельцы были кровно заинтересованы и в овладении Россией Дарданеллами, и в понижении таможенных пошлин на хлеб в Германии, и во введении пошлин в России для борьбы против ввоза ржи из Германии, и т. д. А по мере затягивания войны из их же среды начались „ходы“ насчет сепаратного мира с Германией и т. п.

Владений с площадью от 500 до 2 000 дес. насчитывалось после революции 1905 г. больше 21 тыс. Здесь, вероятно, чаще встречались капиталистические отношения, но и здесь система отработок была явлением широко распространенным, что можно видеть из ряда побочных показаний. Вот, напр., показание нежинского уездного земства: „Крупные землевладельцы очень мало имеют общего с земледелием; только 174 из них живут в имениях, а 156 (т. е. 47%) находятся в городах на службах или просто проживают только то, что им дает земля. Большинство старых дворянских гнезд находится в состоянии разорения, так как во многих из них из всех видов с.-х. инструментов — только лопаты да вилы. Имения, в которых вся пашня идет в скопщину, представляют собой жалкий в хозяйственном отношении вид. Это — хозяйства без скота и орудий, без рабочих и часто даже без необходимых построек, это — запущенные имения хозяев, мало занимающихся хозяйством, покинутые поместья в руках управляющих, приказчиков“.

В общей сложности, частновладельческих имений, главным образом дворянских, с количеством земли от 500 дес. до 10 тыс. дес. и выше наберется до 27 тыс. с 62 млн. дес.

Это и есть те 30 тысяч „зубров“, которых в свое время довольно часто поминали недобрым словом и с трибуны

* Кн. А. Г. Щербатов, К московскому дворянству, стр. 2—7.

Государственной думы и в литературе левых партий. Они же были главными „расточителями“ своей земли, которая переходила в руки купечества, крестьянской буржуазии и среднего крестьянства. Общая потеря ими земель в период 1906—1916 гг. вряд ли будет меньше 10 млн. дес., так как, по статистике переходов земель, Крестьянскому банку продавались или крупные имения, или части крупных имений. Этим последним путем „зубры“ спасали свое положение, вкладывая, конечно, далеко не всегда, — вырученные деньги в остальную землю и вводя на ней более интенсивное капиталистическое хозяйство. Требуя в интересах помещиков организации Государственного земельного банка, кн. А. Щербатов высказывал такие соображения: „С увеличением ценности земли и при потребности большого оборотного капитала для ее использования, несомненно, размер отдельного землевладения уменьшится. Продажа частным землевладельцем излишка земли по высокой цене (по крайней мере откровенно! — *А. Ш.*) даст ему возможность освободиться от лежащего на имении ипотечного долга и составить необходимый оборотный капитал. Не общее количество земли, находящейся во владении дворянства, имеет значение, а количество отдельных владений, которое, — несмотря на то, что количество дворянской земли сократилось на целую треть, — не уменьшилось, а несколько увеличилось. Главное зло — в уходе дворян на службу в города и в оставлении своих имений без призора, а за последнее время — в распродаже бывших дворянских имений без остатка крестьянам, вследствие чего уничтожаются необходимые культурные центры“.

«Зубры» — как указывает В. И. Ленин, изучавший классовую сущность аграрных отношений в России в эпоху реакции, — вообще отличались чрезвычайной ясностью классового сознания. Черносотенцы становятся вполне на почву капиталистического развития, рисуют безусловно программу экономически - прогрессивную, европейскую. Это необходимо особенно подчеркнуть, потому что у нас распространен вульгарный и упрощенный взгляд на характер реакционной политики помещиков. У них ясно чувствуется связь с вполне определенным классом, привыкшим командовать, оценившим верно условия сохранения своего господства в капиталистической обстановке... Реакционность их программы состоит не в закреплении каких-либо докапиталистических отношений или порядков, а в развитии капитализма по юнкерскому типу для усиления власти и доходов помещиков, для подведения нового, более прочного фундамента под здание самодержвия“ *.

* Сбр. соч., т. IX, ср. 571.

Труды съездов уполномоченных дворянских обществ также дают очень интересный материал для оценки понимания „зубрами" своих задач.

Так, тульский делегат на X съезде (в 1914 г.) кн. А. Н. Урусов говорил: „Кризис среднего землевладения объясняется финансовой политикой, воцарившейся со времен Вышнеградского и основанной на бездефицитном бюджете. Все налоговые источники были использованы для него в ущерб подъему производительных сил страны. Местные финансы, благодаря дорогому кредиту для земства, пребывали неизменно в жалком состоянии. По безграмотству, бездорожью и по бедности Россия заняла первое место в ряду других народов. Великое преступление совершено министерством финансов пред историей, что оно недостаточно помогло земельной политике П. А. Столыпина... Дворянское землевладение тает, каждый из нас знает, какие большие земельные потери оно понесло... Пора принять серьезные меры... Они заключаются главным образом в дешевом кредите. Нигде в мире землевладельцы не поставлены в такие тяжелые условия, как у нас. Отсутствие ипотечной системы заставляет их искать личного кредита в частных или правительственных банках; взимание значительных процентов, при краткосрочности небольшого кредита, не способствует облегчению земледельческого положения, и землевладельцам совершенно безразлично, будет ли губернское земство или не будет и будет ли введена мелкая земская единица или не будет. И землевладельцам и крестьянам нужен дешевый кредит".

Кризис частного землевладения объяснялся на том же съезде следующими причинами: неорганизованность рынка для частновладельческих продуктов, отсутствие шоссейных дорог, высокое обложение, недостаток оборотных средств, отлив рабочих за границу (до 1 млн. чел.), конкуренция немецкого хлеба в России, высокие пошлины на ввозный хлеб в Германии, низкие цены в России, неурегулированность рабочего рынка, пьянство и некультурность населения и т. д.

Для иллюстрации типа среднего дворянина из командующих групп частных владельцев небезынтересно привести некоторые места из речи на том же X съезде дворянства делегата Псковской губ., некоего В. Кушелева. „У меня, — говорил он, — родовое имение, существующее более тысячи лет (мои предки были родоначальниками этого племени, было время, когда они брали с Рюриковичей дань), и, когда я вижу, что на моих глазах рушится то, что создалось веками, целыми рядами поколений, когда устроенные мною винокуренный завод, кирпичный, лесопильный, дающие каждый год десятки тысяч годового оборота, когда я вижу, что все это падает, — я ничего делать не могу. Почему это происходит? Да потому, что рабочий вопрос не урегулирован...

У нас всякому мерзавцу, негодяю — поблажка, а каждый порядочный человек может быть отдан в обиду... Я с ужасом вижу, что не только не увеличиваю свое благосостояние, но что скоро обращу в деньги свое имение. Мне жиды за 2400 дес. леса, который я не вырубаю, предлагают 1 миллион рублей, но я его не беру, потому что совесть не позволяет продавать отцовское достояние. Лесопилка приносит убыток. Вот уже два года, как нет дорог. За вывозку бревна из леса приходится мужику платить 70 коп., а сам получаешь от покупателя 1 рубль. За лен мне предлагают 30 - 32 руб., а мне самому производство обходится в 36 руб. На рынке полное недоверие к нашему льну... Прежде всего надо урегулировать рабочий вопрос. Я имею несчастье жить в одной из соседних с Петербургом губерний, и мне приходится наблюдать его влияние на сельчан после того, как они там побывают". Далее Кушелев подробно рассказывал, как ему приходилось повышать плату рабочим по обработке льна, конюхам и т. д. и как он с ними ссорился, не находя поддержки у своего же брата-дворянина — земского начальника. Хорошими хозяйствами Кушелев называет только такие, которые „дают рубли", а плохими — не дающие таковых*.

Частных владений с земельной собственностью от 50 до 500 дес. было в 4 раза больше, чем владений от 500 до и свыше 10 тыс. дес., а именно — было 106 тысяч мелкопоместных владельцев с фондом в 17 млн. дес. В этой группе мы находим и значительный процент крестьянской буржуазии, и так называемые „купеческие" хозяйства, и мелко- и средне-дворянские поместья. Что здесь имелось относительно больше посевов капиталистического характера, чем в более высоких по землевладению группах, указывается рядом земских исследований. Но тут же встречаются и хозяйства со смешанными формами капиталистической и отработочной системами, и хозяйства со скопщиной, испольщиной и т. д., к которым также применимы характеристики, приведенные выше из описания по Черниговской губ.

Мелких частных владений на основе личной земельной собственности с количеством земли 10 дес. и менее и от 10 до 50 дес. насчитывалось свыше 600 тысяч с 6,5 млн. дес. земли. В значительной массе это были хозяйства крестьянского типа с обработкой земли личным трудом семьи и лишь некоторые с постоянным или частичным наймом рабочей силы. Количество этих владений ко времени военных годов не убавилось, а возросло, так как распродажа земель Крестьянским банком с 1905 г. усиливалась из года в год и ослабела лишь в первые годы войны с тем, чтобы прекратиться

* „Труды", стр. 41—49.

окончательно под влиянием крестьянского движения в 1917 г. Социально это была мелкая сельскохозяйственная буржуазия, которую усердно насаждал Столыпин и продолжал насаждать Кривошеин (1908—1915 гг.). Эта группа частных владельцев была по преимуществу занята полевым хозяйством, огородами, садами, виноградарством и тому подобному интенсивными культурами. Во время войны значительная часть этих хозяйств расширяла свои хозяйственные базы, увеличивая запашки, выращивая скот, сбывая для армии и городов по высокой цене продукты своих хозяйств (подробнее о таких хозяйствах скажем далее—в разделе „Дифференциация крестьянства. Кулачество").

Подводя итоги рассмотрению различных слоев частных владельцев, мы должны иметь в виду, что распределение их владений по районам в значительной степени предопределяло их системы хозяйства в отношении „трудового" принципа. Южные и заволжские экстенсивные зерновые хозяйства разных размеров по земельным площадям, в том числе многопосевные и крестьянские, и казацкие, и колонистские, вели их при помощи найма рабочих, с.-х. машин и т. д. Частные хозяйства юго-запада и ряда малороссийских и центрально-земледельческих губерний, сеявшие корнеплоды, велись также в значительной мере наемным трудом и машинами. Частновладельческие картофельные хозяйства западных и тех же центральных губерний, льноводные в приозерных, огородные и молочные в разных пунктах страны и т. д.— все прибегали к найму рабочих и к машинам, часто комбинируя сельское хозяйство с промышленными предприятиями. В этом отношении и лесные имения, пускавшиеся в разработку, также должны быть отнесены к разряду капиталистических. Учет в цифрах капитализации частновладельческих хозяйств невозможен, и лишь косвенным путем можно установить некоторые намеки на приближение к разрешению этой задачи.

В. И. Ленин в виде следующей всем известной таблички изложил характеристику Анненского, касающуюся различных губерний России по преобладанию в них отработочной или капиталистической системы для конца 90-х гг. (см. таблицу на стр. 78).

Преобладание системы отработок в черноземной полосе становится наиболее рельефным, когда мы отведем упоминавшиеся ранее районы с капиталистическим наймом рабочих— юго-восточные, южные, юго-западные, прибалтийские и обе столичные. Гнездо отработочной системы, очевидно, сосредоточилось в губерниях севера Украины, отчасти в западных, в губерниях земледельческого центра и Поволжья. Изменилось ли существенно после революции 1905 г. положение сельского хозяйства на обширной площади этого наиболее густо населенного крестьянством

района почти с 60 млн. частновладельческих земель? Земель владений латифундиарного типа (свыше 10 тыс. дес.) здесь было 8,4 млн. дес. и свыше 1 000 дес. — 26,4 млн. дес., т. е. всего 34,8 млн. дес. Надельной земли у крестьян насчитывалось всего лишь 62 млн. дес.

Губернии по системам хозяйств.	Число губерний.		Всего губерний.	Всего посевов у частных владельцев в тысяч. десятин.
	В черноземной полосе.	В нечерноземной полосе.		
I. С преобладанием капиталистической.	9	10	19	7 407
II. С преобладанием смешанной	3	4	7	2 222
III. С преобладанием отработочной . . .	12	5	17	6 281
Всего	24	19	43	15 910

Если принять во внимание интенсивность крестьянского движения в 1905—07 гг. как раз в этом районе, последующую ликвидацию в нем помещичьего землевладения, заявления дворян на их съездах и т. д., то в результате можно полагать, что здесь произошла наиболее энергичная потеря землевладельцами своих земель. На отработочный район следует отнести не менее 60-70% общей потери в 10 млн. десятин, что в результате даст некоторое снижение и земель с отработочной системой. Если принять заявление кн. А. Щербатова — большого знатока положения дел у помещиков, — что чаще продавалась лишь часть земли владения для перевода остальной части на „капиталистические рельсы“, то можно согласиться с выводом о некотором предвоенном снижении отработочной системы в самом, так сказать, ее сердце. Столыпинско-кривошеинская реформа, улучшение рыночной конъюнктуры (высокие хлебные цены) в близкие перед войной годы очень сильно влияли на распад отработочной системы, как и общее хозяйственное развитие страны. Однако те явления, о которых говорилось на съездах дворянства как о причинах кризиса частного землевладения, мешали более быстрому темпу его капитализации, и в основном си-

стема крепостнических пережитков к 1917 г. была далеко не изжита.

Влияние войны на частновладельческие хозяйства *.

Сначала отметим (по переписи 1916 г.), что учтенная посевная площадь у крестьян и частных владельцев в процентном отношении была представлена так:

Районы.	У крестьян.	У частных владельцев.
Центр.-земледельческий .	87,7	12,3
Средневолжский	93,6	6,4 **
Нижневолжский	93,8	6,2
Новороссийский	86,3	13,7
Юго-западный	72,5	27,5
Малороссийский	85,7	14,3
Белоруссия	90,7	9,3
Прибалтийский	76,1	23,9

Наибольшее значение в смысле частновладельческих посевов имели таким образом Юго-западный и Прибалтийский районы, причем относительная (а в некоторых отношениях и абсолютная) товарность частновладельческих хозяйств далеко превосходила крестьянскую. Так, из общей площади посевов 7 главных хлебов (рожь, пшеница, овес, ячмень, гречиха, просо и картофель), составлявшей в 1916 г. 64,6 млн. дес., было:

	В % ко всей посевной площади	В % посевов данных культур.	
		У крестьян.	У частн. влад.
Продовольственных растений	63,5	64,7	53,3
Кормовых растений . . .	32,2	31,3	40,2
Технических „	4,2	3,9	6,3
Остальных „	0,1	0,1	0,2
Всего	100%	100%	100%

У частных владельцев меньшую площадь занимают продовольственные растения и бо́льшую кормовые и промышленные. У них продовольственный хлеб был—пшеница (25% против 21,6% у крестьян), у крестьян—рожь (30,2% против 18,8% у частных владельцев). У частных владельцев бо́льшая площадь под травами (8,9% против крестьянских 1,9%) и овсом (разница в 2,4% в пользу частных владельцев); у них господствует также сахарная свекла (5,1% против 0,1%), у крестьян—масличные (лен, конопля, подсолнух).

---

* Литература в предыд. разделе.

** У частных владельцев лошадей 68,2%, у крестьян 31,8%.

Все эти данные переписи 1916 г. отражали частновладельческие хозяйства уже после двух лет войны со всеми теми последствиями для них, о которых говорилось в I части.

В начале войны помещики юга поступали по образцу некоего херсонского землевладельца Мержанова, который на XI съезде дворян (10—14/VII 1915 г.) сообщил: „Когда объявили мобилизацию, то лично я ничуть не растерялся, а увеличил у себя количество работающих в поле женщин, и вся полевая работа совершена была в срок и качественно не пострадала“.

Но уже в 1916 г., как мы отмечали в I части, в той же губернии получилось очень значительное снижение посевных площадей, главным образом у посевщиков до 75 дес. (на 35,9%) и от 100 до 250 дес. (на 37,5%).

По сообщениям самих хозяев, в Таврической губ. площадь посева в 1916 г. сократилась местами против довоенной на 30-50%. Помещики сплошь жаловались на невыгодность хозяйствования. Из Бузулукского и Николаевского уездов Самарской губернии телеграфировали в министерство земледелия: „Военнопленных мало, нет рабочих, хозяйство падает“; а осенью того же 1916 г. оттуда сообщали: „Сев затяжной, многие запоздали; площадь уменьшилась местами значительно, особенно в двух южных уездах, где недосевы 50-60%, в остальных уездах — 30-50%. Главным образом недосевы у крупных посевщиков и меньше у крестьян. Причины: недостаток рабочих рук, запоздание с уборкой хлебов, несвоевременность молотьбы семян“. Из Саратовской, Уфимской, Оренбургской, Астраханской губерний и Предкавказья также много было сообщений в 1916 г. о падении посевов у крупных владельцев. „Во многих крупных экономиях озимые посевы сократились на 25-30% и даже на 50% обычно засеваемой ими площади. В крестьянских хозяйствах этих губерний озимый клин засеян был почти полностью, а в единичных случаях даже расширен за счет полей, предназначенных под посев яровых“. Частновладельческие хозяйства в районах отхода „бродячих“ с.-х. рабочих попали в критическое положение, так как рабочих у них нехватало. Бывали случаи, что богатые и большие хозяйства в начале декабря 1916 г. не могли свезти с полей как озимый, так и яровой хлеб. Военнопленных было недостаточно, машин, рабочего скота становилось все меньше и меньше. Хозяйства попали в полосу общего хозяйственного развала.

В 1917 г. в официальных изданиях Временного правительства отмечалось: „На юге и юго-западе России погибшие озимые пшеничные посевы весной 1917 г. не перепахивались в очень значительной части, так как у хозяев не имелось семенного материала (главным образом овса и отчасти

ячменя), который был крайне дорог. К тому же были недостаток и дороговизна рабочих рук".

А. Хрящева отмечает, что весной 1917 г., после Февральской революции, очень многие помещики „в предчувствовании будущих бед совсем не организовывали посевов".

Из официальных источников давалась такая общая характеристика состояния сельского хозяйства и положения хозяйств частных владельцев в 1917 году: „Площадь яровых посевов, уменьшившаяся несколько в своих размерах по сравнению с довоенными годами, против 1916 года изменилась повидимому мало. Наибольшему сокращению она подверглась во владельческих хозяйствах, особенно же в крупных экономиях, где в нередких случаях размеры сокращения превышали $^1/_2$ и доходили даже до $^3/_4$ всей обычной площади ярового посева. Причина — недостаток рабочих. В таких случаях владельцы вынуждены были добровольно (?) сдавать свои земли по дешевым ценам в аренду крестьянам, местами же последние прибегали к самовольным захватам владельческой земли. Крестьянские хозяйства везде были обеспечены рабочей силой значительно лучше, чем владельческие. К труду женщин, детей и стариков прибавились отпущенные на посевные работы солдаты старших возрастов. С этими силами крестьяне полностью засеяли не только свои поля, но и захваченные (NB) или уступленные владельцами, хотя главным препятствием для такого усиленного расширения посевов служил недостаток семян и их непомерная дороговизна, а также сокращение, в связи с усиленной распродажею и реквизициями, количества упряжного скота. По названным причинам не всегда удавалось пересеять яровыми даже участки озимых посевов, пострадавших зимою от вымерзания или весною от вымочек".

Из частичных перемен в яровом клину, не нарушавших общего его размера, замечалось прежде всего сокращение посевов культур, требующих сравнительно большего ухода во время роста и уборки. К таким культурам относится сахарная свекла, сокращение посевов которой в районах ее возделывания в отдельных хозяйствах достигало от $^1/_3$ до $^1/_2$ прежних. Подвергся сокращению по той же причине посев льна и подсолнуха. Во многих хозяйствах приходилось руководствоваться также наличностью или меньшей дороговизной семян тех или иных культур. В этом отношении нередко приходилось сокращать посевы овса, ячменя, картофеля, заменяя его другими, преимущественно более поздними культурами, как-то просом и гречихой. Нередко главным побуждением к увеличению посева какой-либо культуры являлся усиленный спрос на данный продукт. На Сев.

Кавказе, например, усиленным спросом вызвано расширение посева кукурузы, подсолнечника и табаку.

„Недостаток рабочих рук во время сенокоса и уборки хлебов отмечался по всей стране, но наибольшей остроты он достигал во владельческих хозяйствах, во многих местностях вынуждаемых отсутствием рабочих, непомерными ценами на труд, а нередко и прямым принуждением со стороны крестьян передавать уборку последним на самых невыгодных условиях испольного вознаграждения“.

Из полосы отработочной системы в те же годы писали:

Смоленская губ.: „Помещичьи земли были очень плохо обработаны, а значительная их часть совсем не обработана. Причины ненормального и тяжелого положения владельческих хозяйств только в незначительной степени можно объяснить отливом рабочей силы для военных нужд. Уже за 2-3 года до войны цены на труд быстро поднимались, так как благодаря хорошим урожаям хлеба и удовлетворительным ценам на него крестьяне не имели острой нужды в деньгах“.

Орловская губ.: „Поздний и медленный сев. У помещиков хлеб убирался с полей и складывался в скирды сырым и ненадежным для лежки, и потому отсрочка молотьбы влекла за собою риск подвергнуть хлеб сгоранию в скирдах, прорастанию зерна, потере веса, цвета и т. д.“.

В Костромской губ.: „Недостаток рабочих для сенокоса приводил хозяев в отчаяние; много сенокосов осталось неубранными, много сена убрано плохо, так как испорчено было дождями и не представляет удовлетворительного продукта для скота“.

Могилевская губ.: „Местами часть хлеба осталась неубранной. Нормировки цен разорвали связь города с деревней, пришлось отказаться от всех улучшений, новых растений, искусственных туков, усовершенствованных орудий и т. д. В рабочих страшная нужда. Сельское хозяйство сильно ухудшилось: количество скота сократилось на 30%; новых орудий нет, а старые трудно обновить; удобрительных туков достать нельзя, об улучшении нечего и думать“.

Подольская губ.: „Положение хозяйств безвыходное. Нет рабочих рук, живого инвентаря, железа, колесной мази, не выкопали 40% сахарной свеклы, не вывезли 60%, много ее пропало захваченной в поле морозами из-за невозможности вывезти“.

В Тамбовской, Саратовской губерниях, на Волыни, в Черниговщине — всюду однородные жалобы помещиков. Не жалуются лишь те, кто хорошо обеспечил себя дешевым трудом военнопленных и беженцев.

Прекращение аренды в ряде губерний — Воронежской, Волынской и других — вело к тому, что эти земли, особенно в 1917 г., просто забрасывались: засевать их ни помещики, работавшие по системе отработок, ни крестьяне уже не могли. Не обсеменялись также в ряде случаев земли выселенных немцев-колонистов и немецких подданных.

Вот цифры применения труда военнопленных и беженцев в помещичьих хозяйствах в 1916 г., дающие картину обеспечения рабочей силой этих хозяйств в различных районах:

Районы.	Из 100 наемных рабочих и служ. приходится:		
	военнопленных.	беженцев.	всего.
Центрально - земледельческий	23,4	6,7	30,1
Нижневолжский	28,9	6,9	35,8
Средневолжский	27,4	6,7	34,1
Малороссийский	18,7	1,5	20,2
Новороссийский	34,0	4,4	38,4
Юго-западный	16,9	7,2	24,1
Белорусский	4,0	17,4	21,4
Приуральский	17,8	3,3	21,1
Приозерный	0,8	6,5	7,3
Северный	—	6,8	6,8
Прибалтийский	—	7,0	7,0

На первом месте по военнопленному и беженскому труду стоят Новороссийский и Нижневолжский районы, за которыми следуют Средневолжский, Центрально-черноземный и другие.

Таким образом хозяйства районов капиталистического типа обеспечивались этого рода рабочей силой в первую очередь.

Далее следует отметить, что, чем крупнее было имение, тем бо́льшую долю в общей сумме наемного труда в нем составляли беженцы и военнопленные. Теряя на невозможности расширить посевы из-за недостатка рабочих и машин, частные владельцы старались заработать на высоких ценах на продукты сельского хозяйства. Твердые цены устанавливались под их давлением. В 1916 году министр земледелия Бобринский взялся за продовольственное дело и

ознаменовал начало своей деятельности новым крупным повышением цен на зерно. Аграрии открыто выступали застрельщиками высоких цен, и гр. Бобринский поддерживал их, ссылаясь на необходимость поднять благосостояние... крестьянства. То же проделал в свое время и Шингарев в 1917 г.

Крупные помещики капиталистического сельского хозяйства и в отношении рынка — покупок и сбыта — были в значительно лучшем положении, чем мелкие владельцы и крестьяне с достатком, торговавшие продуктами своего хозяйства. Крупный помещик легче доставал себе из опустевших с.-х. складов машины, шпагат и т. д. Работая машинами, он использовывал дешевый женский и детский труд и создавал относительно более дешевый продукт, чем его соседи, особенно безмашинные крестьяне, вытягивавшие из себя и из своей семьи последние силы в неравной конкурентной борьбе. Острота противоречий росла с каждым годом войны, накоплялась как снежный ком... Здесь, „на полях", вызревал новый подъем крестьянской революции. Противоречия между крупным помещиком и мелким производителем и между кулаком с одной стороны и крестьянином-середняком и бедняком с другой на почве хозяйственной разрухи обострялись очень интенсивно. Отсюда, как увидим дальше, в значительной степени благоприятное отношение почти всей мелкой и даже средней буржуазии деревни к начавшейся крестьянской революции. Правда, это длилось недолго, и к лету 1917 г. кулаческая часть деревни в ряде районов, особенно на юге, примкнула к союзам земельных собственников, союзам сельских хозяев разных губерний и т. д.

Кулачество [59]. „Поляризация" деревни на буржуазию и сельский пролетариат была установлена марксистами еще с 90-х годов. Дальнейшее развитие сельского хозяйства в капиталистическом направлении все более и более усиливало это явление. Ко времени войны 1914 г. дифференциация крестьянства уже ни в ком не вызывала сомнений, тем более, что политика царского правительства в аграрном вопросе держала ставку на создание для себя опоры в деревне в виде крепкого и зажиточного крестьянина-кулака (аграрная политика Столыпина); но эта ставка на „крепкого хозяина", на „зажиточный класс крестьян-собственников" была сорвана войной 1914 г. В этом факте выявилось одно из основных противоречий в политике правящих классов.

Торговый капитал был заинтересован и в захвате Дарданелл, и в укреплении русского влияния на Балканах, и в возможности сбыта хлеба без конкуренции в районе Средиземного моря. Заставить немцев пойти на уступки в хлебных пошлинах было также на-руку торговому капиталу.

Но война приостановила „землеустройство“ и заперла экспорт. В силу этого торговый капитал, а значит и деревенская буржуазия, с одной стороны почувствовали утомление войною и желание мира (германофильские тенденции шли отсюда), а с другой — начали проявлять недовольство данными персонажами власти в лице Николая II и его министров.

Приостановка землеустройства (сокращение его до 33% в 1915 г. и полное прекращение из-за крестьянских „беспорядков“ в 1916 г.) и падение выхода из общины в 1914 г. на 17,4%, а в последующие годы почти совершенное прекращение — в значительной степени мешали буржуазизации деревни. В том же направлении влияло и сокращение с первого же года войны (более чем в три раза) покупок помещичьих земель Крестьянским банком. Правда, банк готовился поправить свои делишки с землями немецких подданных и колонистов (этих земель в угаре патриотического шовинизма наликвидировали в разных местах до 3 миллионов десятин), но не успел. Продажи банком земель крестьянам, сельским обществам и товариществам упали с 924 тыс. дес. в 1913 году до 669 тыс. дес. в 1914 году, 339 тыс. дес. в 1915 г. и 118 тыс. дес. в 1916 г.

В ряде губерний переговоры о покупках земель, начатые до войны крестьянской буржуазией, прекратились; были даже случаи расторжения сделок, начатых раньше. Мобилизация крестьянских наделов также приняла несколько замедленный темп.

Война явилась фактором, задержавшим земельную мобилизацию, в которой прежде всего были заинтересованы две стороны: помещики и зажиточная часть крестьянства. Князь Щербатов по этому поводу еще в 1910 г. писал: „Поместное дворянство привлечением в свои ряды вполне достойных представителей землевладения из других сословий обновится и усилится в своем государственном и народном значении“. (О том, как в 1916 г. он пытался организовать аграрную партию, см. раздел „Политические партии“ — „Правые“).

Но было бы совершенно неправильным утверждение, что война сорвала развитие и кулацкого хозяйства. Даже самая покупка земель не прекращалась почти до конца 1916 г., причем эта операция шла по наиболее выгодной для деревенской буржуазии линии скупки и аренды земель своих же односельчан. В связи с различными типами хозяйств обрастание кулацких элементов деревни землей в разных районах было различно и больше всего имело место там, где условия рынка сбыта обеспечивали высокий доход от сельского хозяйства. Изоляция местных рынков являлась здесь задерживающим моментом, так же как и недостаток машин и полнорабочего состава в семье или наемных рабочих.

Приведем из официальных и земских источников несколько иллюстраций к этим положениям. В 1915 году отдельными домохозяевами из крестьян, товариществами и сельскими обществами было куплено 344 тыс. дес. на 42 млн. руб., из коих 29 млн. выдано в ссуду Крестьянским банком, а 13 млн. руб. уплачено крестьянами *наличными*; 11½ тыс. дес. — на 1½ млн. руб. — куплено *за наличный расчет без ссудной помощи* Крестьянского банка.

По этим наличным уплатам можно легко судить о покупателях земли в военные годы.

В 1916 г. по Полтавской губ. в среднем на одно хозяйство приходилось посева на своей и съемной земле: в мелких хозяйствах — 3,9 дес., а в крупных—84,2 дес. По сравнению с 1910 г. количество десятин посева, приходящееся на хозяйство, уменьшилось на 0,4 дес. (или на 9,3%) в мелких хозяйствах и увеличилось на 12 дес. (на 16,6%) в крупных.

В некоторых уездах посевная площадь мелких хозяйств сократилась значительно, например: в Кобелякском на 16,7%, в Золотоношском на 14,3, в Лубенском на 14,6, а в Пирятинском даже на 21,3%. В этом же уезде крупные хозяева в 1916 г. увеличили свои посевы на 79%, в Переяславском на 34%, в Прилукском на 37,4% и в Роменском на 42,8%.

Мелкие крестьянские хозяйства в том же 1916 году сдавали в аренду крупным 40 тыс. дес. своих наделов, отказавшись в пользу крупных же от аренды помещичьих земель в количестве свыше 630 тыс. дес., на которых раньше до войны работало до 200 с лишним тысяч крестьян хозяев-съемщиков.

Деревенская буржуазия чрезвычано энергично расширяла свои посевы, не считаясь с тем, что стоимость обработки и уборки урожая к 1916 г. повысилась, как это видно например из следующих данных по Полтавской губернии:

Расходы на 1 десятину в руб. и коп. (рента не входит).

Наименование хлебов.	Годы.		В % по сравнению с 1909—1913 г.
	1909—1913	1916	
Рожь	38,57	72,50	188
Озимая пшеница	42,82	76,01	177
Яровая пшеница	26,64	54,11	206
Ячмень	24,68	50,25	203
Овес	24,49	51,25	209

Это вздорожание обработки больше чем в 2 раза, объясняемое прежде всего обесценением денег, имело место при расширенных посевах, при переходах на более трудоемкие культуры. Усиленная эксплуатация женского и детского труда, дешевой рабочей силы военнопленных и беженцев, — поскольку их удавалось отвоевать у крупных землевладельцев, — являлась основой, на которой держались кулацкие хозяйства. Богатая часть деревни обеспечивала себя также и рабочими силами собственной семьи, освобождая своих сыновей от военной службы за взятки, укрывая их при дезертирстве. Им же на руку был и принятый Гос. думой закон о прекращении дробления хуторского землевладения, так как этим законом устранялись разделы земель, обычно являвшиеся причиной некоторого ослабления экономической мощи деревенских богачей. Необходимо добавить, что чрезвычайное сокращение браков в деревне (по Полтавской губ. понижение в селах на 63%) естественным путем сокращало поводы к разделам и этим задерживало неизбежный при разделах подрыв хозяйств.

Кулацкая часть деревни во время войны, при общей дезорганизации народного хозяйства, ухитрялась вводить в свою сельскохозяйственную деятельность и такие меры, как улучшенные пары. Например в свое время отмечалось, что введение „черных паров" на юге расширялось (в Херсонск. губ.). Это показывает на интенсификацию хозяйств. „Помещики и отрубники доводили урожай озимой пшеницы до 200 - 220 пуд. с десятины" (Ананьевский уезд). В Елисаветградском у. „наблюдалось увеличение парового клина, главным образом раннего зеленого пара. В связи с этим увеличивалась и площадь посева озимых хлебов, особенно пшеницы". „Черный пар распространялся широко в Бердянском у. Таврической губ.". Из Верейского уезда Московской губ. писали, что „у крестьян прививается ранний пар, увеличивается травосеяние, местами делаются попытки улучшения лугов и стремление к улучшению животноводства". В том же духе были кореспонденции из Петроградской и Вятской губерний.

Далее, за тот же 1916 г. мы имеем из ряда губерний сведения о введении „крепким крестьянством" осенних вспашек под овес (Курская), об увеличении посевов подсолнуха, табака (Северный Кавказ) и т. д. Общая тенденция перехода к более трудоемким культурам, отмеченная в I части нашей работы, в значительной мере должна быть отнесена к тем крестьянским хозяйствам, которых обычно зовут и крупнопосевщиками, и многолошадниками, и кулаками, — т. е. деревенской буржуазией.

Улучшение хозяйства зажиточной частью деревни ведется всюду и не является привилегией только черноземной полосы

И из Олонецкой, и из Новгородской, и из Костромской губ. кореспонденты министерства земледелия на местах сообщали: „У нас хозяева приобретают плуги, бороны, рядовые сеялки, молотилки, саженцы яблонь, ягодных кустов; хорошо поставлено промышленное огородничество, которое с каждым годом развивается“ (Костромская губ.). Особенно кореспонденты расхваливали хозяйства хуторян: у них-де многополье и травосеяние и прочая „благодать“.

О крепких хозяевах Приозерного края писали, что они „заводят машины, травосеяние, увеличивают запашки, разрабатывая новые участки из-под кустарников и лесных опушек, вводят маслоделие, искусственное удобрение, кормят молочный скот жмыхами“ и т. д.

В том же 1916 г. из Симбирской губ. кореспондент видимо кулацкой складки сообщал: „Благодаря необыкновенно высоким ценам на хлеба, хозяевам удалось сбыть последние с большой выгодой. Молотьба производилась исподволь, а потому отбросы расходовались постепенно. Некоторые из зажиточных хозяев покупают усовершенствованные машины и орудия, племенной скот и проч.“. Из Воронежской губ.: „В способах ведения хозяйства наблюдаются заметные улучшения: крестьяне стали обзаводиться сеялками, косилками и другими машинами. Урожай заметно повысился“. Из Курской губ.: „Культура хозяйства повысилась. Крестьяне охотно обзаводятся с.-х. машинами и орудиями, обращают внимание на качество семян для посева, чаще применяют минеральные удобрения и пр. Начали вводить и травосеяние“. В том же духе сообщение из Харьковской губ., отмечающее усиленное приобретение сенокосилок.

Об улучшении хозяйств путем приобретения племенных производителей говорит черниговский кореспондент: „Породы скота, лошадей, овец и свиней значительно повысились“. Об улучшении скота сообщает еще ряд кореспондентов из Тульской, Полтавской, Калужской, Херсонской и других губерний. Имеются также сообщения об усиленном интересе к огородничеству, свиноводству, ското- и птицеводству.

Группа „крепких“ хозяев была самым энергичным покупателем машин и скупала все, что только было возможно, опустошая совершенно земские и частные торговые склады машин, семян, удобрений и т. п. Это подтверждается также и товарными операциями Московского народного банка, у которого 46% суммы закупок в 1916 г. приходилось на шпагат для сноповязалок (являвшихся принадлежностью лишь помещичьих и кулацких полевых хозяйств), 16,5% на сельскохозяйственные машины и орудия, 11% на удобрительные туки, 15% на кровельное железо для крыш и домов „их степенств“ в деревне и 4,5% на семена. Общая сумма оборотов банка по товарной операции с 536 тыс. руб. в 1913 г.

возросла к 1916 г. до 15 379 тыс. руб. Кооперация, обслуживавшая главным образом верхушечную часть деревни, в лице своего банка очень ярко отражала то накопление, которое шло в этой группе сельских хозяев в связи с войной. Кредитная кооперация на местах являлась также своего рода базой для зажиточной части деревни, и ее рост (даже за всеми исключениями и поправками на бумажноденежную инфляцию, на падение курса рубля и пр.) очень знаменателен. Вот цифры: на 1 января 1914 г. в ссудах кредитной кооперации было: в кредитных т-вах 263,8 млн. руб. и в ссудо-сберегательных — 253 млн. руб., а всего 516,8 млн. руб.; на 1 января 1916 г. итог ссуд достиг уже 1 124,2 млн. руб., т. е. увеличился больше чем вдвое. Вклады росли несколько медленней, но все же достаточно интенсивно: в кредитные т-ва — с 404,8 млн. руб. в 1914 г. до 682,3 млн. руб. в 1916 г. (прирост 59,3%) и в ссудо-сберегательные кассы — с 2 миллиардов руб. в 1914 г. до 3 млрд. руб. в 1916 г. Вклады в гос. сберкассы возросли с 21,4 млн. руб. в 1914 г. до 136,1 млн. руб. в 1915 г. Если мы скинем 40-50% на обесценение рубля, то все же реальный приток сбережений сельского хозяйства был весьма значителен и также может служить показателем быстрого обогащения деревенской буржуазии, особенно в два первые года войны.

Социальное значение деревенской буржуазии за время войны значительно усилилось. Поражения на фронте, неспособность царского правительства вести войну, таксы, запреты вывоза и особенно общая хозяйственная разруха создавали в этой группе крестьянства оппозиционное настроение.

Выпадение заграничного экспорта хлеба и поставки на армию через уполномоченных—губернаторов и прочих помещичьих ставленников—сильно било по карману эту жадную свору мелких хищников, которых оттесняли более сильные „зубры“, забиравшие себе и дешевую рабочую силу и перевозочные средства, добывавшие разрешения на погрузку, на вагоны, на элеваторы, получавшие ссуды из Государственного банка, продававшие по знакомству, через связи, по дорогой цене продукты сельского хозяйства для интендантства, для „Земгора“, „Земсоюза“ и т. д. и т. д. И в обычное время помещик являлся опасным противником на рынке для сравнительно мало развитого разбогатевшего крестьянина, а в военное время помещик всюду лез вперед, кричал о патриотизме, о гибели своего хозяйства, о лодырях-военнопленных и зарабатывал на поставках солидные куши.

Любви к помещику и желания защищать его деревенский кулак не чувствовал. И когда деревенская беднота нажимала на „барина“, кулак чаще всего злорадно держал нейтралитет, а иногда активно помогал „свернуть барину

шею". Политической дальновидностью сельская буржуазия не отличалась, а в нажиме на помещика она была кровно заинтересована.

Как велика количественно была эта верхушечная часть деревни? Перед войной, по данным земских переписей (33 уезда в 10 губерниях), сведенным в одну таблицу Н. П. Огановским, земельная дифференциация представлялась в следующем виде:

Беспосевных	12,6%
До 2 десятин	24,5%
От 2 до 10 десятин	48,0%
От 10 до 15 „	11,2%
Свыше 15 десятин	3,7%

По данным отдельных земских переписей, в разных губерниях черноземной полосы число крестьянских землевладений свыше 15 десятин в ряде случаев значительно выше и доходит до 8% с общим количеством земли до 4%.

По данным 1905 г., в черноземной полосе хозяйств на надельной земле свыше 10 дес. было 25,1%. Статистика 1917 г. по 25 губерниям России без Украины и Сибири устанавливает количество хозяйств помещиков с количеством земли от 13,1 до 22 дес. и выше — всего лишь в 2,4%. Наибольший процент крупнопосевных хозяйств в 1917 г. был в Нижневолжском районе (на юго-востоке), где такие хозяйства (от 13 дес. и выше) составляли 10,9%.

Таким образом картина расслоения деревни по земельному владению довольно пестра, и исчерпывающих материалов для всей России мы не имеем. К этому следует добавить, что определять кулацкий слой деревни только по признаку землевладения было бы неправильно, так как кулачество было сильно не только землей, но и скотом, и машинами, и вообще капиталом. Рассматривать расслоение деревни по признаку найма рабочей силы в дореволюционный период мы тоже не имеем возможности, так как таких данных вообще нет. Во всяком случае процент кулацких слоев деревни перед революцией 1917 г. был весьма высок.

С теми же недостатками статистики нам приходится столкнуться и при рассмотрении других слоев деревни.

Середняки[59]. Середняцких хозяйств значительно больше по количеству, и мы, вероятно, будем близки к истине, если примем для всей России число их перед войной до 30-35% общего количества крестьянских хозяйств. Статистика 1905 года дает хозяйств на надельной земле с 5-10 десятинами — 44,6%. По данным переписи 1917 г. для 25 губерний России (без Украины и Сибири), посевщиков от 6,1 до 13 дес. было 13,9% всех хозяйств,

причем Нижневолжский район дал самую высокую цифру — 26,5%, Приамурский — 26% и Средневолжский—17,7%.

Положение этой группы крестьянства во время войны значительно ухудшилось. Середняки, так же как и беднота деревни, были главными поставщиками пушечного мяса для войны. Такие крестьянские губернии, как Пензенская и Тульская, по переписи 1917 г. дали армии от 50,3% до 53,6% общего числа мужчин рабочего возраста, в то время как в довоенные годы на действительной военной службе было от 3 до 4% рабочего мужского населения. Опустошение в смысле рабочих сил в крестьянских хозяйствах трудового типа было огромно, особенно если принять во внимание уход в армию наиболее молодых работников, на которых и держалось хозяйство, не имевшее достаточно ни машин ни орудий. Этим объясняется прекращение отхода на заработки в другие губернии и полное падение переселения * (которое к тому же было запрещено правительством в целях обеспечения частновладельческих земель рабочей силой). Знаменитое „перенаселение“ деревни, до чрезмерности раздутое народничеством, перестало действовать. По этому вопросу А. Хрящева высказывает такие соображения: „Взгляд, что в довоенное время крестьянское хозяйство располагало громадными излишками рабочей силы в земледелии, — правилен с точки зрения *рационально* применяемого труда. Но в данном случае он может быть принят лишь с очень большими оговорками. Прежде всего при этом не учитывается низкая техника земледелия, когда труд распыляется, не может быть регулярно и равномерно распределен по отраслям и по времени. Затем упускается из виду, что каждый земледелец занимается каким-либо ремеслом, хотя бы носящим чисто домашний характер, и упускается из виду весь цикл домашних работ — поездка за дровами, пилка их и рубка и т. д.— и время, отдаваемое промыслам как отхожим, так и местным и даже домашним. Все это делает верность вышеупомянутого утверждения (о перенаселении) весьма относительной“.

Мелкое земледельческое хозяйство во время войны было предоставлено самому себе, и вся забота и работа выпала главным образом на долю крестьянок. Мобилизации на работы по рытью окопов, на заводы и т. под. еще больше сокращали наличную мужскую рабочую силу деревни. Есть еще один признак чрезвычайного истощения рабочих сил крестьянства — это почти повсеместное падение промыслов, лесных работ, добычи пушнины, ловли рыбы и тому подобных подсобных в крестьянском хозяйстве работ. Женский труд усиленно применялся и здесь, но не всегда с успехом, так

* В 1914 г. было переселенцев 330 тыс. чел., а в 1915 г.—всего лишь 26,3 тыс. чел.

как на тяжелых и трудных работах женщины оказывались неподходящими (например на лесных и рыбных промыслах). Беженцы и военнопленные в крестьянском хозяйстве, — как мы уже отмечали, — сыграли очень малую роль, да и то их перехватывала более зажиточная часть деревни.

По переписи 1917 г. (эта перепись проходила подчас во время ожесточенной борьбы крестьянства с помещиками, во время разгромов усадеб и насильственного снятия военнопленных и беженцев с работ в имениях и распределения их среди крестьян) результаты пользования трудом пленных и беженцев были таковы:

Районы и губернии.	У крестьян.		У частных владельцев.	
	На 100 работн., занятых в землед., приходилось:		На 100 работн., занятых в землед., приходилось:	
	военнопленных.	беженцев.	военнопленных.	беженцев.
I. Среднечерноземный (Тамбовская, Пензенская, Тульская, Рязанская)	0,3	0,1	11,7	2,3
II. Малороссийский (Черниговская, Киевская).	0,3	0,1	16,8	1,0
III. Промышленный (Московская, Ярославская)	0,3	0,0	27,0	2,2
IV. Восточно-степной (Саратовская, Уфимская).	1,1	0,4	15,5	6,0

Комментарии к таблице, как говорится, излишни.

Недостаток рабочих сил явился основным фактором ухудшения положения середняцких хозяйств и перехода части их в положение разоренной бедноты. Важно при этом заметить, что потери в рабочих силах понесли больше всего как раз те группы, в которые входят посевщики середняцкого типа. Семьи с числом работников свыше трех за годы войны увеличились, семьи с 1 рабочим остались без изменения, семьи же с 2-3 работниками уменьшились.

Большое значение играли для этих хозяйств также уменьшение количества рабочего скота, изношенность инвентаря, невозможность его починить, заменить и т. д. Хозяйства середняков цеплялись за доходную культуру овса, не

требовавшую особых затрат труда, бросали пшеницу и другие „хлопотливые“ культуры, как лен и конопля.

Многие из середняков, вышедшие на хутора и отруба, не пользовались общинной помощью, и это неблагоприятно отражалось особенно на тех хозяйствах, где женам приходилось нанимать работника по высокой цене. Так или иначе, но середняцкие хозяйства, хотя и с большим напряжением, всё же отстаивали свое право на существование, и потери в сторону ликвидации хозяйств среди этой группы относительно были невелики. Важно заметить, что, по наблюдениям ряда исследователей, возвращавшиеся в деревню во время войны рабочие силы (из города или с заработков) чаще всего притягивались середняцкими хозяйствами.

Кулацкое обогащение и сравнительная ровность положения середняцких хозяйств в первые годы войны дали буржуазным политикам и экономистам основание для заявлений о том, что деревня разбогатела. Кн. Е. Трубецкой в новогоднем (1916 г.) номере „Русского слова“ писал: „Деревня наша богатеет вопреки всему — вопреки войне и дороговизне. Этот рост благосостояния деревни в дни войны представляет самое поразительное и самое парадоксальное явление, какое приходится наблюдать“.

„Деревня увеличила потребление белой муки на 25%, стала одеваться и питаться лучше“; „едят шоколад и покупают золотые вещи“; „крестьяне несут деньги в кредитные т-ва и сберегательные кассы“—в этом же роде расписывали райское житье крестьянства буржуазные прихвостни.

Известный правый меньшевик Череванин-Липкин в „Трудах комиссии по изучению дороговизны“ заявлял, что „благодаря прекращению продажи питей, выдаче пайков и другим факторам, повлиявшим на ресурсы крестьян, эти ресурсы для удовлетворения потребностей в 1914 г., несмотря на низкий урожай, оказались приблизительно так же высокими, какими они были в рекордный год по урожаю — 1915. Теперь эти чрезвычайно высокие ресурсы благодаря одной высоте урожая увеличивались на 23,4%. В действительности же увеличивались больше. Во второй год войны благодаря новым призывам крестьянское население поредело еще сильнее. В пределах тыла земледельческое население, в руках которого оказался урожай, превышавший прошлогодний на 23,4%, не увеличилось, а уменьшилось, если его считать по числу потребляющих душ. Рядом с этим увеличилась общая сумма пайков. Крестьяне таким образом оказались в исключительно хорошем положении.

„До 1915/16 г. земледельческая Россия пережила под-ряд три в высшей степени благоприятные года: 1912/13, 1913/14 и 1914/15. 1913/14 г. оказался заметно выше по сбору

хлебов 1912/13 г., который и сам был достаточно высоким. 1914/15 г., несмотря на пониженный сбор, благодаря прекращению продажи питей, выдаче пайков и пр., оказался не менее благоприятным, чем 1913/14 г. 1915-й год побивает значительно рекорд по сравнению с рекордными 1913/14 и 1914/15 гг. Неурожай 1911/12 г. был только в восточной части России, в остальной — удовлетворительный урожай: и в центрально-земледельческих, малороссийских, юго-западных и новороссийских губ. (кроме Донской обл.), а также в значительной части нечерноземных губ. *Крестьянское благополучие тянется с 1909 г., т. е. уже 7-й год*".

Из приведенных нами выше указаний в главе „Экономика" ясно, что все эти разговоры о благополучии деревни во время войны в лучшем случае являлись плодом поверхностного знакомства с действительным положением дел и результатом непонимания процессов расслоения, которое в деревне усилилось как раз вследствие войны.

Беднота[59].

Что деревенские низы—беднота—отнюдь не богатели, видно из ряда и статистических данных и отдельных сообщений. К 1917 г. мелких хозяйств в деревне по 25 губерниям России (без Сибири и Украины) мы имеем:

Районы.	%	Абсолют. число хозяйств.	% хозяйств.					
			Без пос.	До 2 дес.	2—6 дес.	6—13 десятин.	13—22 десятин.	22 и выше десятин.
Северный	100	13 785	8,9	47,2	42,0	1,9	—	—
Приозерный . . .	„	35 046	15,5	44,3	36,9	3,2	0,1	—
Центр.-промышлен.	„	45 549	13,8	39,3	42,6	4,2	0,1	—
Северо-западный.	„	32 734	8,3	18,3	57,6	14,7	1,1	—
Центр.-земледельч.	„	68 454	8,0	29,3	43,2	16,6	2,4	0,5
Приуральский . . .	„	59 517	8,0	10,0	47,5	26,0	3,1	0,4
Средневолжский . .	„	63 318	9,8	23,7	46,3	17,7	2,3	0,2
Нижневолж. и Юго-восточный . . .	„	30 858	19,3	12,9	30,4	26,5	8,4	2,5
Всего в 25 губ. .	100	427 291	11,5	28,7	43,5	13,9	2,0	0,4

Из этой таблицы мы видим, что число посевщиков с 0 до 6 дес. составляло 72,2% всех хозяйств. О том, что

эти хозяйства не богатели, а определенно разорялись, можно судить по данным об увеличении количества беспосевных. Эти последние выходили не из кого другого, как из бедняцких слоев деревни. Приводимые ниже справки о беспосевных должны иметь поправку на увеличение числа разоряющихся маломощных хозяйств, которые ликвидировались и исчезали из учета.

А. Хрящева приводит по отдельным губерниям такие данные:

Губернии.	% хозяйств.			
	Без посева.		Без рабочего скота.	
	1910—1912 гг.	1917 г.	1910—1912 гг.	1917 г.
Тульская	4,2	6,5	29,5	30,1
Пензенская	свед. нет	7,8	31,6	36,1
Симбирская	10,2	13,4	34,0	35,7
Калужская, Жиздр. уезд .	6,5	14,6	14,3	21,0
	1908 г.	1917 г.	1908 г.	1917 г.
Новгородская:				
Белозерск. уезд	1,0	14,7	19,5	31,7
Тихвинск. „	1,0	12,6	15,5	22,4
Тверская:				
Вышневолоцк. уезд	14,6	16,5	18,2	19,8
Зубцовский „	6,3	9,2	16,2	22,3
Калязинский „	18,0	18,0	35,1	32,7
Кашинский „	8,0	9,0	33,2	31,2
Осташковский „	10,3	10,2	16,9	14,2
Ржевский „	8,5	10,0	16,5	17,2
Старицкий „	9,7	7,4	20,3	22,6

„Если бы имелись довоенные сведения для других губерний, они. несомненно, дали бы те же результаты. В действительности число пролетаризированного крестьянства за время империалистической войны возросло даже в значительно большей пропорции, чем показывают цифры, так как мы

знаем, что эмиграция за время войны из деревни усилилась" *.

По Северному району процент беспосевных возрос до 12%, с посевом до 5 дес. — 60% и крупных посевщиков — 4%. Обнищание низов деревни подтверждают и цифры о числе хозяйств без рабочего скота, которое также увеличилось, например, в Тульской губ. — на 13,9% (с 241 541 хоз. в 1912 г. до 274 942 в 1917 г.).

В органах печати, близко знакомых с бытом деревни, мы встречаем ряд сообщений о крайнем упадке благосостояния широких деревенских масс. „С чисто экономической точки зрения, — пишет один из кооператоров, — положение деревни внушает основательные опасения. Крестьянское хозяйство стремительно падает. Крестьянская масса беднеет". Член правления Духновского кредитного т-ва Новоржевского у. сообщал: „Хозяйство опустело за отсутствием рабочих рук, скот убавлен на треть, а инвентарь распродали. Хозяйства сильно пошатнулись и пошли на понижение. Лишь некоторые кулаки из крестьян делают сбережения, но это населению не прибавит благосостояния".

Не мешает еще заметить, что война непосредственно разрушала крестьянские хозяйства. Так, в 1916 г., по материалам отдела сельского строительства министерства земледелия, от войны пострадало, не считая Польши, 800 тысяч дворов и до 2 400 тыс. разных построек. Беженская масса (около 2 млн. чел.) представляла из себя главным образом тот же разоренный элемент бедняцких слоев деревни, который перешел на пролетарское положение.

И. И. Степанов, по поводу влияния войны на различные группы деревни, писал: „Много толкуют о крестьянах, на которых война пролила будто бы обильный бумажноденежный дождь". В действительности же „крестьянство совсем обносилось, отказывалось от новых построек, не производило починок, не покупало телег и саней, борон и плугов, вил и граблей, гвоздей и подков; ни к чему не было приступу, а многого и совсем не было. Многие крестьянские семьи продавали скот, если он не был реквизирован, потому что без работников, взятых на войну, женщины и ребята не управлялись с хозяйством. В деревне завелись деньги не потому, что она богатела, а потому, что она разорялась; потому, что изнашивались, не поправлялись и не заменялись новыми постройки и орудия, необходимые для земледелия, потому, что распродавался скот, потому, что деревня дона-

---

* Обычно до войны таких эмигрировавших хозяйств было в 5 лет 12 - 17%; во время войны, за 1912—17 гг., соответствующие показатели равняются 40 - 43%. Не забудем, что дело идет о выселении и ликвидации целых хозяйственных единиц, а не отдельных лиц.

шивала последние лохмотья и ходила оборванная и ободранная".

По поводу роста сбережений член русской национальной фракции Гос. думы Вистяк в заседании 13 августа 1915 г. объяснял, что это происходит вовсе не от обогащения, а от разорения крестьянства: „При всякой мобилизации запасных нижних чинов, ратников, новобранцев на ярмарки хлынул живой и мертвый инвентарь — лошади, коровы, земледельческие орудия, которые крестьянам необходимы и без которых крестьяне обойтись не могут, но нужда заставляет его продавать, так как не на кого его оставить и некому за ним ухаживать".

Ссылки на получение солдатками пайка и обогащение от этого пайка есть гнусное лицемерие правящих классов. Всего в виде пайков было уплачено за 1914—16 г.г. 1921 млн. руб., и в 1917 г. намечалось к выдаче еще 3 миллиарда руб. Скидывая с 1921 млн. руб. курсовую разницу с июня 1914 г. по 1/I 1917 г. в среднем 35%, получим 672 млн. руб., да от 3 миллиардов за скидкой 50% останется 1 500 млн. руб., а в итоге 2 172 млн. руб. Если принять цифру мобилизованных только в 10 млн. чел., у которых остались семьи, получавшие пайки в течение всего периода войны, то при двух членах семьи мы в итоге получим, что каждая семья получила за три с половиной года войны всего лишь по 20 р. с копейками, т. е. по 10 руб. на душу. Это, конечно, были гроши, которые никоим образом не компенсировали потерь хозяйства от ухода из него мужской рабочей силы.

Здесь же еще надо добавить, что вздутие цен на хлеб, от чего набивали карманы помещики и кулаки, било по самому больному месту крестьян-малопосевщиков центральной земледельческой полосы и особенно крестьян промышленных и северных губерний, продовольствовавшихся значительную часть года покупным хлебом.

Те неурожаи на юго-востоке, о которых говорит Черванин-Липкин как об исключениях, но которые на самом деле повторялись и в Центрально-земледельческом районе, и в промышленных губерниях, и в Сибири, и в Прикавказьи, и на землях казачьих войск, — эти неурожаи действовали разрушающим образом прежде всего на хозяйства бедноты. Все неблагоприятные условия, которые в связи с войной мешали развиваться сельскому хозяйству, в первую очередь отзывались на бедняцких слоях деревни. Так напр., реквизиции скота вели к тому, что кулацкие хозяйства увеличивали его количество, а беднота теряла. Первые сдавали 1-2 головы крупного скота и прикупали у бедноты 3-4 головы телят, свиней, овец, которые распродавались из-за невозможности справиться со скотом без взрослого работника,

тем более, что корма дорожали, в ряде районов был крупный недобор трав и т. д.

72,5% хозяйств бедневших середняков и подлинной бедноты, 12,6% беспосевных, более одной трети хозяйств без рабочего скота — вот наиболее легко воспламеняющийся материал деревни, питавший классовую ненависть к угнетателям и эксплуататорам и в первую очередь к тому „барину“ и „купцу“, которые выжимали у женщин и детей бедноты последние соки, понижая плату и выматывая их рабочие силы настолько, что для собственных хозяйств они работать уже не могли.

Война чрезвычайно обострила классовые противоречия между частными владельцами и середняцкой массой на почве предоставлявшихся первым привилегий по получению рабочих рук военнопленных, по сбыту продукции. Затаенная злоба к помещику-паразиту, вскормленная веками крепостного права, отработками, кабальным наймом и т. д., получила новую пищу для своего выражения, когда пролетарская и полупролетарская масса деревни увидела, что она обманута, что все ее „жертвы на алтарь войны“ — ни к чему, что от войны в первую голову выгадывают частные владельцы, имения которых были заложены в банках, взимавших с землевладельцев проценты и погашения по ссудам в номинальных суммах рублей, реально обесцененных на половину и более. Беднота деревни определенно возмущалась обогащением кулачества, подкупами и взятками начальству добивавшегося отсрочек для своих сыновей и близких. Беднота деревни медленно, но неуклонно вынуждалась к активным действиям.

Разорение хозяйства середняков и бедноты, не только относительное, но и абсолютное по всей массе, у первых может быть не так ярко выраженное, как у вторых, — было той искрой, из которой в течение военных годов то тут, то там вспыхивали яркие протесты, превратившиеся к весне 1917 г. в грандиозную крестьянскую революцию, по своим размерам и глубине превосходящую 1905—1907 гг.

ГЛАВА II.

Крестьянское движение в первые годы войны [60].

Из ранее обрисованного положения различных классовых группировок деревни в отношении их хозяйствования и вытекающих отсюда взаимоотношений можно наметить основную линию тех столкновений, которые обычно называются крестьянским движением. Кто больше всего страдал в деревне от эксплуатации, от всей системы старых

крепостнических отношений, которая проклятием висела и над землевладельцем и над деревенской беднотой? Ответ один: маломощные, безлошадные, бескоровные, беспосевные хозяйства, попадавшие в кабалу отработок, аренд, низкой заработной платы. Середняцкие хозяйства задыхались в ряде районов от малоземелья, от общинных пут, от бесправия, темноты, непомерных налогов, которыми их душило самодержавие.

Крестьянское движение 1905—1906 гг. не разрешило основной проблемы развития производительных сил крестьянского хозяйства, что могло быть достигнуто в первую очередь путем уничтожения паразитических владений государства, уделов, церковников и главным образом крупных помещиков. Конфискация помещичьих и всяких иных этого рода земель была главной задачей происходившего с первого же года войны крестьянского движения.

Если мы всмотримся в таблицу, характеризующую расслоение деревни по посевам, то мы безошибочно по числу беспосевных и малопосевщиков установим районы с наибольшим развитием крестьянского движения. По степени его интенсивности мы опять увидим близкое совпадение районов, наиболее пострадавших от неурожаев и от сокращения посевов, с районами наиболее резких и глубоких форм движения.

В хронологическом отношении мы предварительно устанавливаем зависимость крестьянского движения от усиливавшегося ухудшения положения крестьянских масс, на основе растущих капиталистических отношений в сельском хозяйстве перед войной 1914 г. В год начала войны движение крестьянства сравнительно было невелико и не выходило из границ обычных столкновений с помещиками и кулаками, наблюдавшихся за период с 1908 г. по 1914 г. *. Падение посевных площадей в крестьянских хозяйствах, рост числа беспосевных и безлошадных и т. д. — все это привело к значительному усилению движения в 1916 г. и, наконец, в связи с общим ходом событий, создало крестьянскую революцию 1917 г.

Изложение фактической стороны движения мы располагаем по районам, причем на исчерпывающую полноту обзор не претендует.

Центрально-промышленный район. Еще до начала войны здесь, как и в других районах, было несколько случаев протеста крестьян против землеустроительной политики царского правительства. Чаще всего протесты возникали на почве злоупотреблений

---

* Крестьянское движение по 1914 г. включительно освещено в работе С. Дубровского „Столыпинская реформа", Ленинград, 1925 г.

землеустроителей, которые за взятки нарезали отрубщикам и хуторянам лучшие участки земли. Типичный случай столкновения крестьян с „предержащей властью“ произошел в июне 1914 г. в Московской губ., в Можайском уезде. Московский губернатор описывает его так:

4 июня землемер землеустроительной комиссии Галков прибыл в дер. Хотилово, Можайского у., для выделения на отруб крестьянина той же деревни Бабаева.

Во время обхода землемером межи в месте выдела к нему собралась толпа крестьян Хотилова и потребовала прекращения работ. Прибывший на место сельский староста попробовал уговорить крестьян, но не мог ни успокоить их ни заставить отказаться от намерения препятствовать землемерной работе. Землемер принужден был уехать из дер. Хотилово.

Несмотря на увещания земского начальника, крестьяне продолжали высказывать твердое намерение не допускать у себя никаких землемерных работ, связанных с выделением на отруб. Крестьянина Уколова и бывшего старшину Коновалова земский начальник арестовал.

На другой день земский начальник и пристав вызвали отряд стражников в 10 чел., так как со стороны некоторых крестьян раздавался уже призыв к вооружению вилами и кольями. Стражники разогнали толпу, причем заарестовали трех крестьян: И. Смурова, В. Бакина, И. Кудряшева и крестьянку Марию Бакину.

Порядок в дер. Хотилово после этого был восстановлен.

Другой типичной для района формой довоенных крестьянских столкновений были порубки леса на спорных с помещиками участках.

Характерный случай в этом роде имел место в Бежецком уезде, Тверской губ.

В дер. Мартыново прибыл с командой стражников в 5 чел. пристав для производства расследования по заявлению землевладельцев Живого и Цветова о производящейся крестьянами массовой порубке леса в спорном участке.

Толпа крестьян с женщинами и детьми встретила их угрожающими криками. Пристав приказал стражникам очистить дорогу. Крестьяне, с криком „бей их“, бросились на стражников с топорами и кольями. Стражники открыли стрельбу из револьверов и разгоняли крестьян шашками. На помощь был послан отряд в 26 стражников. Крестьяне успокоились. Исправник ограничился арестом „главных виновников“ и „инициаторов“.

Приуральский район. Близкий по условиям сельского хозяйства к Промышленному, но с бо́льшим числом латифундий, этот район оказался более революцион-

ным, чем первый. В Пермской губ. в 1914 г. мы имеем ряд крупных недоразумений между крестьянами и заводоуправлениями из-за права собственности на землю, на леса и т. д. *. Кое-где происходили недоразумения с киргизами на почве размежевания земель и более крупные столкновения с властями из-за землеустройства, продолжавшиеся в 1915 и в 1916 гг.

В Приуральском районе в годы войны обострилась также борьба с кулаками на почве землеустройства.

Любопытна в одном столкновении крестьян Камышловского уезда с кулачеством роль священника Богомолова, депутата Гос. думы, правого. По просьбе крестьян он заявлял по начальству, что оценка земли произведена крайне недобросовестно и пристрастно, что всем управляет местный кулак-крестьянин И. Малышев, слово которого для землемера было выше закона; что во время производства работ происходило пьянство, брага и пиво лились рекой — угощение некоторых оценщиков — и даже были подачки, о чем было публично заявлено в его, Богомолова, присутствии непременному члену уездной землеустроительной комиссии, но последний, находя это, вероятно, в порядке вещей, не обратил никакого внимания. Кулак Малышев предлагал Богомолову не вмешиваться в дело, раз оно „идет по закону". „Мы люди темные, — говорил он, лицемеря, — законов хорошо не знаем, но привыкли им подчиняться; если же закон нехорош, то вы, батюшка, сидите в Думе и потому можете там об этом заявить — и, может быть, тогда этот закон изменят". Богомолов возражал также против ареста крестьян, заявивших протест против действий землеустроителей. В результате директор департамента полиции Климович предложил пермскому губернатору „сообщить совершенно доверительно о действиях священника Богомолова его преосвященству епископу пермскому" на предмет соответствующего на него воздействия. Пермский же „преосвященный" Серафим не решился воздействовать на депутата Думы по своему усмотрению и снесся со „святейшим синодом".

Чем кончилось это дело — неизвестно. Но вскоре, в связи с усилением движения крестьян против землеустроителей, их работа по распоряжению А. Кривошеина вообще была приостановлена.

---

* В деле департамента полиции имеется, напр., такая телеграмма крестьян министру внутренних дел: „Почтительно просим ваше высокопревосходительство о распоряжении прекратить насильственный отбор паров, уже засеянных хлебом. Пары готовили в 1913 г., отбирают в текущем, не дают боронить, захватывают наши семена. Полиция заводоуправлению содействует. Лишают куска хлеба—просим защиты. „Кыштымские крестьяне".

А. Кривошеин еще в начале войны инструктировал своих землеустроителей о приостановке тех работ, где нет „полюбовного соглашения“ населения. Землеустроителям рекомендовалось „проявить напряженное внимание к интересам землеустраиваемого населения, а в особенности тех семей, где хозяева призваны в действующую армию“.

Но это было, как мы увидим ниже, „словесностью“, которая, хотя и повторялась неоднократно, на практике же не применялась.

В той же Пермской губ. произошли столкновения с полицией на почве землеустройства в Екатеринбургском уезде и снова в Камышловском — в 1915 и 1916 г.г. В Логиновской волости женщины-солдатки решительно воспротивились выделам земель в отсутствие их мужей. Этот „бабий бунт“ (таких бунтов происходило не мало и в других районах) был усмирен силами полиции.

Борьба крестьянства Приуральского района шла не только с заводоуправлениями и кулаками, но и с помещиками. В каких формах шла эта борьба, видно из жалобы сарапульской помещицы Барановой министру внутренних дел от 28/XI 1915 г. Приводим наиболее существенные выдержки из этой жалобы:

В виду тревожного положения, пережитого всеми землевладельцами в 1905 и 1906 годах, я решила продать свое имение (около 1 000 дес.) крестьянам с. Арзамасцева через Крестьянский поземельный банк. Цена за имение была назначена в 96 000 руб., о так как и при ссуде банка у крестьян недоставало еще 36 000 р., а понижать цену имения для меня было весьма невыгодно, то сделка по покупке крестьянами моего имения не состоялась.

Однако желание у крестьян приобрести мое имение осталось огромное. Не имея денег на покупку имения, они, очевидно, решили так или иначе заставить меня продать им мое имение за более низкую цену.

И вот с 1907 года начинается применение ко мне и моему имению целого ряда теростических действий: крестьяне стали травить мои посевы, увозить с моих полей сжатый хлеб, самовольно рубить мой лес, являлись с угрозами в мою усадьбу, выбивали стекла в жилых строениях у меня и моих служащих и открыто похвалялись, что „выживут“ меня, и даже грозились убить меня и моих служащих. В то же время в моем имении начинается ряд пожаров, в результате которых от цветущей усадьбы остались лишь небольшой флигель, людская и конюшня и то лишь потому, что усиленно охраняются цепными собаками.

Никто из крестьян никаких мер к тушению пожаров не принимал, никто на пожар не вышел, и даже в посылке пожарной машины было отказано.

За все это время от пожаров, потрав, краж и проч. я понесла убытку до 30 000 руб.

Дальше идут мольбы о защите и помощи. Результат— арест одного из крестьян по подозрению в „тероре“.

Белоруссия. Кроме общих причин, действовавших в военные годы угнетающе на крестьянские хозяйства, белорусские губернии, будучи близки к фронту, подвергались еще и наибольшей выкачке из них рабочей силы на вспомогательные работы, а также и скота, что еще более их обезнавоживало и тем подрывало полевое хозяйство. Крестьянское движение ярче проявилось в губерниях Витебской, Минской и Могилевской. Так напр., на почве спорных границ в фольварке Полюдовичи в Лепельском у. произошла схватка крестьян со стражниками. Арестован был вожак крестьян Мороз. Сын помещика Дымши в Двинском у. с гостями-студентами напал на крестьян-порубщиков леса в его имении и одного из них ранил.

В Минской и Могилевской губерниях было много случаев самовольной пастьбы скота в помещичьих владениях, причем крестьяне заявляли, что согласно сервитутным отношениям они на это имеют полное право. Недоразумения на этой почве тянулись годами. Так, в Пинском у. помещица Величко вела в течение 1910—1914 гг. у земского начальника 51 дело с крестьянами из-за потрав ее владений. Осенью 1914 г. в Мозырском у. в имении Снитковского при рубке леса скопом произошла перестрелка между полицией и крестьянами. Урядника крестьяне избили. Среди порубщиков особенно „озоровали“ ратники ополчения. „Бей урядника! — кричали крестьяне: — конец имению, разграбим, разнесем и сожжем его!“ Из крестьян одного ранили.

В имении Люденичи, Горецкого у., крестьяне пытались освободить из барского загона своих лошадей, задержанных за потраву, но сейчас же против них были двинуты рабочие имения и стражники. 7 крестьян было арестовано, многие избиты.

В имении Собанской (Могилевского у.) по решению суда был закрыт для крестьян прогон для скота к водопою. Результат — бурная схватка с полицией, 4 арестованных.

В Сеннинском у. на почве массовых порубок леса в ряде имений имели место столкновения с лесной стражей, которой ратники ополчения и солдатки оказали активное сопротивление. В Балтском у. в имении Герсдорфа крестьяне сожгли часть имения.

Чем ближе к 1917 г., тем движение принимает более резкие формы.

В 1916 г. в Могилевской губ. значительно усилились самовольные лесные порубки. В некоторых случаях, как

напр. в Сеннинском у. в имении Малешкевичи, для разгона порубщиков вызывалась особая конная стража, так как собственная стража имения не смогла справиться с порубщиками, среди которых большинство были ратники ополчения последнего призыва и жены солдат-фронтовиков.

Сплошь и рядом обострение отношений вызывали сами помещики. Так, в крупнейших имениях графа Хребтовича-Бутенева в том же Сеннинском у. крестьянам было отказано в продаже дров из лесов помещика. В результате крестьяне окрестных деревень срубили около сотни 6-8-вершковых деревьев и вступили в схватку со стражей. Кончилось дело арестами 10 крестьян и 20 солдаток.

Центрально-земледельческий район. Крестьянское хозяйство в этом районе наиболее остро переживало военную разруху. Тяжесть кабальных отношений чувствовалась здесь очень болезненно, главным образом вследствие малоземелья (здесь поэтому была и меньшая площадь недосевов). Многие из помещиков не понимали остроты положения и продолжали гнуть свою линию нажима на бедноту. Так, в имении Б. В. Савельева, председателя задонской земской управы (Воронежская губ.), прежде земля сдавалась в аренду по 33 руб. за озимую десятину и по 25 руб. за яровую, причем арендные деньги уплачивались в 3 срока; с 1914 же года было предъявлено требование, чтобы каждый желающий арендовать землю все арендные деньги уплачивал при самой записи на аренду и чтобы, кроме того, на каждую яровую десятину арендатор вывез по 25 пуд. навозу, при отсутствии же навоза уплатил бы деньгами 25 коп. с воза. На этой почве в уезде начались крестьянские волнения, о которых начальник воронежского жандармского управления доносил департаменту полиции, как о явлениях чрезвычайно опасных и могущих быстро разрастись до размеров 1905—6 гг.

Вот еще один из примеров непонимания помещиками создавшегося положения: в августе 1914 г. в имении гр. Голенищева-Кутузова (Ливенский у. Орловской губ.) управляющий имением не позволял крестьянам брать копны с поля до уплаты арендных денег. Дурная погода и мобилизация не дали крестьянам возможности выкупить хлеб. В виду неурожая крестьяне говорили, что „хлеб на семена придется взять из экономии“.

Впрочем помещики были „на-чеку“. В ряде губерний у стражников были заведены особые контрольные книжки, которые во время приезда стражников предъявлялись ими помещикам для отметки: „все ли благополучно“. По этим книжкам любой помещик мог проверить „настроение“ своей округи. Книжки стражников регулярно просматривались приставами и исправниками от которых информация шла

губернаторам и в министерство внутренних дел (департаменту полиции). Таким образом связь помещиков с центром власти была организована весьма основательно. Хуже обстояло дело с устранением недоразумений. И хотя помещики в таких случаях сами сносились с властями всех рангов, но результаты были невелики. Жалобы не помогали. Вот как это описывается в одном из заявлений помещицы Орловской губ. Л. Терлецкой, решившей обратиться непосредственно к министру внутренних дел:

С 1906 г. добрые, миролюбивые отношения крестьян быстро и резко перешли по отношению ко мне в явно враждебные. Проявление этой враждебности началось с постоянных потрав крестьянским скотом моих хлебных посевов, за что некоторые из них и подвергнуты были по распоряжению орловского губернатора тюремному заключению. После чего крестьяне еще сильнее стали проявлять враждебность: начались в моем лесу постоянные порубки, кражи домашнего скота, овец и лошадей, затем земледельческих орудий и мелочной домашней движимости, несмотря на то, что у меня всегда имелся и до настоящего времени продолжает иметься ночной караул. Против чего мною хотя и принимались меры и я обращалась к содействию местной полицейской власти, но все эти заявления и жалобы оставались безрезультатными: похищенное нигде не находилось, и виновных в том не обнаруживалось.

Наконец, в минувшем 1914 году, 7 сентября у меня был подожжен омет овсяной соломы и весь другой корм для скота, все до-тла сгоревшее, что было для меня большим и тяжелым несчастием во всех отношениях. Мною заявлялось властям, что в данной местности, среди местных и окружных более зажиточных крестьян образовалась преступная „лига“, задавшаяся целью непременно выжить намеченных ею землевладельцев из их имений путем постоянных поджогов, чтобы таким способом воспользоваться их землями на праве аренды или купли в собственность. Это заявление мое, видимо, также оставлено было без внимания.

Справедливость сказанного мною о „лиге“ вполне подтверждалась вторым поджогом у меня всей обмолоченной ржаной соломы до 800 копен и четырех скирдов немолоченной ржи урожая 1915 г., подожженных в ночь с 7 на 8 октября при страшно сильном ветре, отчего все сказанное количество соломы сгорело до-тла.

Чувствуя себя совершенно обессиленной в такой неравной борьбе с преступной и варварской организацией людей и

отчаявшись в их открытии местной полицейской властью, я вынуждена и осмеливаюсь почтительнейше просить о принятии более строжайших мер и способов к раскрытию этого общества злонамеренных людей и тем оградить меня на будущее время от народного „терора“ и доставить спокойствие, без которого при таких тяжелых бедственных ежегодных испытаниях жизнь в деревне тяжела и даже невозможна.

Не менее красочно изображена борьба крестьян с одним из помещиков—корнетом В. Л. Дурасовым-Дураццо-Анжуйским. Он писал 10/X 1916 г. директору департамента полиции:

В моем имении Шавском, Лебедянского у. Тамбовской губ. Шавской вол., мужики хотели снять в прошлом году в аренду землю почти задаром. Я им земли не сдал, а сдал отдельным арендаторам участками по 350 дес. С тех пор началось вопиющее безобразие. В прошлом году у меня был сожжен весь хлеб в скирдах и разграблен (даже выломаны потолки и полы) громадный скотный двор. В этом году раз подожжен и наконец 4 октября ночью сожжен деревянный двухэтажный амбар со всем инвентарем. Мужики и бабы не только не ходят ко мне на работу, но, когда приходят рабочие из соседних сел, то встречают их с кольями и камнями. И не допускают работать. Крестьянские лошади постоянно пасутся в моих фруктовых садах. Лес воруется прямо возами. Я часто получаю анонимные письма, угрожающие мне смертью в случае моего приезда в имение. Местной администрации все эти факты хорошо известны, но она ничего не может сделать... (Дальше идет обычная просьба принять меры).

Приписка: Прошу приказать прислать в мое имение стражников.

За годы войны (до 1917 г.) в Тамбовской губ. отмечен ряд поджогов крестьянами помещичьих построек, хлеба, земледельческих орудий (имения Петрово-Соловово, Андреевского, Ермолина и др.). В имении Охотниковой (Усманского у.) крестьяне в 1915 г. напали на охрану и одному черкесу разбили кирпичами голову. В Шацком уезде той же губернии в октябре 1915 г. были потравы в имении кн. Кугушева, кончившиеся арестом четырех крестьян.

Из других форм крестьянского движения по Тамбовской губ. интересно отметить постановление сельского схода дер. Серебряной, Кирсановского у.: 1) чтобы никто из общественников не снимал по отдельности земли у помещика Андреевского; 2) за работу у него в имении должна быть плата: мужчине — 80 коп. в день, женщине — 50 коп. и малолетнему — 30 коп. в день, и 3) виновные в нарушении этого

постановления будут подвергаться штрафу: мужчина — в 5 р., женщина — в 3 р. За составление этого постановления были арестованы и все участники схода и староста (май 1915 г.).

Кроме порубок леса в разных губерниях района, в 1915 г. были случаи требований крестьян к помещикам об увеличении земли для аренды, об отказе помещика от испольной части урожая за аренду (с. Щучье, Острогожского у. Воронежской губ.) и пр.

В письме о настроении крестьян Тульской губ. 1915 г. губернатор Тройницкий сообщал товарищу мин. вн. дел Джунковскому, что еще весной у крестьян нехватило своего хлеба (1914 г. был неурожайным — *А. Ш.*) и в городах его тоже очень мало — на 10-12 дней, а так как закупленный земской управой в Сибири хлеб не был разрешен к перевозке, то по этой и по другим причинам нигде хлеба население получить не могло. На этой почве началось открытое недовольство. „Члены наших семей несут лишения на войне, а у них дома нет хлеба, и никто об этом не заботится“, — говорили крестьяне-солдаты и заявляли, что они будут вынуждены громить и жечь купцов и усадьбы.

Волновалась однако не только беднота.

Азиатская система самодержавия нажимала и на более состоятельные группы деревни. В этом отношении весьма любопытно дело, начатое департаментом полиции по телеграфной жалобе министру внутренних дел солдата 3-ей роты 200 батальона П. Атапова: „20 семей купили имение Вальгардт, Ефремовского у. Тульской г. При продаже дали 22 тыс. руб. Купчая в назначенный срок не состоялась, 7 человек взято на войну. Земский начальник и полиция гонят 17 семей из имения, не дали сеять. Просим защиты“.

Защиты не было, покупщиков выгнали.

При таких условиях вполне понятны и телеграммы в таком роде: „Военному министру 11/VIII 1915 г. Призван, вечером еду на кавказский фронт. Мужики громят имение, полиция бездействует. Прошу защиты и охраны имения в мое отсутствие. Землевладелец с. Амбарово, Михайловского у. Рязанской губ. Васильев“.

К 1916 году настроение деревни Центрально-земледельческого района стало определенно приподнятым. Одной из причин было выкачивание из беднейшей деревни налогов.

Тамбовские жандармы осведомляли свое „начальство“ о таких явлениях: „Налоги платят и солдатки, бедственное положение которых все более и более ухудшается. На почве описи самоваров и прочей рухляди в уплату недоимок растет недовольство и происходят столкновения с сельскими властями. За солдаток вступаются квартирующие по

деревням низшие чины. Вот их заявления: «Какие тут вам подати! У нее муж на войне, а дома малые ребятишки. Какие же деньги тут взыскиваете вы? Мы служим и платить вам не обязаны. Если я приеду домой после войны и узнаю, что староста взыскал недоимку с моей жены, то я из него все кишки вымотаю»".

Из дел 1916 г. по Центрально-земледельческому району видно, что крестьянство чрезвычайно упорно добивалось выхода из создавшихся затруднений. Так, в Дмитриевском уезде у крестьян были постоянные недоразумения с помещиком Родченко из-за аренды, напоминающие факты из столкновений крестьян с корнетом Дурасовым. В той же Курской губернии произошел ряд столкновений крестьян со стражниками на почве потрав помещичьих покосов (имение кн. Юсуповой в Суджанском у. и др.).

Из Рязанской губернии в министерство земледелия помещиками посылались телеграммы вроде следующей: „Крестьяне крадут рожь с поля в большом количестве. Потравили и скошено 15 дес. прекрасного овса. Подговаривают рабочих-беженцев не работать, полиция бездействует, прошу помощи, пахать никто не хочет. Рогович".

Движение настолько углубляется, что крестьяне начинают отбирать у причтов церковные земли (Курская губ.), и при обмерах церковных земель солдатки избивают священников. 14 чел. крестьян, в том числе 8 женщин, по этому делу были приговорены к 25-рублевым штрафам с заменой 10-дневной отсидкой, а трое к аресту при тюрьме на месяц.

На-ряду с борьбой против помещика в деревне усиливалась борьба против своей деревенской буржуазии. Ряд фактов указывает, что „бабьи бунты" на землеустроительной почве, несмотря на личные письма Кривошеина губернаторам и циркуляры землеустроителям, не уменьшались, а напротив, — принимали широчайшие размеры.

Одно из любопытных событий разыгралось в марте 1915 г. в с. Нагольном, Обоянского у. Курской губ. Здесь толпа крестьян и крестьянок на 30 подводах выехала на отруб односельца Осьминкина с целью запахать земли, которые у него раньше они арендовали. Крестьяне имели при себе сельскохозяйственные орудия и сажени для раздела запашки между собой. Осуществить свое намерение им не удалось, так как пристав со стражниками не допустили крестьян на землю Осьминкина. Попытка более смелых 12 человек на следующий день произвести запашку кончилась их арестом, причем они просидели по 2-3 месяца каждый. 1 апреля крестьяне Д. Ширяев, Н. Гуторова и другие, всего 25 человек, несмотря на арест зачинщиков и предупреждение полиции, в третий раз явились на отруб

Осьминкина и всё же часть его запахали. Все эти 25 лиц также были арестованы, по обязательным постановлениям, на 2 месяца каждый.

Другой случай произошел в с. Березовце, Фатежского у., где землеустроители выделяли на отруба 37 зажиточных крестьян при протесте остальных.

> 5 мая, — так рассказывается в официальном документе, — пристав со стражей, землемер и рабочие направились на отрубные участки, но были встречены собравшейся вооруженной палками и кольями толпой женщин с детьми и подростками, числом около 800 чел., преградившими дорогу и требовавшими немедленного выезда из села, причем толпа начала бросать кольями и камнями в должностных лиц. На предупреждение пристава разойтись и угрозу стрелять толпа с еще бо́льшим ожесточением стала напирать на стражу и, несмотря на произведенные в воздух три выстрела, заставила стражу въехать обратно во двор крестьянина Болотина—кулака, куда посыпались кирпичи и палки, чем были выбиты окна в доме и маслобойне, в которой выделявшимися из толпы лицами были уничтожены хозяйственный инвентарь, столярный инструмент, крестьянская мебель и расхищены одежда и белье Болотиных. Вечером в село явился исправник со стражей, разогнавшей крестьян нагайками. Из числа стражников несколько человек пострадали от ударов палками.
>
> После этого все межевые работы были закончены в полном порядке.

В Тамбовской губ. бунт солдаток особенно резкие формы принял в с. Архангельском, Борисоглебского у. Здесь солдатки выбили стекла в домах выделяющихся, силой освободили арестованного и кричали перед „землеустроителями“: „Не берите у нас умного человека, не защищайте богачей“. 25 бунтовщиков привлечено было к следствию, а двух, наиболее „умных“, посадили в тюрьму в уездном городе. Подобные столкновения имели место в том же уезде в селах Малая Алабуха, Никольское, Сергиевка, Чигоры. В Чигорах солдатки ворвались в избу, где находился землеустроитель, и избили бывших там своих односельчан-отрубщиков. Из нападавших двое мужчин и 7 женщин были арестованы. В Орловской губ. „антиотрубной бабий бунт“ в 1915 г. разыгрался в Трубчевском у.

В Воронежской губ. аналогичные события произошли в 1916 г. в с. Нижний Мамон, Павловского у., где было разгромлено 20 кулацких домов.

В соседних селах — Верхнем Мамоне и Нижней Гнилуше — на той же почве недовольства общинников против „укрепленцев“ произошли разгромы двух крестьянских усадеб и порча нескольких огородов.

Из Лисок была вызвана кавалерия. Явился вице-губернатор с двумя эскадронами драгун, и настроение крестьян сразу упало. Толпа на коленах просила вице-губернатора простить и обещала впредь не повторять подобных насилий. Было арестовано 30 крестьян и крестьянок на срок от двух до трех месяцев.

Усмирители не учитывали, что крестьянские бунты нельзя сломить надолго военной силой, что эта последняя рано или поздно повернет свое оружие против угнетателей народа.

Что армии на фронте были известны эти усмирения, видно из следующего факта:

В Богучарском у. один из крестьян, намеревавшийся выделить свою чересполосную надельную землю к одному месту, в конце июля 1915 г. получил из армии письмо, в котором содержалась угроза от лица призванных солдат жестоко расправиться по возвращении с войны со всеми домохозяевами, переходящими к владению землею на началах личной собственности. Автор угрожал посчитаться также и с волостным старшиной и урядником, оберегающими интересы собственников. Жандармы хранили у себя этот документ, но соответствующих мер, которые устранили бы такое настроение в армии, они принять, конечно, не могли.

Война и обостренные ею противоречия в городе и деревне развертывались стихийно в сторону революции.

Это подтверждается фактами борьбы и по другим районам России.

Средневолжский район.

Район неурожаев и крупных недосевов. Беднота сдавала в аренду свои земли из-за недостатка рабочих рук и семян, из-за безлошадности, малопосевности, нищеты, „укрепления бобылями“. Кулаки подбирали надельную землю под свои посевы, эксплуатировали безлошадных, беря с них за вспашку под яровое вместо довоенных 4-5 рублей — 7-10 рублей, а за круговую обработку вместо 10 руб. — 20 руб. Беднота из-за дороговизны покидала деревню: из Симбирской губ. ушло 134 281 чел. в 1915 г. и 176 916 чел. в 1916 г., продавая свои наделы кулакам (2 138 дес. было продано в одной Симбирской губ.). Крестьянское движение здесь также развивалось двусторонне: с одной стороны, — против помещиков, крупных экономий, с другой — против кулаков, „владельцев“ отрубов, хуторян. По первой группе характерно произведенное в самом начале войны нападение толпы крестьян с. Похвисневки, Чембарского у. Пензенской губ., на имение землевладелицы с немецкой фамилией — Мальберг. Толпа ворвалась в сад; взломали ульи с пчелами, повредили паровую молотильную машину, в жилых

помещениях выбили окна, ворвались в квартиру заведующего, где разгромили его имущество и сожгли ее. Заведующий с семьей спасся бегством. Одновременно крестьяне дер. Ростоши, той же волости, тоже скопом начали расхищать с поля землевладелицы Мальберг овсяные снопы, разграбили и сожгли в усадьбе дом управляющего. На место происшествия тотчас же выехал уездный исправник с отрядом стражи. По прибытии его беспорядки прекратились. 15 человек с. Похвисневки и 14 человек из дер. Ростоши были арестованы.

В той же губернии и в те же дни разыгрались события в латифундиарном владении при Большом Буртасе, Керенского у., принадлежавшем жене „посла Германской империи при дворе австрийского императора“ фон-Флотто, урожденной княжне Шаховской, вдове (по первому мужу) генерала графа Келлера. Владение это занимало 20 000 дес. Работы на полях исполняли крестьяне целого ряда селений, расположенных на земле фон-Флотто. Отработочная система являлась одной из главных форм эксплуатации местного населения. События, как повествует официальный документ, происходили так:

Крестьяне ближайших сел первоначально просили ржи на семена. Просьба эта была удовлетворена. Вечером на том же месте собрались крестьяне других сел, всего до 100 чел., и требовали выдать им пропуск для своза снопов с арендуемого ими поля ранее уплаты арендных денег, т. е. вопреки заключенного условия. На требование крестьян безотлагательно выдать им пропуски было указано, что им следует явиться в экономию на другой день и что пропуски им будут выданы в какое угодно время дня. Тогда собравшиеся крестьяне возбудили вопрос о продаже им земли. В этом им было отказано. После этого крестьяне с угрозами ушли.

Час спустя загорелся стог экономического сена около с. Куземкино. В час ночи загорелся второй стог сена около с. Знаменского. На другой день толпа человек в 200 крестьян с. Знаменского и с. Куземкина подошла к квартире помощника управляющего и вторично предъявила требование продать им землю, на что последовал категорический отказ. Толпа держала себя вызывающе. Последовали угрозы, что служащие в экономии будут сняты с работы, а управляющие принуждены выехать из имения, если они не исполнят требования крестьян. Некоторые из крестьян кричали: „Мы пришли не покупать землю, а взять ее так“, „нас не запугает полк солдат“.

В тот же день в экономию фон-Флотто прибыл керенский исправник с отрядом стражников, а затем по его просьбе были присланы из Пензы 1-й конный отряд полицейской

стражи и из Чембарского у. отряд стражников, за которым последовала полурота солдат.

18 зачинщиков были арестованы и препровождены в пензенскую тюрьму, где они подверглись трехмесячному тюремному заключению в административном порядке.

С началом войны не только помещики с немецкими фамилиями были объектом крестьянского движения. В той же Пензенской губ. крестьяне с. Мокрый Мичкас, Титовской вол., Н.-Ломовского у., партиями человек по 15-20 произвели самовольную порубку леса в имении пензенского отделения Крестьянского банка. 50 крестьян было арестовано.

Порубки леса также имели место в казенных дачах Златоустовского и Бирского уездов, Уфимской губ., в 1914—1915 гг. Были убитые, избитые и раненые со стороны как порубщиков-башкир, так и полиции. В Хвалынском у. в крупнейшем купеческом имении Шихобаловых крестьяне устроили нападение на служащих экономии, загонявших скот потравщиков в имение для взимания штрафа. В 1916 г. произошли крупные недоразумения из-за лугов между крестьянами, бывшими горнозаводскими рабочими, и выксунским горнозаводским управлением.

Так велись партизанские выступления крестьянства против крупнейших землевладельцев района.

Несколько иначе протекала борьба с мелкими пауками деревни. Форма „бабьих бунтов“ здесь преобладает, но иногда мы встречаем в движении деревенской бедноты против кулаков особенно любопытные штрихи. Перед нами донесение начальника саратовского жандармского управления директору департамента полиции (АОР № 295):

Близ с. Березовки, Аткарского у., было небольшое банковское имение в 42 отруба, которые и разобрали более состоятельные, имевшие возможность внести в банк задаточные суммы. Беднота протестовала, так как земля была для них также необходима. Начались пререкания, угрозы, закончившиеся поджогами у богатеев риг, сена, соломы, хлеба. Было 13 случаев поджога, из которых в 9 случаях пострадали отрубщики, в остальных крестьяне-собственники и зажиточные выделенцы.

Поджигателями, — по словам жандарма, — были деревенские „хулиганы“, характеристики которых он и дает. Вот например:

А. Савельев — ярый противник отрубщиков: на сельских сходах и вообще среди собравшихся крестьян он постоянно с горячностью высказывается как против отрубщиков, так и против вообще наиболее зажиточных крестьян, стараясь

поселить вражду к ним среди общинников и особенно среди беднейших крестьян. Ему 32 г., занимается хлебопашеством, развитой, бойкий, женат, четверо детей, пьяница, а потому живет бедно. Известен в селе как самый буйный и дерзкий хулиган. В 1911 г., по постановлению саратовского губернатора, он за поджоги отбывал 3-месячное тюремное заключение.

А. Скородымов, 30 лет, живет бедно и также известен в селе как пьяница и хулиган.

Маркелов, 25 лет, холост, пьяница. Известен своею ненавистью не только к отрубщикам, но и вообще ко всем богатым крестьянам.

Братья И. и Я. Родионовы, настроенные всегда враждебно как к отрубщикам, так и вообще к богатым односельчанам. Родионовы еще молодые люди: Якову 26 лет и Ивану 24 года. Оба женаты, первый имеет 5 детей, второй — 3. Оба пьяницы и ранее отбывали тюремное заключение: Яков — 4-месячное за участие в аграрных беспорядках и Иван — 6-месячное за кражу.

Далее жандарм пространно характеризует остальных „поджигателей", категорически отрицая предположения земского начальника, что таковыми являются крестьяне, высланные в 1906 году за аграрные беспорядки из пределов губернии и ныне возвратившиеся в родные места. Жандарм сообщает, что

в 1906 г. из с. Березовки, Саратовской губ., высланы были трое крестьян — Д. Ф. Тарасов, М. К. Гоев и П. Г. Петров, возвратившиеся в настоящее время из ссылки. Первый из них — Тарасов — с мая месяца минувшего года проживает в г. Сердобске; он сам отрубщик и находится в числе потерпевших от пожара; последние же два — Гоев и Петров, хотя и проживают в с. Березовке, но они живут очень скромно, люди уже пожилые, спокойные, никакой вражды и зависти к отрубщикам у них нет и не может быть, так как они сами люди очень **зажиточные** и **имеют не только хорошее хозяйство, но даже и наличные деньги** (подчеркнуто мною — *А. Ш.*).

Жандарм предполагал через земского начальника возбудить на сельском сходе вопрос о передаче „порочных членов березовского общества" в распоряжение правительства, но оказалось, — с грустью добавляет он, — что „на составление такого приговора обществом надежды нет".

Выводы о зарождении после 1905—6 гг. своеобразного классового сознания среди новых элементов крестьянской бедноты ясны. Зажиточная часть деревни отходила от революционных идей 1905 г., выделяясь на хутора и отруба, и в лучшем случае держала нейтралитет.

Выездные сессии саратовской судебной палаты в ряде уездных городов в 1915 и в 1916 гг. были заняты делами о крестьянских беспорядках, вызванных выделением из общины.

Участие в аграрном движении башкир в Уфимской губ. не было единичным фактом среди „инородцев“. По Пензенской губ. мы имеем движение женщин-мордвинок, которые в 1915 г. в Краснослободском у. толпой в 300 чел. не допустили землемера к работам по отрезу земли отрубникам, напали на дома выделенцев, выбили у них стекла, растащили солому с дворовых строений, развалили печь в бане, поломали фруктовый сад. У одной из выделенок были отняты купчие документы на землю, и ее заставили подписать отказ от выдела.

Более крупные размеры носил бунт солдаток в Лукояновском у. Нижегородской губ. 22 апреля 1915 г. толпа свыше 300 чел. разгромила здесь 14 домов хуторян, расхитив их имущество и нанеся им побои. Пристава ударили колом по голове. Арестовано 7 чел., в их числе две солдатки. Движение протеста было всюду: оно захватило села Ильинское, Сыратино, Байково, Качкуры и др. „По слухам призванные по мобилизации стали писать своим женам, чтобы они не допускали до возвращения с войны мужей проводить новые законы о землеустройстве“, — сообщал губернатор департаменту полиции. В Сырятине было разгромлено 16 богатых хуторян и их мельница, избиты урядник и отдельные отрубщики. Беспорядки продолжались два дня. Любопытны такие сцены. Одна из солдаток, встав на возвышение с дубиной в руке, обратилась к односельчанам с призывом не слушаться полиции и оказать ей сопротивление. Когда полиция стала разгонять толпу, вооруженные кольями солдатки набросились на пристава и ударили его палкой по голове. 25 конных стражников выручили пристава и рассеяли толпу.

Солдатки с. Ильинского требовали от исправника посылки телеграммы верховному главнокомандующему с протестом против выделов земли в то время, когда на фронте находятся их мужья, писавшие им о недопустимости этих выделов. Такую телеграмму удалось составить и отправить солдаткам с. Качкурова того же района.

В с. Ильинском было арестовано 9 чел., потом по оговору первых еще 61, из них 33 женщины. Всех крестьян и крестьянок потом судили. Часть ильинских присудили к 2-недельному, сырятинских большею частью к 7-месячному и остальных к 3-месячному аресту.

В Казанской губ. на почве землеустройства также произошел ряд столкновений солдаток с землемерами и полицией (Ядринский у.).

В Ардатовском у., Симбирской губ., солдатки с. Четвертакова устроили в 1915 г. погром отрубщиков. Толпа до 100 чел., главным образом женщин-солдаток, прогнала землемера и выдернула межевые столбы. 2 дня по вечерам солдатки ходили по селу и бросали камни в дома отрубников, крича: „Наши мужья проливают кровь на войне, а вы хотите без них отобрать у нас землю". События закончились походом женщин в гор. Ардатов, где их разогнала полиция.

В мае 1916 г. в той же губернии произошел ряд новых выступлений крестьянок. Работы землеустроителей всюду прекращались насильственно. В результате, по предложению ревизора министерства земледелия Алферьева, ряд работ по губернии был приостановлен (д. № 39 Г. У. З. и З. по ревиз. отд. за 1916 г.).

Нижневолжский район.

Обзор движения по этому району начнем с Ставропольской губернии. Мы уже знаем, что во время войны 1914—1917 гг. „казачьи" губернии понесли особенно сильный экономический урон. Ставропольская губерния должна быть отнесена к наиболее обедневшим. И в такое-то время попечительное начальство, под давлением думского прогрессивного блока, решило во что бы то ни стало ввести в Ставропольской губернии земство. Началась упорнейшая борьба населения против земства. На этой почве объединились и деревенская буржуазия, и беднота, и правые, и левые элементы деревни. Борьба началась еще до войны. Сообщая о настроении населения в марте 1914 г., губернатор отмечал, что „повсеместно по селам слышится глухой ропот на чрезмерность нового земского обложения". 13 июня 1914 г. в 9 верстах от Ставрополя крестьянки с. Михайловского срыли фундамент строящейся земской школы и смешали с землей приготовленную для постройки известь, протестуя против земских налогов. Губернатор кн. Шервашидзе сейчас же явился в село со стражниками и угрожал: „Если не будете платить земских платежей, то для усмирения найдутся розги и пули". Напрасно жители возражали, что у них, как у бывших казаков, земство вообще введено быть не может, раньше платили земских повинностей с села 6 800 р., а теперь с них требуют 37 650 р., т. е. почти в 6 раз больше, что школ у них достаточно, — губернатор ничего не хотел слушать и арестовал 7 „зачинщиков"-мужчин и 4 женщин, которых под конвоем и угнали в ставропольский арестный дом.

По губернии ползли дикие слухи, что новое земство есть возврат крепостного права... Во главе движения против земства всюду оказывались женщины. „С одной стороны женщины, как наиболее консервативный элемент, — писал местный жандарм, — действительно реагируют сильнее на новшества, так или иначе болезненно затрагивающие ихние

хозяйственные интересы, а с другой — население, в общей своей массе все-таки лойяльное и верноподданное, уклоняется пока и воздерживается от демонстративного выступления, выдвигая сознательно на первый план женщин — в наивной уверенности, что «на бабу суда нет»“.

Вскоре после инцидента в с. Михайловском начался бунт женщин в с. Надежда, оказавших сопротивление при переоценке зданий для земского обложения. Несмотря на арест 7 крестьянок, волнения вскоре охватили всю массу населения. Станового пристава, земского начальника и других должностных лиц женщины „оскорбляли бранными словами, бесстыдными действиями, плевками, в них бросали комками земли и каменьями, угрожали ударами вил, кусали“... Трое мужчин и 8 женщин были добавочно взяты в плен стражниками губернатора. Между прочим, в с. Надежда была устроена поперек улицы барикада, чтобы помешать въезду в село стражников. С другой стороны, консервативная часть села действовала иным путем и подавала на высочайшее имя прошения об отмене земства. Впрочем женщины с. Надежда, когда к ним явился усмиритель подполковник Брун, становились на колена, подносся ему хлеб-соль, просили „снять земство“ и произвести страховую переоценку лишь тогда, когда их отцы, мужья и братья вернутся домой с фронта.

В пригородных к Ставрополю селах Надежда, Михайловка и Татарка земству был объявлен решительный бойкот. В Михайловке и Татарке родители не пускали своих детей в земские школы: учителя были отозваны, и школы закрыты.

Во время мобилизаций нередко раздавались речи вроде следующей: „Вы — дураки; нужно воткнуть штык в землю, и тогда пускай начальство воюет“. Настроение нарастало. 23 ноября произошли беспорядки в селах Благодаринского у. Толпа крестьян с. Александрии отбила арестованных, избила урядника, старшину, разгромила дом богатого крестьянина, члена уездной управы Лелекова, и сожгла земскую школу. Для подавления этих беспорядков на место было командировано 75 казаков донской сотни, причем при подавлении беспорядков трое было убито и семь ранено.

Картина схватки крестьян с полицией в с. Александрии очень поучительна, и многое говорит о том настроении, в каком находилось крестьянство в первые годы войны. Приехавший на усмирение пристав с 12 стражниками заперся на ночь в с. Александрии в волостном правлении.

О происшедших дальше событиях официальный документ сообщает следующее:

24 ноября с утра к волостному правлению стали собираться крестьяне небольшими партиями человек по

10-20. Часам к 12 толпа увеличилась до 2 000 человек. Подростки, подстрекаемые старшими, и женщины, имея при себе палки, стучали в ставни и двери волостного правления, крича: „Отворяй!“ Возбуждение среди собравшихся росло. Толпа кричала по адресу пристава и стражников: „Бей их!“ Затем ударили в набат. Толпа, быстро увеличиваясь, приблизилась к запертым дверям волостного правления, и под натиском впереди стоявших дверь затрещала. Пристав вышел на крыльцо и пытался подействовать на крестьян уговорами, но толпа при появлении пристава пришла в ярость. В пристава, с криками: „бей его!“, начали бросать камни и палки. В то же время толпа стала бить окна и громить камнями и палками волостное правление. Затем из толпы последовал выстрел, а стоявшие близко к крыльцу пытались стащить пристава вниз, хватая его за ноги. Пристав приказал стражникам стрелять. Из толпы отвечали и ранили урядника. После первого залпа толпа не отступила; залп был повторен, после чего некоторые побежали, а наиболее упорные остались, вступив с отрядом стражников в перестрелку. Часть нападающих,—из них некоторые были вооружены ружьями,—зашла сзади и через крыши соседних построек пыталась проникнуть во двор волостного правления.

Стражникам пришлось выбивать их с крыш и заборов поодиночке, но при каждом выстреле стражников нападающие укрывались за прикрытие, в виду чего стражниками было израсходовано 58 патронов. В результате столкновения оказались убитыми из толпы 3 человека и ранеными 7. Опасаясь нападения с тыла, пристав вывел отряд стражи из волости, рассеяв остатки толпы. После происшедшего в с. Александрию начали прибывать жители окрестных сел, намеревавшиеся отправиться в село Благодарное и разгромить там земскую управу и другие земские учреждения, но этого не произошло, так как отряд донских казаков в числе 70 всадников окончательно водворил порядок.

Главные зачинщики бунта были взяты под стражу; виновных предали военному суду.

Движение расширялось. 27 сельских обществ губернии категорически отказались от добровольной раскладки земских сборов. Кроме школ, под бойкотом объявлялись врачи и фельдшера, если они получали жалованье от земства; крестьяне уклонялись от предоставления мест под вновь строящиеся больницы и школы, насильственно приостанавливали начатые уже постройки школьных зданий, отказывались получать пособия из земских сумм для семей лиц, призванных в войска, и т. п. Такое отношение, осложненное недостаточным урожаем в губернии зерновых хлебов и особенно тяжестью всех событий военного времени,

в конечном результате привело к упорному „уклонению“ крестьянского населения от платежа земских сборов.

Как выяснено, в беспорядках с. Александрии сыграли большую роль прибывшие с фронта для поправления здоровья после ранения крестьяне Зуев и Шальнов.

Особенным упорством и нежеланием платить земские налоги отличались жители сел Александрии, Ореховки, Мирного и Алексеевского, Благодаринского уезда, и поселка Торгового, Медвеженского уезда.

Крестьяне с. Александрии выбрали старшиной одного из отбывавших тюремное заключение за участие в беспорядках 24 ноября 1914 г. в этом селе.

„Антиземские бунты“ в Ставропольской губ. продолжались почти весь 1915 г. В ряде сел на почве принудительной продажи скота в уплату земских недоимок произошли вооруженные столкновения с полицией и казаками. Были пострадавшие с обеих сторон. Многих арестовали. В с. Калиновке, Александровского уезда, толпа молодежи, разгромила сельскую тюрьму и освободила арестованных за недоимки односельчан.

В Поволжьи наблюдался ряд выступлений крестьян против помещиков. Так, в Самарской губернии в вотчине гр. Орлова-Давыдова в годы войны среди крестьян происходило глухое брожение, временами прорывавшееся в виде активных протестов. Одна группа крестьян (в дер. Мордовская Борковка) на сходе в числе 103 чел. неграмотных, на основании хранящихся у них документов, „принадлежащих предкам нашим, данных при великом князе и царе Алексее Михайловиче на дарственную нашим предкам землю“, вынесла постановление отсудить графскую землю.

Другая группа крестьян (с. Преполовенское), связанная с тем же имением гр. Орлова-Давыдова, составила приговор и направила его земскому начальнику. В приговоре крестьяне жаловались на притеснение их „отработками“, повышение арендных цен на землю и т. д. Жандармским обследованием было установлено, что деревенское кулачье в сделке с администрацией имения гр. Орлова-Давыдова всячески „объегоривает“ крестьян: сдает, например, кулакам землю дешевле, чем крестьянам, кулаки же ее передают по дорогой цене и разницей делятся с администрацией имения. Крепостническая система отработок и кабальной эксплуатации крестьян в имении была описана не кем иным, как жандармами.

Выступления крестьян против имения начались в августе 1914 г. Сначала во время молотьбы барского хлеба был избит приказчик. Потом ночью сожгли омет барской соломы. С осени начали травить озимые посевы и посевы люцерны. Однако мерами полиции движение было быстро смято и замолкло до 1917 г.

В Оренбургской губ. происходили недоразумения на Авзяно-петровском заводе с арендаторами лугов. В с. Романовке избили землеустроителей, после чего были арестованы „зачинщики", протестовавшие против наделения попа землей „на-вечно".

Столкновение на почве землеустройства произошло 28 апреля 1915 г. в с. Кирилловке, Ставропольского уезда Самарской губ. Толпа в несколько сот человек, главным образом женщины, напала на стражников, но была „рассеяна", причем на месте рассеяния оказалось большое количество палок, дубин и других орудий. 8 чел. было арестовано.

Украина левобережная.

Интересно в первую очередь отметить, что департамент полиции по Полтавской губ. не зарегистрировал за 1914—16 гг. ни одного случая столкновений с крестьянством. Напряженность дифференциации, подчеркнутая земскими исследованиями, падение посевной площади (местами более 50% против довоенной) и т. д. как будто не давали пищи тому революционному настроению, которое назревало в этой издавна пролетаризированной губернии и которое прорвалось чрезвычайно бурно в 1917 г.

Сведения департамента полиции очевидно страдают значительной неполнотой, так как намеки на „недоразумения" встречаются и в повременной печати и в земских изданиях.

В Харьковской губ. еще перед войной был ряд столкновений крестьян с землеустроителями. В марте 1914 г. в с. Удах произошли „недоразумения", для ликвидации которых вызывалась сотня казаков во главе с губернатором Масальским. Крестьян усмирили, пятерых арестовали, землеустройство провели. Другой инцидент произошел 27 мая в слободе Меловой, где толпа крестьян напала на рабочих землемера, изрубила и сожгла повозки и вещи рабочих и уничтожила межевые ямы. Чины полиции забрали 10 „подстрекателей и зачинщиков" и этим „восстановили порядок". „Воцарилось полное спокойствие", и землемерные работы продолжались.

В сл. Белки, Ахтырского у., 2 сентября 1914 г. 50 солдаток ворвались в волостное правление, где находился землеустроитель, и потребовали, чтобы он прекратил работу до возвращения с войны их мужей. Землеустроитель уехал, но 12 зачинщиц тоже поехали в ахтырскую уездную тюрьму „на основании 21 ст. положения о государственной охране".

В 1915 г. преобладающим типом крестьянского движения в Харьковской губ. являются бунты солдаток.

В ряде случаев дело доходит до убийств кулаков, чинов полиции, членов землеустроительных комиссий, а избиение их — довольно обычное явление. Наиболее громкое

дело произошло в с. Сыроватке, Сумского уезда, где были убиты 2 кулака и где в нападении на землеустроителей и полицию принимало участие несколько сот человек. Между прочим, 500 солдаток выходили в поле вооруженные вилами, топорами, косами, и ждали там землеустроителей с тем, чтобы силой не допустить их к работам. Были случаи отдельных волнений на почве потрав лугов и самовольных выпасов, кончавшиеся убийствоми с обеих сторон. Отношение крестьянства к властям было всюду крайне озлобленное. В с. Сыроватке было арестовано 28 чел. Вице-губернатор измывался над беззащитной массой, стоявшей на коленах перед ним, окруженным отрядом стражи, и отказывался принять хлеб-соль.

Черниговская губерния была сравнительно тихой. Весной 1914 г. здесь отмечается лишь случай досрочной смены сельского старосты в с. Холмы, Борзенского у. За это было арестовано 6 крестьян-оппозиционеров. В июле 1914 г. на почве землеустроительного недоразумения произошел конфликт между земским начальником и крестьянами в Городнянском у.; 15 чел. было арестовано за неисполнение распоряжений начальства и препятствие арестам. В 1915 году в Козелецком и Переяславском уездах происходили потравы на земле помещика Кочубея. При столкновении охранявшие имение терские казаки убили местного крестьянина-казака. В 1916 г. в с. Орликово, Новозыбковского у., происходили потравы в банковском имении. Толпа требовала у администрации отвести селу выгон. Кончилось дело столкновением солдаток с исправником и стражниками. Одну солдатку ранили в плечо. 22 „зачинщицы“ отправились в тюрьму. Официальное дознание по этому делу устанавливает, как одну из причин бунта солдаток, получение ими писем от своих мужей с фронта.

Во время обыска у одной из „зачинщиц“ было найдено интересное для характеристики настроения и сознательности крестьян письмо от раненого одноногого инвалида. Приведем его текстуально.

Многоуважаемая Анна Александровна, мой серьезный совет—скажи всем солдаткам, чтобы ни на какие соглашения не вступали насчет пашни, а гоните и пасите свою скотину, не бойтесь никого кроме бога и царя нашего батюшки, который с вашими мужьями защитит от всех ваших мерзавцев; еслиб он про это знал, то он приказал бы их повесить, а всему обществу пользоваться в настоящее время землей и лесом, потому был приказ по его величеству, что засевать последний кусок земли, сеять что только можно, скотину кормить, а не уничтожать, как вас вынуждают эти ваши мерзавцы. Вы посеете и накормите свою скотину, а это

очень великое дело и польза нашему отечеству и армии, потому армия нуждается в скотине и в хлебе, а если вам такие мерзавцы не позволяют на вашей прадедовской земле пользоваться, то это для армии большой вред. Министр финансов везде приказал допустить засевать поля и кормить скотину, а не уничтожать, для пользы отечества, потому вы скотину выкормите, хлеба напашете, то будет что кушать, а много у нас земли уничтожила война, там не пашут, а ожидают, чтобы глубь России позаботилась об этом для прокормления армии, а также и тех людей, которые по нужде бросили свои земли и приехали к нам, чтобы мы покормили и помогли и выслали для собственной нашей армии русской.

Вы можете пригласить на судовую квартиру заведующего и батюшку и прочитать мое письмо им при всех людях.

А когда к вам приедет кто-либо из офицеров действующей армии и что он обществу скажет, его слушать, так что я послал прошение на командующего армиями западного фронта, как вас заставляют продавать последнюю скотину и не дают сеять хлеба, а сеять хвоечки, когда нам нужно хлеб сеять, а не хвоечки, для нужд армии, но вы не бойтесь ни исправника ни станового пристава. Лягте все костьми за все целое России и родину и требуйте себе отвода для пастбища скота и посева хлеба, а эти ваши заведующие и все высшее близкое начальство — карманщики, обдиралы бедного люда с. Орликовки. Все сделайте, что я вам пишу, а если не поможет, то я лично поеду к командующему и все объясню про вашу нужду...

Иллюзии еще не были изжиты, даже с потерей ноги.

Украина правобережная.

У помещиков были другие „иллюзии“. Они слишком большое значение придавали правительственным „мерам воздействия“ на крестьянство в годы войны, когда правительство день ото дня все более теряло свою „власть“.

В этом отношении большую ценность имеет такое паническое заявление управляющего имением Головиной (имение было расположено в двух уездах — Киевском и Радомысльском), некоего Белоусовича (май 1915 г.):

В имении Буда-Ваховская, Киевской губ., Дымерской вол., крестьяне жгут лес ежедневно, рубят и крадут лес, собираются напасть на экономию, чтобы ограбить, и хотят сжечь все постройки имения. Вообще крестьяне волнуются, бунтуют, самовольно выгоняют скот на пастьбу, на поля имения, не желая платить, и говорят, что панов всех перебьют, а землю (после войны) отберут, что солдаты ружья правительству не отдадут и т. д. Источник распространения

подобных идей — жиды, которые в массе находятся среди крестьян *.

Этот ужасный край — хуже Сибири, — писал далее управляющий: — довериться здесь некому, а воров сколько угодно, все; полиции никакой, а если появляется здесь, то только за взысканием платежей.

Я измучен крестьянами. Я очень вас прошу написать киевскому ген.-губернатору, чтобы он приказал принять меры против грабежей крестьян с. Ваховка; они там, возле себя, сожгли теперь целое имение Куницкой, уничтожили леса более тысячи десятин, и полиция шагу не сделала в защиту Куницкой. Там народ совершенно дикий. У них нет ни священника ни школы, они не совершают никаких обрядов по рождению, крещению, хоронят мертвых без священника и живут как настоящие скоты.

Но, как бы ни был панически настроен этот управляющий, „дыму без огня“ здесь не было. Это видно из следующих фактов.

Крестьяне с. Кухарской Слободы, Радомысльского у., весной 1915 г. начали самоуправно пасти скот свой в лесу помещика Бубнова. Управляющий помещика Ржечицкий, желая прекратить самовольные выпасы, обратился к приставу с просьбой оказать ему содействие; последний с двумя урядниками и семью стражниками отправился в лес. По прибытии туда служащие Бубнова начали сгонять в одно место скот, но явившиеся крестьяне, в числе около 150 мужчин и женщин, набросились с кольями на служащих и полицию и пытались отобрать скот, причем урядникам нанесли несколько ударов. Пристав приказал произвести два выстрела; одним из них была ранена крестьянка Дударова, а нападавшая толпа разбежалась. В другом имении управляющего Чернецкого толпа чуть не убила, нанеся ему два удара обухом топора по голове, и избила до полусмерти бывшего с ним стражника.

В описываемом районе причинами столкновений между частновладельческими имениями и крестьянством чаще всего являлись недостаток у населения выгонов для скота и леса и та кабала, в которую на этой почве загоняли крестьян помещики. Бывали, напр., такие дела. Помещики Кучер и Ганькович отсудили в свою пользу землю, служившую крестьянам прогоном для скота на пастбище, и, не считаясь с протестами крестьян, засеяли этот участок. Крестьяне

---

* Насколько „у страха глаза велики“, показывает жандармское сообщение по поводу письма Белоусовича: в этом сообщении указывается, что в районе деревень имения Головиной жило в одной деревне всего лишь две небогатых еврейских семьи, причем главы семейств были призваны, а в деревне оставались их жены с большим количеством детей.

выгнали через посев свой скот на пастбище, а препятствовавших прогону скота служащих помещика прогнали. Явилась полиция. В нее полетели камни. Выстрелы. Толпа разбежалась. Скот крестьяне угнали с поля домой.

Аналогичный случай произошел в имении Собанской, Подольской губ., из-за лишения крестьян права прогона скота для водопоя. „Отрезки" дожили до войны 1914—17 гг. и исчезли лишь после Октябрьской революции. Из-за прогона скота на водопой были избиты полицейские и крестьяне, а 6 крестьян арестовано.

Помещики зорко оберегали также право охоты в своих лесах, и на этой почве было не мало недоразумений. За годы войны браконьеры на Подолии стали смелее и иногда затевали целую перестрелку с охраной леса. Такой случай был в имении Чарновского, где 2 крестьянина были ранены и 2 арестованы.

На Волыни много недоразумений было на почве сервитутного права. В Владимироволынском у. толпа крестьян с. Новоселок не допустила рабочих рубить лес в имении помещицы Подлевской; то же произошло в имении Сигала и др. На почве пастьбы скота в лесном имении банка произошла драка крестьян дер. Пелчи с охраной. В имении Подгорского солдатки не дали экономическим рабочим распахивать присужденный в пользу помещика выгон, который крестьяне считали своим. В столкновении участвовало 300 мужчин и женщин; трое лесников были избиты. От побоев умер лесник имения Стецкой в Новоградволынском у., защищавший лес от порубщиков. В Ровенском у. из-за потравы полей помещицы Отфиновской произошло столкновение крестьян с. Рысвянки с полицией и драгунами. То же было в имении Венцковской, где крестьяне, отбивая свой скот, загнанный в имение за потраву, избили служащих. В имении Любомирской помощник управляющего ранил крестьянина, собиравшего в имении зелень без разрешения.

В Овручском у. 6 апреля 1915 г. произошли „беспорядки" при вводе во владение вдовы генерала Дейнякиной. Когда землемер, окруженный полицией, приступил к обмеру земли, толпа крестьян с. Валова, до 50 человек, с криком бросилась к месту обмера и стала препятствовать рабочим вкапывать в землю столбы, крича: „Хоть убейте нас, мы не дадим отрезать землю". Когда же, в виду „упорного неповиновения", были приняты „решительные меры", то некоторые из крестьян вступили в драку со стражниками; притом одного из крестьян „порубили" шашками.

Это все делалось вблизи фронта, в самые горячие моменты войны (армия отступала с Карпат и начался отход из Польши).

„Патриоты“-помещики всячески уклонялись от исполнения повинностей для армии, сваливая их на крестьян. На этой почве также происходили „самоуправства“. Вот типичный случай. Общество крестьян с. Слипчиц обязано было поставить двух погонщиков, четверку лошадей и две повозки с упряжью для транспортов по перевозке продуктов для нужд войск. Крестьяне, считая, что к таким повинностям надо привлекать и помещиков, явились в экономию имения Душинской и потребовали выдачи им четверки лошадей и двух повозок с упряжью. Им в этом было отказано; тогда сельский староста и несколько крестьян насильно вошли в конюшню, выбрали четверку лучших лошадей и две повозки и вручили назначенным ими двум погонщикам. На заявление полиции о грозящей им ответственности за незаконные действия крестьяне отвечали, что они имеют право брать от помещиков лошадей и повозки для военных надобностей, что они уже неоднократно давали своих лошадей, повозки и погонщиков, что многие из их среды проливают кровь за помещиков и что помещики имеют много земли, а для нужд войны ничего не дают.

Важно отметить, что столкновений между общинниками-беднотой и кулачеством-отрубниками на почве землеустройства в Юго-западном крае почти не было. Единственный случай в Изяславском у., в с. Ледянке, был до войны— 2 февраля 1914 г.: „После схода, на котором землеустроитель расхваливал преимущества отрубов, общинники пошли к школе, где тот же оратор вел беседу с пожелавшими выйти из общины, и пригрозили всем убийством. Землеустроитель и будущие отрубщики просидели в школе несколько часов, опасаясь быть избитыми“.

Степная Украина. В начале войны в центре всех разговоров и действий крестьянства этого района было немецкое землевладение, безразлично — частновладельческое, помещичьего типа или колонистское. Крестьянство спешило использовать благоприятную „ситуацию“.

17 июня 1915 г. начальник екатеринославского жандармского управления сообщал департаменту полиции, что „проявления отдельных случаев насильственных действий крестьян некоторых уездов по отношению к немцам-колонистам и землевладельцам, выражающиеся в самовольном пользовании сенокосами на немецких землях и посевами для выпаса скота, становятся как бы явлением обычным и начинают с каждым днем всё более учащаться; равно крепнет и уверенность крестьян в абсолютной безнаказанности их даже за погром и избиение немцев... Военными событиями крестьяне намерены воспользоваться для осуществления своей заветной мечты об изгнании немцев и о приобрете-

нии принадлежащих им земельных угодий". Жандарм указывал дальше, что надо пойти в этом стремлении навстречу крестьянам, ликвидировать немецкое землевладение в губернии и передать земли в пользование крестьян. Екатеринославский губернатор в свою очередь указывал на влияние московских немецких погромов на настроение крестьян.

В Павлоградском уезде после высылки германского подданного помещика Цая землю купил змиевский уездный предводитель дворянства Суковкин. Цай еще раньше, перед своей высылкой, сдал землю в аренду крестьянам, и крестьяне там поселились. На этой почве началась вражда между ними и Суковкиным.

В Херсонской губ. был случай, когда крестьяне требовали устранить немца - посредника по сдаче земель в аренду и предлагали помещикам братьям Бродским сдавать им землю непосредственно.

По району борьба с помещиками не-немцами шла главным образом по двум линиям: первая — это снижение арендных плат и вторая — самовольные распашки. При самовольном снижении аренды крестьяне Александрийского у. говорили, что после войны землю у помещиков правительство все равно отберет и наделит ею крестьян, иначе повторится 1905 — 1906 год.

В Донской области крестьяне самовольно и бесплатно распахивали все три года значительную часть владений помещика Шабельского (12 000 дес.), проживавшего в Петербурге и не имевшего на месте даже конторы по сдаче земель. Требование Шабельского о воспрещении самовольных запашек не привело ни к чему: наказный атаман гр. Граббе в 1916 г. был уже бессилен предпринять что-либо радикальное при общем распаде и хозяйства области и власти. Идея наделения землею крестьян после войны была очень популярна и в крестьянских и в солдатских массах. Из допросов крестьян - солдат жандармами установлен факт, что многие фронтовики считали, что после войны их будут наделять немецкой землей без денег и что „после войны будет война внутри России из-за того, что все богачи откупились и не несут военной службы, а сидят дома".

Внутрикрестьянские столкновения тоже были нередким явлением в степной Украине. Иногда страсти разгорались, и дело принимало бурный оборот. Чаще всего это происходило в форме выступлений солдаток, в борьбе с которыми херсонский губернатор объявил, что у всех „бунтовщиц" будут отняты пайки. Этим, конечно, он никого не испугал, и снятие землемеров с полей силою женщин имело место в ряде случаев, так же как и борьба солдаток с охранявшими землеустроителей стражниками.

Бывали нападения недовольных и на лиц более высокого положения. Так, в Бахмутском у. один из крестьян, находясь в волостном правлении во время разбирательства земским начальником спорного дела между беднотой и богачами, потушил лампу и ударил „земского“ чем-то по голове так, что рассек ее. „Земский“ держал руку кулаков, и это была месть за его „правосудие“.

Приставу Чупову, который производил следствие по делу об избиении земского начальника, было подброшено анонимное письмо, в котором говорилось: „Я тебе советую, раньше подумай за своих детей малюток. Хотишь на свете жить, так оставь, не терзай тех безвинных людей, которые на сходе скандалили из жуликами за землю, которая должна быть разделена на наличные души. Если ты обвинишь кого за тех, что побили на сходе, то погибнешь как собака... покушаешь ты никелевых орешков... будешь сужден на черную доску. Я революционер. Стою в стороне, смотрю на твой прилежный шпионизм, назначаю тебе плату в лоб и в грудь“.

Движение на „окраинах“.

Крестьянское движение на окраинах царской России, наиболее ярко развернувшееся во второй половине 1916 и в начале 1917 г., по сути дела должно быть увязано с аграрными отношениями на этих окраинах *.

Не вводя этого движения в подробностях в настоящую работу, следует лишь отметить, что оно дополняет картину распада экономических отношений во время войны и кризиса царской власти и власти Временного правительства.

Движение в „среднеазиатских владениях“ началось в обстановке чрезвычайного упадка киргизских хозяйств и значительных потрясений в хлопковом хозяйстве Узбекистана. Сбор хлопка-сырца упал с 59,7 млн. пудов в 1915 г. (рекордный год по выходу хлопка) до 47,8 млн. пуд. в 1916 г., причем и выход волокна оказался на 30% ниже, чем в 1915 г. Установление твердых цен на хлопок, не оправдывавших издержек производства, недостаток хлеба и других продуктов из-за расстройства транспорта, дороговизна, общее обесценение денег, мобилизация и вывоз скота и тому подобные явления военного времени подготовили почву для восстания киргизов и узбеков. Поводом к нему явился призыв туземцев на тыловые работы в армии. Движение началось в бывшем Туркестане и разлилось широкой волной до Алтайских гор. Оно нашло также отклик среди калмыков и на Кавказе.

---

* Подробности об этом движении см. в нашей статье „Восстание в Средней Азии в 1916 г.“ в „Историке-марксисте“ № 2, 1926 г.

Особенно острые формы движения, перешедшего в восстание, наблюдались в теперешних Казакской и Узбекской республиках.

Здесь происходили стычки с войсками, нападения на русских переселенцев, на железнодорожные станции, телеграф и другие учреждения. Царские власти потопили в крови это восстание, произведя массовое избиение населения (несколько десятков тысяч человек), разоряя и сжигая кишлаки (деревни) и аулы, казня сотнями руководителей движения.

Местами восстание имело успех, и войска несли ощутительные потери. В войсках, действовавших в Туркестане, было убито офицеров 3, рядовых 53, пропало без вести 77, ранено 41. Главной массой в восстании являлись кочевые народы-скотоводы, у которых царское правительство отнимало земли, перебрасывая на эти земли переселенцев из центральной России, что делалось в интересах российских помещиков — для ограждения их земель от крестьянских захватов.

На Кавказе движение происходило в менее значительных размерах, главным образом среди осетин в Терской области, где населением было убито несколько стражников и солдат. В Грозненском округе произошло вооруженное столкновение с войсками, во время которого было убито 10 горцев и ранено 15. В Аксайском округе во время восстания пострадало 30 чел. (убитых и раненых); был убит стражник и избит начальник округа. Всюду движение подавлялось военной силой.

Крестьянское движение в России в 1914 — 1916 гг. явилось непосредственной прелюдией к событиям 1917 года Оно указывает, что в деревне за эти годы скопился огромный горючий материал. Борьба шла в двух направлениях: против эксплуататора-помещика и против кулачества. Помещики, — будь это дворянин-крепостник старой закалки, или хозяин-фермер американской складки, или же банк с его методами выжимания из крестьянского хозяйства последней копейки в виде процентов за взятую землю, — все они являлись врагами деревенской бедноты, поскольку они в той или иной форме эксплуатировали ее труд. К частным владельцам более или менее крупного типа особую ненависть питало середняцкое хозяйство, не имевшее возможности конкурировать с ними на капиталистической основе. Отсюда — союз бедноты с середняками.

Подчас, как это имело место в деле фон-Флотто, и более зажиточная часть деревни поддерживала бедноту в ее борьбе с крупным землевладельцем; но чаще встречались

случаи столкновений бедноты с кулацкими элементами деревни, что в начале крестьянской революции 1917 г. способствовало быстрой перемене фронта кулаков, соединивших свою судьбу с помещиками контр-революционерами.

Движение на „окраинах“ царской России явилось показателем активности огромных масс населения, главным образом Средней Азии, и соответствующим образом повлияло на общий ход революционных событий в стране в последующие годы.

ЧАСТЬ III.

Крестьянская революция 1917 г.

ГЛАВА I.

Факты [61].

„Снится мне бывало, что все стало по-иному. Господа будто нам покорны, а мы владеем ихним всем добром и силою. Ну, уж и измываюсь я над ними, будто! Откуда что берется! Наяву бы николи такого не придумал. Наяву-то зла такого не вытерпеть. Допекли, значит".

(Из книги С. Федорченко — „Народ на войне").

Начало революции. То, чего боялись и капиталистические и латифундиарные помещики, то, против чего направлены были усилия и Столыпина, и Кривошеина, и „прогрессивного блока", — случилось. Крестьянская революция ранней весной 1917 г. началась. Она началась в формах, которые обычно характеризуются как „крестьянское движение", но развернулась в дальнейшем уже в своем подлинном виде — в форме крестьянской революции. Это была именно революция, потому что ее основной задачей и достижением были решительное уничтожение „крепостнических пережитков", перемена „хозяев", возможность выхода для мелкого крестьянского хозяйства на путь свободного развития. Более точное определение этого пути обусловливалось тем, что аграрная революция деревни тесным образом сплелась с пролетарской, социалистической, которая шла по линии уничтожения не только крепостнической, но и капиталистической эксплуатации. Лозунги: „Конфискация помещичьих земель", „Земля и воля" не предрешали для крестьянства системы социалистического хозяйства, но оно с ней столкнулось постольку, поскольку пролетариат взялся строить хозяйство в условиях своей диктатуры. В первую очередь это выявилось в советизации целого ряда капиталистических сельских хозяйств, в организации

различных видов колхозов и т. д. Распыление тех капиталистических хозяйств, которые пошли в пользовательский раздел победившим мелким землепашцам, и то лишь в виде небольшого снижения запашек в первый год революции, должно быть отнесено к „издержкам революции“. В дальнейшем „издержки“ были значительнее, но сейчас определения этих издержек мы себе не ставим.

Итак началась аграрная крестьянская революция как результат всего предшествующего экономического развития, до чрезвычайности обостренного „военным хозяйством“, — революция прежде всего экономическая, тесно связанная с политическим движением пролетариата в городах.

Как же она развертывалась?

Весна 1917 г.

Первое слово предоставим современнику — обозревателю аграрного движения из министерства внутренних дел Временного правительства. Объективность его, конечно, невелика, классовая подоплека в оценках фактов определенно выдает его симпатии, но всё же его показания, в качестве ориентировочных, дают некоторый ответ на поставленный нами вопрос и, так сказать, вводят в курс событий.

> Первые сведения об аграрном движении относятся к началу марта 1917 года (повествует обозреватель) и указывают на отдельные случаи лесных порубок, увоза хлеба и прочего имущества из имений частных владельцев. Указанные беспорядки и нарушения вызывались иногда желанием крестьян свести старые счеты с владельцами и администрацией отдельных экономий, иногда потребностью в семенах и продовольственных припасах, но главным образом возможностью получить желаемое сравнительно легко и безопасно, так как владельцы имений и их управляющие почти не оказывали сопротивления предъявляемым к ним требованиям (подчеркнуто всюду мною. *А. Ш.*).
>
> Известен ряд случаев, в которых трудно выяснить насильственный характер захватов имущества, до такой степени легко уступались всякого рода права людьми, сознавшими, что защиты им получить негде и что отказ может повести к тяжелым последствиям.
>
> Отдельные случаи разгрома усадеб, поджогов, самовольных обысков и арестов происходили преимущественно там, где ранее, в 1904—5 гг., после бывших беспорядков производились экзекуции и подавление волнений оружием. Имеются сведения, что самоуправство и насилия принимали особенно резкий характер в тех имениях, владельцы которых подозревались в измене родине и носили немецкие фамилии (Вульф, Фогель, Кинфус, Шмидт, Шумахер, Бухмейстер и пр.). Зарегистрированы случаи убийства таких лиц возбужденной толпой (Гель-

шерт). С 15 марта стали поступать известия о захватах пахотных земель и потравах выгонов. „Захвачено имение вооруженными дезертирами из местных крестьян“; „крестьяне потребовали от землевладельца передачи имения, и удален по требованиям крестьян управляющий“; „крестьяне заявили, что не дадут обсевать яровые поля“, — таково содержание телеграмм министерству внутр. дел до 3-5 апреля. В большинстве случаев комиссарам удавалось восстановить нарушение права мерами убеждения, разъяснениями и пр.

В апреле * появились первые признаки перемены в крестьянском правосознании по отношению к разрешению земельного вопроса и, на-ряду с этой переменой, начали поступать соответствующие известия в телеграммах с мест. Деревня стала ощущать и воспринимать идеи и программы, выработанные и принятые в городских центрах, что ставилось в связь с полученным 26 марта в главном управлении милиции известием о командировании партийными, профессиональными и смешанными организациями, имеющими свои центральные органы в Петрограде и в Москве, своих агентов в сельские местности для организации крестьян и для распространения между ними программы аграрных реформ.

Такое же „движение в народ“ было предпринято в большинстве губернских городов, благодаря чему деревня в промежуток от 25 марта до 20 апреля подвергалась систематическому обследованию и инструктированию. С этого времени повсюду аграрное движение приняло организованный и отчасти идейный характер.

Обнаружилось повсеместно стремление использовать руководящие идеи Временного правительства, изложенные, между прочим, в постановлении об охране посевов **, и, незаметно

* Удивительное совпадение с „апрельскими тезисами“ Ильича! *А. Ш.*

** Приводим наиболее существенные выдержки из этого постановления:

„Нужно приложить все усилия к тому, чтобы обеспечить полный засев полей, не допуская сокращения посевной площади. Каждая незасеянная десятина земли будет непоправимым ущербом для обороны. Чтобы иметь достаточно хлеба на нужды армии и тыла, Временное правительство объявило весь хлеб находящимся в распоряжении государства... Правительство возлагает на само население охрану посевов и инвентаря и отдельных посевщиков от возможных насильственных действий, которые должны быть рассматриваемы как нарушение не только интересов отдельных лиц, но и интересов государства как целого... Если бы общественная охрана посевов и инвентаря отдельных посевщиков все же оказалась бессильной предупредить насильственные действия, правительство сочтет обязанностью государства возместить владельцам причиненные им этими действиями убытки. Поэтому всякое насилие против хозяйств частных владельцев и крестьян будет ложиться тяжелым бременем на денежные средства государства, следовательно на само население. Возмещение убытков государством в указанных выше случаях не освободит виновных в насильственных действиях от уголовной и гражданской ответственности в законном порядке. Но, гарантируя возмещение убытков производителей от земельных

исказив их, приспособить к желаемой цели. „Ожидание от частных владельцев и крестьян полного засева полей“, „предоставление местным органам права принудительной передачи пустующих земель другим землевладельцам“ толкуются как исключительное право и даже обязанность крестьян наблюдать за посевами помещиков и распределять между собой их пустующие земли.

Затем пустующими, т. е. незасеянными, признаются во многих местностях искусственные и естественные луга и выгоны. Клеверные поля частью поступают под лен, частью травятся крестьянскими стадами с целью обратить сенокосные угодья в паровые пустующие земли. Крестьяне бросают свои полосы, берутся сеять чужие поля и делают это тем охотнее, что для своих полей считается естественным брать те семена из чужого амбара, которые для этих полей были заготовлены.

В тех случаях, когда землевладельцы выражали желание и доказывали возможность засеять свое поле наемным трудом, являлось естественное желание лишить их этой возможности. Рабочих снимали или устанавливали принудительную высокую плату за их труд, пленных уводили, назначали реквизицию орудий и рабочего скота, причем почти везде по этим поводам составлялись постановления в письменной форме с указанием на народную власть и государственную необходимость. Лишенный сил владелец, естественно, своей „обязанности перед государством“ выполнить уже не мог, и потому незасеянные им, хотя и обработанные, готовые к посеву земли его переходили в другие руки.

Такова была программа действий, почти везде однородная. Проводилась она с соблюдением вида закономерности. „Волостные земельные комитеты, — говорится в постановлении Временного правительства, — могут быть образуемы по инициативе местного населения“. Инициатива была проявлена в полной мере и даже ранее издания упомянутого постановления. Образуются разнообразные сельские местные, чисто

беспорядков, Временное правительство ожидает от частных владельцев и крестьян полного засева всей принадлежавшей им пахотной земли; если окажется, что часть ее по тем или иным причинам грозит остаться незасеянной, правительство предоставляет местным правительственным продовольственным органам право принудительной передачи пустующих земель в арендное пользование другим землевладельцам или право собственными силами этих органов обрабатывать такие земли... Для достижения указанных целей Временное правительство устанавливает: охрана всех посевов, являющихся, по закону о взятии хлеба в распоряжение государства, общегосударственным достоянием, поручается губернским, уездным и волостным продовольственным комитетам, которые организуют контроль и наблюдение над отдельными хозяйствами, по соглашению последних с комитетами. Этот контроль и наблюдение осуществляются продовольственными комитетами при помощи лиц и учреждений, пользующихся доверием местного населения“.

случайные, иногда без производства выборов, „комитеты народной власти“ и прочих наименований, причем их полномочия и круг деятельности иногда совпадают, иногда соприкасаются с действующими на-ряду с ними волостными исполнительными комитетами. Местные правительственные комиссары нередко лишены возможности судить о том, от кого исходит данное постановление, когда и кем организован комитет, издающий закон и правила, производящий обыски, аресты и реквизиции, разрешающий земельный вопрос как по частным случаям — в виде обязательных постановлений, так и во всей его полноте — в форме деклараций. Постановляя, напр., о немедленной передаче пустующих земель в распоряжение деревенских сходов, крестьяне (Осташковского у.) считают уместным „определить норму крестьянского трудового землевладения“, признают необходимым „немедленный переход в собственность государства земель различных наименований“ и т. д.

Многие из комитетов были образованы и руководятся лицами, имеющими мало общего с крестьянскими интересами, далекими от деревенской хозяйственной жизни.

Не мало имеется указаний на то, что осторожная, вдумчивая и уравновешенная крестьянская масса присматривается и ждет, тогда как на поверхности волнуются и агитируют люди, не могущие иметь влияния и власти при нормальных условиях жизни.

В мае аграрное движение продолжает развиваться и крепнуть. Держась той же программы и тех же приемов призрачно лойяльных, комитеты расширили круг своей деятельности и влияния. Появились уездные и такие же губернские, отражающие, но еще более определенно, все ту же идею — создать, не расходясь явно с правительством, местные органы влияния и власти и через них решать, между прочим, аграрный вопрос согласно отдельным партийным программам и фактически провести решение в жизнь, не ожидая народного мнения, выраженного через законно избранных представителей.

Так освещалась аграрная революция в кругах деятелей Временного правительства. Почти теми же красками описывалось начало аграрной революции и Временным комитетом Гос. думы, ставшим средоточием всех помещичьих жалоб на крестьянское утеснение. Информаторы комитета писали:

Помещики убегают и бросают все хозяйство на произвол судьбы. Способы их выживания чаще всего таковы: установление высокой таксы на рабочие руки (до 20 р. в день), отказ от аренды, особая приплата с владельцев за пленных, взимаемая в пользу местного волостного комитета; если же

владелец откажется от платежа, то пленного бесплатно передают солдаткам; запрещение работы у владельцев: „не дадим им рабочих, тогда они все как тараканы подохнут". Волостные комитеты своей главной задачей ставят эту борьбу...

Помещичьи сады остались без весенней обработки, огороды и поля вместо культурной свеклы засеяны травой. Все землевладельцы, как крупные, так и мелкие, в большинстве случаев подавлены. В некоторых экономиях началась продажа живого и мертвого инвентаря... Крестьяне запрещают рубить и вывозить лес. Но в то же время в других местах идут массовые порубки, а в Мозырском у. Минской губ. леса жгли, потому что они помещичьи. Захват покосов был также организован комитетами.

Истерический А. И. Шингарев * еще в апреле 1917 г. решительно заявлял, что самостоятельное разрешение крестьянством земельного вопроса недопустимо без общегосударственного закона, что этот закон может быть издан только Учредительным собранием. „В настоящее время,— проектировал он, — на местах должны быть организованы примирительные земледельческие камеры для добровольного соглашения между землевладельцами и земледельцами при волостных продовольственных комитетах". Но из этих камер ничего не вышло: крестьяне всё больше и больше „левели".

В известной докладной записке землевладельцев от 3 мая о стихийном захвате земель говорилось:

В Симбирской, Нижегородской, Самарской, Саратовской, Тверской, Харьковской, Полтавской, Курской, Херсонской и Екатеринославской губерниях общественные организации устанавливают низкие арендные цены, насильственно отбирают от владельцев их земли и передают крестьянам; были случаи, когда эти земли оставались незасеянными; самовольно уста-

---

* Для подтверждения этой характеристики приводим отрывок из речи Шингарева на всероссийском продовольственном съезде в Москве 21—26 мая 1917 г.: „Касса государственная пуста, население налогов не платит, считая, что это роскошь, которую можно позволять себе лишь в обычное время: кто же во время революции платит налоги? Заем свободы идет плохо; общий хозяйственный развал... Абсолютно нет запасов пшена, гречи... У нас не только продовольственный, но и материальный голод: сокращены посевы хлопка в Туркестане, производство кож пониженное, сокращены посевы сахарной свекловицы...".

Шингарев был тогда министром земледелия с продовольственными функциями, и его выступление в таком духе имело чрезвычайно важное значение. Он вогнал делегатов совещания в панику, и друзьям Шингарева, эсерам и меньшевикам, пришлось на том же съезде вносить „бодрящие ноты". Может быть, паника была нужна Шингареву для целей контр-революции. История об этом умалчивает.

навливают обязательную таксу на рабочие руки, нарушают неприкосновенность жилищ, производят обыски, экспроприацию имущества и лишают свободы без суда землевладельцев и их управляющих.

Дальше авторы записки пугали Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов (записка была послана, по случаю „двоевластия", по двум адресам), что

> Россия в ближайшее время при таких порядках превратится в пустыню с обширными площадями сорных трав, с нищим в моральном и материальном отношении населением, с ничтожным количеством низкосортного хлеба, недостаточного для надобности его производителей, при полной гибели высококультурных хозяйств и абсолютном уничтожении крахмального, паточного и свеклосахарного производств, а также рассадников улучшенного животноводства.

В соответствии с такого рода нажимами *, кн. Львов 13 мая 1917 г. телеграфировал циркулярно секретно всем губкомиссарам:

> По имеющимся в министерстве внутренних дел сведениям, в разных местностях государства имели место и не прекращаются доныне случаи самовольных арестов, обысков, устранений от должностей, заведывания имуществами, управления фабрично-заводскими предприятиями, разгромов имущества, грабежей, бесчинства, насилий над частными и должностными лицами, *присвоения различными организациями принадлежащих только правительственным органам прав и полномочий* (подчеркнуто в циркуляре), обложения населения налогами, сборами, возбуждения одной толпы против другой на почве классовой, национальной и вероисповедной розни. Все подобного рода действия должны *почитаться явно неправомерными*, в некоторых случаях *даже анархическими*, подрывающими в корне новый строй, энергичная борьба с которыми, во исполнение декларации Временного правительства 5 мая, является ближайшей задачей как представителей правительства на местах, так и всего населения. Прошу вас при поддержке образованных на местах общественных комитетов принять *самые решительные меры для ликвидации ука-*

---

*) Для иллюстрации форм „нажима" и характерной буржуазной лжи приведу отрывок из письма Родзянко кн. Львову 16/VI 1917 г.: „В настоящее время аграрный вопрос является исключительно государственным, не имеющим прямого отношения к тому или другому классу или сословию. Нарушение хозяйства вообще теперь есть угроза голода всему государству, армии, городам и селам". Далее, во имя спасения родины, Родзянко требовал прекращения беспорядков, как будто Львов стоял за беспорядки: он просто не мог ничего сделать, он был бессилен.

занных явлений, дезорганизующих страну, и для обеспечения нормальных условий жизни.

Движение однако чрезвычайно быстро разрасталось, принимая разнообразнейшие формы. Так полтавский губернский комиссар Иваненко в своем донесении министру внутренних дел указывал, что, на-ряду со снятием военнопленных и сроковых рабочих в частновладельческих имениях крестьяне становятся сами на работу в количестве, несоответствующем потребностям хозяйства, требуют непосильную, подчас фантастическую заработную плату. Устанавливается 8-часовой рабочий день, а свыше — требуется непомерная плата. Устраняют приказчиков, замещая их своими представителями. Распоряжаются самовольно сенокосом, определяя разорительные для хозяйства условия. Во многих случаях хозяйства вынуждены будут продавать скот за недостатком кормов... Весьма много требований об отдаче земель в аренду по низким ценам. Многим хозяйствам, в том числе крупным образцовым, запрещают пользоваться уборочными машинами...

Лето 1917 г.

7 июля 1917 г. полтавский губернский земельный комитет вынес постановления: 1) о предоставлении уездным и волостным комитетам права принудительно отбирать землю у владельцев и арендаторов, обрабатывающих ее наемным трудом; отобранию подлежал также мертвый и живой инвентарь для передачи во временное пользование безземельным и малоземельным на арендных началах или в единоличное пользование с уплатой владельцу за землю суммы не менее суммы земских и государственных повинностей; 2) о признании недействительными существующих арендных договоров с арендаторами-посредниками; 3) о предоставлении права бесплатного выпаса на толоке и снятых хлебных полях и некоторые другие постановления, лишающие землевладельцев и арендаторов дохода и права распоряжения своей землей и инвентарем.

Как развертывалась крестьянская революция к лету 1917 г., видно далее из ряда документов.

Союз земельных собственников Саратовской губ. 18 июля писал своим друзьям из Временного комитета Гос. думы:

Некоторые имения совершенно отобраны у их владельцев (имения Линде и Гофман, Саратовской губ.), а в других реквизируется хлеб, устанавливаются произвольные на него цены, отбираются у собственников скот и инвентарь; снимаются с работ служащие, захватываются луга, лес вырубается, причем собственникам его совершенно запрещается пользование лесными угодьями... Убиты землевладельцы Сабурова и Тейльман в Сердобском у., крестьяне надругались над Толмачевым,

Любовцем и Кохиным в Петровском у., поджоги имуществ у отрубщиков и аресты земельных собственников в Балашовском, Сердобском, Вольском, Петровском и Саратовском уездах... Помещики вынуждены покинуть свои владения, оставляя имущество в распоряжение волостных комитетов, этих нерачительных и, надо думать, временных хозяев доставшегося им путем захвата имущества.

Тут же приводились и примеры „бесхозяйства“ волкомов: в Царицынском у. 8 000 голов мериносов в имении Воронина обречены на гибель из-за бескормицы; в Саратовском у. вырубаются защитные леса, охраняющие планомерную систему орошения данной местности (имение Яковлевой). Далее помещики хлопотали о мораториуме по всем обязательствам, связанным с землей.

У помещиков еще не было ясного представления, куда же клонится дело. Не понимали этого и многие из комиссаров Временного правительства. Они на местах пытались проводить циркуляры кн. Львова (одни придерживаясь более правой ориентации, другие—более левой) и хотели воспользоваться недостаточной организованностью крестьянства. Приведем несколько образчиков таких „подходов“. Вот наприм. „обязательное постановление“ борисовского уездного комиссара Минской губ., изданное в апреле 1917 г.:

1) Разрешается пастьба скота, где и раньше, на новых условиях, установленных волкомами при участии владельцев; новые пастбища устанавливаются совместно с соседями, пользующимися правом пастьбы.

2) Разрешается брать из лесов на дрова валежник и пр. по удостоверениям волкомов.

3) Погорельцам разрешается брать сухостой, за неимением сырорастущих, с утверждения уисполкома.

4) Разрешается сбор в лесу ягод, грибов, орехов и мха бесплатно.

5) Рубка леса разрешается уисполкомом.

6) Такса за помол: обыкновенный — 15 к., шатровка (обдерка)—20 к., крупчатка—25 к. с пуда.

7) Строго воспрещается захватывать чужую собственность: леса, поля, луга, сады, постройки и делать какие-либо насилия над имуществом и личностью граждан.

8) Никто не может воспретить частным владельцам обрабатывать свою землю при помощи наемных рабочих; весь урожай этого года поступит в распоряжение местного продовольственного комитета.

9) Воспрещается снятие рабочих с сельско-хоз. работ частновладельцев.

10) Невыпаханные под яровые посевы земли переходят в ведение волкомов крестьянам для обсеменения, но при усло-

вии, если у самих крестьян все поля засеяны, за плату, установленную волкомом по соглашению с владельцем.

11) Строго воспрещается пасти скот на сенокосах, так как потрава их, уменьшая будущий урожай трав, есть преступление перед армией и населением, нуждающимися в сене.

12) Запрещается пасти скот на вырубках и гарях.

13) О сдаче в аренду сенокосов: они сдаются волкомами по справедливой оценке.

14) Самовольная рубка леса воспрещается, так же как и снятие земельной стражи, захват у нее земель и т. п.

15) Запрещается охота в недозволенное время и на запрещенную дичь.

16) То же относительно рыбы.

Уездный комиссар *Арский*.

Комиссар надеялся здесь отыграться от аграрной революции хворостом, ягодами и грибами, которые он милостиво разрешал бесплатно собирать в лесах помещиков. Все остальное у него запрещалось.

В таком же роде были постановления ряда уездных земельных комитетов, руководимых эсерами *.

Несколько иной характер носят решения общего собрания крестьянских депутатов в Казани и стремление провести их в жизнь со стороны председателя губернского Совета крестьянских депутатов, левого эсера Калегаева. постановления общего собрания гласили:

Впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием в интересах успеха революции и для обеспечения страны продовольствием, после того как будут организованы волостные и сельские комитеты, совет крестьянских депутатов находит необходимым все пахотные земли и луга—помещичьи, казенные, удельные, монастырские, церковные, кабинетские, городские—передать в распоряжение волостных комитетов.

Примечание. Земли, скупленные у отрубников (а также леса и луга) в одни руки частными владельцами, считаются помещичьими.

Волостные комитеты не могут сами ни рубить лес ни запрещать рубку, если есть разрешение на рубку со стороны совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который следит за правильной рубкой и дает разрешения на нее.

Весь инвентарь, весь скот и хозяйство помещика должны быть по описи переданы в распоряжение волкомов. Опись

---

* См. ст. Лелевича — „Из истории крестьянского движения в Могилевской губ. накануне Октябрьской революции“, „Пролетар. рев.“, № 11, 1922 г.

инвентаря, скота и хозяйства должны составляться подробно, в присутствии помещика или его уполномоченного. Опись передается помещику, а копия, заверенная, оставляется при волкоме. Губернский съезд крестьянских депутатов для всех земель, отошедших в распоряжение волкомов, устанавливает отдачу их всем желающим издольно или устанавливает стоимость обработки их и уборки, по которой волкомы должны обработать и убрать. Все же зерно и сено должны быть переданы в распоряжение государства.

Если у волости нехватит сил обработать всю землю, то желающие из других волостей ее обрабатывают на тех же условиях. Весь хлеб, который остается от доли, передается государству через волком. Совет крестьянских депутатов решил: если станет комитет производить дележ земли теперь, не выжидая решения Учредительного собрания, то выйдет много ссор, обид, неправды. Да и что подумают на фронте солдаты? Подумают, что без них делить хотят, а их в стороне оставить... Поэтому и решили не делить землю, а пользоваться ею до решения Учредительного собрания через волкомы.

В исключительных случаях малоземелья волкомы должны озаботиться о предоставлении продовольствия малоземельным. Если у кого мало очень земли и жить на ней тяжело, то все-таки не надо делить, а надо через волкомы хлопотать, чтобы из нового урожая отпустили продовольствия.

Эти постановления были встречены крестьянством как закон, и волкомы, организуясь, выполняли их. Здесь важно подчеркнуть „оборонческое“ влияние левых эсеров на крестьянство.

В ответ на предложение из министерства внутр. дел Временного правительства казанскому губ. совету крестьянских депутатов прекратить противозаконные действия населения Калегаев решительно протестовал:

Поддерживая всеми своими организованными силами и планомерной работой все начинания Временного правительства, идущие в пользу трудового народа, заявляю,—писал он,—что своими постановлениями совет хочет предотвратить продовольственную разруху и повести организованно то, что вышло бы стихийно без его участия и создало бы анархию, которой сейчас нет и не будет в Казанской губ., если опека уездных комиссаров не будет разбивать организованные выступления народа. Во всех выступлениях против совета он видит, что частные и групповые интересы еще не склонились перед волею народа и хотят смять волю народа путем нажима сверху... Постановления губ. совета не противоречат постановлениям Всероссийского совета крестьянских депутатов и поэтому являются голосом крестьянства всей России, который нельзя заглушить.

циркулярами из министерства. Постановления уже проведены в жизнь в большей части губернии и проводятся в остальной и отменить их циркуляром нельзя. Постановления совет считает выражением воли народа и отменить их несогласен, и угрозы тюрьмой и карами за исполнение воли народа не остановят совет при проведении до конца воли народа.

Председатель казанского губернского совета крестьянских депутатов *Калегаев.*

Правительство Керенского и Чернова не соглашалось с такой точкой зрения на решение аграрного вопроса, как очень левой, и в июле для „успокоения“ населения казанским губкомиссаром Временного правительства были посланы в деревню особые „эмиссары“ — „лучшие свободные интеллектуальные силы гор. Казани“ — для уговора крестьян „прекратить безобразия“.

Агитация студентов-эмиссаров, разосланных и в другие губернии, успеха не имела: „население и думать не хочет отложить отобрание земель у помещиков до созыва Учредительного собрания“,—сообщали из Рязанской губ.

Усиление крестьянского движения с июня по август шло примерно так: число зарегистрированных милицией случаев в августе стало почти вдвое больше, причем изменилась и внутренняя организационная форма движения.

Создание земельных комитетов и комитетов крестьянских депутатов по волостям и селам привело к тому, что движение из стихийных форм стало выливаться в более организованный нажим как на помещиков, так и на кулаков. По вычислениям И. Верминичева („На аграрном фронте“, № 2, 1926 г.), процент разгромов за июль понизился до 1% против 8% в марте. „Характер движения летом, — говорит он,—это преимущественно захваты и переделы помещичьей земли, захваты лугов и покосов, урожая, инвентаря, сельскохозяйственные забастовки и пр. Эти формы дают больший % именно в летние месяцы“, причем движение на 43% не стихийно, а организованно.

Организационность движения очень мало радовала землевладельцев и их защитника—Временное правительство, тем более, что „беспорядки“ усиливались, принимая самые разнообразные формы. Шел нажим не только на помещиков, но и на казенные леса и другие имущества. Отбирали землю не только дворянскую, но и у хуторян, отрубщиков и т. д. Земли частных владельцев оказывались без военнопленных и беженцев, которых в эту страдную пору крестьяне через свои организации постановляли „перевести на свои поля“ и действительно переводили. Положение для помещиков и кулачья день ото дня становилось все более критическим.

Момент совпал с общим нажимом буржуазного правительства на революцию. Загон большевиков после июльских дней в подполье, корниловское наступление и т. д. отражались на деревенских отношениях тем, что вместо „уговаривающих крестьян“ эмиссаров в деревню всё чаще стали посылаться карательные экспедиции, всё больше стали пускаться в ход не только приказы и циркуляры о прекращении „беспорядков“, но и полетели пули в крестьян и засвистели нагайки кавалеристов *.

Осень 1917 г.

Наступал „осенний“—наиболее яркий период крестьянской революции.

В статистике Временного правительства за этот период всё чаще и чаще появляются „погромно-захватные правонарушения“: грабежи и погромы, убийства во время грабежей, насилия, самовольные аресты и обыски, возбуждение населения, самосуды, поджоги и т. п.

Если в марте 1917 г. разгромов имений было всего 29 случаев по всей Европейской России, то в сентябре их стало уже 127, а в октябре—144.

Чисто „земельные правонарушения“ — принудительная аренда, захваты земли, покосов, инвентаря, леса, запрещения рубки и вывоза леса, снятие с работ, обложение налогами и другие „самовольные действия“ — непрерывно росли, а к осени 1917 г. многие из этих форм движения приняли еще более широкий размах, чем в летние месяцы. Наибольшее увеличение приходится на разгромы и на порубки леса, число которых осенью 1917 г. достигло максимума. На-ряду с этим и такая важная форма движения, как захват имений, за осенние месяцы по сравнению с летом также довольно высока. Тут необходимо еще принять во внимание, что в некоторых уездах почти все помещичьи имения были захвачены летом, и осенью уже нечего было захватывать. Усиление захватов урожаев в сентябре так же естественно, как и осеннее падение формы движения, выражавшейся в „снятии с работ“, так как самые работы в это время уже прекращались. Приведенная ниже таблица форм крестьянского движения по месяцам 1917 г. ** весьма поучительна и дает интересную иллюстрированную сводку всех событий в деревне, которые удалось зарегистрировать современникам.

---

* Демократическое Временное правительство для усмирения чаще всего пользовалось кавалерией, „как способной быстро прибывать на место беспорядков“. Когда комиссары с мест требовали кавалерию у министров-социалистов, то они непременно отмечали, что никаких избиений не будет, а все дело ограничится лишь „психологическим воздействием“ на несознательные массы (Пензенская губ.). Конечно, это был лишь „façon de parler“ . . .

** Таблица составлена по данным милиции Временного правительства, с поправками, внесенными Международным аграрным институтом.

Крестьянское движение 1917 г. по формам.

Формы.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.	Август.	Сентябрь.	Октябрь.	Всего.
Разгромы	29	11	11	7	5	16	127	144	350
Захваты имений . .	3	51	59	131	237	167	166	116	930
Захват лугов, покосов	—	1	14	110	238	113	71	69	616
Захваты инвентаря .	—	10	7	68	94	26	35	27	267
Захваты урожая . .	—	—	—	—	60	68	84	22	234
Порубки леса . . .	24	30	45	119	150	89	187	280	924
Арендные недораз. .	—	4	1	14	27	3	10	5	64
Снятие с работ . .	2	22	41	62	79	34	27	9	276
Проч. виды движения	18	87	72	47	222	166	125	71	808
Всего . . .	76	216	250	558	1 112	682	832	743	4 469

Не менее интересно проследить районы, в которых развертывалось крестьянское движение в отдельные месяцы 1917 г.

Здесь мы располагаем данными милиции Временного правительства—данными, мало удовлетворительными и могущими дать лишь весьма грубое представление о „земельных правонарушениях“ со стороны крестьянства за указанный период времени. Эти данные по главнейшим районам мы сводим в следующую таблицу:

Районы.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.	Август.	Сентябрь.	Окт. 20 дн.	Всего по районам.
Центр.-черноземный.	15	49	69	130	224	153	250	144	1 034
Средневолжский . .	11	59	51	134	222	149	135	141	902
Нижневолжский . .	2	11	9	37	46	72	31	31	239
Новороссийский . .	1	17	29	29	58	26	53	30	243
Белорусский	7	28	41	77	204	98	81	123	659
Центр.-промышл. .	5	10	18	43	68	37	38	34	253
Малороссийский . .	3	8	2	41	68	64	70	28	284
Юго-западный . . .	9	6	14	25	94	39	73	96	356
Приозерный	15	10	18	15	74	26	34	15	207
Северный	—	1	3	4	4	1	3	2	18
Приамурский . . .	5	3	12	10	27	10	54	22	143
Прибалтийский . .	3	2	1	13	23	7	10	13	72
Итого . . .	76	204	267	558	1 112	652	832	679	4 410

Таблица дает ряд поучительных выводов, которые вполне совпадают с тем экономическим положением крестьянства за военные годы, о котором мы говорили в соответствующем месте. Наибольшее число аграрных правонарушений приходится на Центрально-черноземный, Средневолжский и Белорусский районы, где крепостнические пережитки сохранились в значительной мере и где обедневшая масса крестьянских хозяйств под влиянием хозяйственной разрухи, а отчасти и неурожаев (Средневолжский район), проявила максимум революционной активности. Если мы составим такую же таблицу по „погромно-захватным право-

нарушениям“ *, то получим почти ту же самую картину: такие правонарушения усилились в деревне с мая 1917 г. и особенно сильно развернулись к осени.

Погромно-захватные правонарушения за май — сентябрь 1917 г.

Районы.	Число случаев.
Центр.-черноземный	258 **
Средневолжский	199
Нижневолжский	65
Степная Украина	261
Белорусский	152
Центр.-промышленный	271 ***
Украина левобережная	158
Украина правобережная	98
Приозерный	237 ****
Остальные	334
Всего	2 033

Таким образом и здесь, исключив массовые движения революционного характера по Центрально-промышленному, степной Украине и Приозерному районам, как связанные с городскими движениями (в степной Украине по количеству эксцессов выделяются Донбасс и города), мы в итоге получим на первом месте среди земледельческих районов те же Центрально-земледельческий и Средневолжский, за которыми идут лево-бережная Украина, Белорусский, Юго-западный, Нижневолжский и остальные.

Из всех этих данных видно, что аграрные правонарушения достигали своего максимума в июле, а в августе и сентябре они уже идут на снижение, тогда как „разгромы“ с июля непрерывно возрастают. Это означает, что из мирных форм—потрав, покосов, снятия с работ и т. п. аграрная революция переходила, по мере сопротивления керенщины и черновщины, к более радикальным средствам воздействия;

* К сожалению, статистика управления милиции Временного правительства не разделяла этих правонарушений на городские и деревенские, и поэтому никакого абсолютного значения приводимые цифры не имеют. Их можно принять лишь как относительные, но вместе с этим надо указать, что значительная часть „погромно-захватных“ правонарушений должна быть отнесена не к городам, а к деревне, на что дают указания массы телеграмм с мест о поджогах, погромах и пр. Съезд земельных собственников 25 губерний телеграфно сообщал Керенскому, что разгрому сплошь подвергаются имения целых уездов.

** 82 случая по Тамбовской губ.

*** На Московскую губ. приходится: за июль 41 случай, за август — 40, сентябрь — 100.

**** На Петроградскую губ., приходится: за июль 70 случаев, за август — 30, за сентябрь — 82.

этим обусловливалась и та „большевизация деревни“, которая привела нас к Октябрьскому перевороту.

Иллюстрации форм крестьянского движения.

Пространство, захваченное аграрной революцией, огромно. Преобладающей формой движения по нашим отметкам (составленным по делам Временного правительства) был захват земли — самовольная пахота. Эта форма имела место начиная с Вологодской губ. и кончая Акмолинской областью, Бакинской и Тифлисской губ., причем это движение интенсивнее всего было в марте — мае 1917 г. К осени количество земельных захватов стало значительно меньше, и у нас отмечено всего лишь с десяток губерний, где они имели более широкие размеры (преимущественно в центрально-черноземной полосе). Вообще захваты земель устойчивее были в губерниях с недостаточными наделами и там, где имела широкое применение сдача земель в аренду на кабальных условиях.

Падение волны захватов объясняется еще и тем, что „дело было уже сделано“. Так напр., Временному правительству сообщали из Курской губ. в начале июля: „Всего захвачено уже больше половины частновладельческих земель“. К осени 1917 г. земля в Симбирской губ. „почти вся уже захвачена, в том числе и у мелких землевладельцев, отрубщиков“.

На втором месте были различные формы лесных „беспорядков“, выражавшихся: 1) в воспрещении лесохозяевам рубить лес и заготовлять лесные материалы, 2) в задержании сплавляемых леса и дров, 3) в совершении целыми обществами самовольных порубок, выпасов и порчи частновладельческих и казенных лесов. Приэтом самовольно срубленный лес иногда продавался на сторону (Петроградский у.). В Пинском у. Минской губ. порубками распоряжался особо избранный для этого комитет. Иногда гибли под выпасом крестьянских стад молодые лесные посадки (имение гр. Уварова в Можайском у. Московской губ.). В отдельных случаях крестьяне захватывали лесопильные заводы и лесные хозяйства в полном их объеме, а также бывали и поджоги лесов, как частновладельческих, так и казенных.

Лесные беспорядки устраивали „крестьяне вообще“, но иногда они производились под влиянием волостных комитетов, советов рабочих и солдатских депутатов, уездных исполкомов и т. д. или даже во исполнение совершенно определенных постановлений этих организаций. Так напр., китрусский волком Рязанской губ. постановил заготовить дрова на зиму в имении Голинской; леонпольский волком Виленской губ. постановил принять в свое ведение леса и имения Лопацинского; хвалынский (Саратовской губ.) уисполком разрешил шести селениям рубить лес в имении Шихо-

баловой; исполком Пензенской губ. предложил управляющему лесным имением в Городищенском у. рассчитать служащих, прекратить рубку, распилку и продажу лесных материалов и все хозяйство взял в свои руки; Ишимский уисполком съезда делегатов от волостей 11 — 13 мая постановил: „воспретить частновладельцам в ишимском у. хищническое истребление леса и вменить в обязанность им продавать этот лес сельским жителям по цене, утвержденной вол. и уисполкомами“; земельные комитеты Каноникольского и Преображенского заводов Орского у. Оренбургской губ. решили взять в свое управление до Учредительного собрания дачи лесопромышленного о-ва „Орлес“ и Преображенскую и Лесную дачу Охотникова. Пензенский съезд крестьянских депутатов в мае 1917 г. вынес резолюцию, ставившую право лесовладельцев распоряжаться лесами в зависимости от волостных и сельских комитетов, которым и поручалось проводить эту резолюцию в жизнь. Крестьянский съезд Самарской губ. все частновладельческие леса признал государственными, причем „первой задачей должно быть удовлетворение местных крестьянских нужд, деньги же за лес вносятся в казначейство в доход казны: за казенные — через лесничих, за частные — через волкомы“.

До мая месяца лесные „беспорядки“ имели место главным образом в губерниях промышленного центра, запада и кое-где на окраинах, причем форма запретов рубки, вывоза леса и т. д. выдвигается сильнее, чем самовольные порубки. С 12 мая по 17 июня главмилицией зарегистрировано 119 сообщений о порубках. С июня до осени порубки вытесняют форму запрещений, и крестьянство само хозяйничает в лесах на основе революционного права. Порубки приняли небывало массовый характер.

Лесные „беспорядки“ имели весьма существенное значение для распадавшегося народного хозяйства. Прежде всего в лесе нуждалась армия — на окопы, заграждения, мосты, для железнодорожных путей и т. д. Затем лес приобрел решающее значение как топливо после потери Домбровского бассейна и затруднений в перевозке угля из Донбасса. Лес был нужен и для городов, и для промышленных предприятий, и для транспорта. Захваты лесов крестьянами, избиения лесной стражи, запрещения вывоза уже приготовленных лесных материалов часто ставили в критическое положение и транспорт и отдельные фабрики и заводы. Необходимо добавить, что за годы войны количество рабочих на торфяных разработках тоже очень сократилось, и те предприятия, которые раньше работали на торфе, теперь нуждались в дровах. Царское правительство еще в конце 1916 г., учитывая усиливающееся порубочное движение крестьян, разрабатывало проект организации особого рода

лесных войск во главе с военными лесничими, сведенными в специальный корпус, но осуществить эту идею ему не удалось (записка мин. земледелия „Об улучшении лесного дела в связи с военными действиями“).

Чтобы несколько иллюстрировать эти два основных русла движения — земельно-захватный и лесной, приведем пару справок о способах действий крестьян в том и другом случае.

Из письма тамбовского помещика Волконского к М. В. Родзянко:

> Имение — 1200 дес., из которых 800 дес. обрабатывается своими силами, а остальные сдаются в аренду (раньше до 1914 г. земли было больше, и часть — около 600 дес. арендной земли продали отрубами по 6 дес. на двор одному из прилегающих сел). В имении имеется крахмальный завод с производительностью до 60 тыс. пуд. сухого крахмала, конный завод рабочего сорта — до 120 маток-арденок от кровных до полукровок, молочное чистопородное симментальское стадо, свиноводство, большой мертвый инвентарь; хозяйство ведется интенсивное 8 и 10-польными севооборотами с большими посевами картофеля и клевера...
>
> Началось с требования увеличить крестьянскую арендную посевную площадь. Это требование удовлетворено, причем земли, приготовленные под картофель, взяты крестьянами по цене ниже того, что затрачено на обработку; ярового на этих полях они не посеяли, клеверные поля в большинстве стравлены; от севооборота ничего не осталось; вследствие этого завод закрыт, а потребность в крахмале огромная. Привезенные рабочие из Тульской губ. местными крестьянами высланы, посторонних рабочих из местных сел не допускают; установили 8-час. рабочий день по цене, начиная с 15-летних мальчиков, 3 руб. Служащих и администрацию под угрозой насилия заставляют выселяться: так, высланы приказчик (местный крестьянин, прослуживший 35 лет), заведующий молочным хозяйством, продукты которого доставлялись местному земству, выслан крахмальный мастер (ибо, по словам крестьян, в будущем им завод не нужен). Препятствуют продаже живого инвентаря, который, в виду обстоятельств, мы содержать больше не можем. Говорить о мелких ежечасных бесчинствах — потравах, порубках, вымогательствах и т. п. — не стоит: это — сплошное глумление над правом собственности, которое, кажется, по законам еще существует...

Так иронически заканчивал Волконский. Осенью его имение было целиком захвачено крестьянами.

Второй документ — письмо рязанской помещицы Ознобишиной, владевшей 430 десятинами пахотной земли, лугами, садами, конским заводом в 70 лошадей, кроме сосунов, и 40 лошадей рабочих. Она писала кн. Львову:

В декабре 1916 г. я наняла 20 работниц по условию из Калужской губ. Работницы к сроку — 6 июня — не явились. Приказчик был послан за ними, но они потребовали прибавки. Я соглашалась по телеграфу. Не дожидаясь их, с рабочими из пленных и поденщиками из ближайших деревень приступила к посеву яровых на 106 десятинах. Работницы прибыли 15 июня и начали работу 17 июня, но председатель волостного комитета согнал всех рабочих с поля на сходку.

Крестьяне настаивали на том, что помещицу следует признать неспособной засевать поля, землю отобрать и поделить ее крестьянам. 19 июня толпа крестьян реквизировала в усадьбе 27 рабочих лошадей и тут же распределила их между собой по 20-80 руб. за голову. Деньги за лошадей помещица отказалась получить, и их вносили председателю волостного земельного комитета. 27 июня лошадей вернули. За это время поля были засеяны. Рязанский комиссар дал помещице двух милиционеров для охраны, но под давлением крестьян и волземкома их сняли.

Тогда снова начались требования уволить работниц и пленных, — оканчивала Ознобишина свою жалобу. Вероятнее всего, что потом у нее, как и у многих других, рабочие были сняты и ее заставили отдать землю, а затем и все имение местному крестьянству.

Повторяю: детали борьбы вообще были чрезвычайно разнообразны.

Вот, например, любопытные извещения шиповского волостного исполнительного комитета (Ефремовского у. Тульской губ.) помещику кн. Голицыну.

Гражданину Н. А. Голицыну.

Извещение.

Шиповский волостной исполнительный комитет извещает вас, что на 10 апреля в 10 час. утра вы обязательно должны доставить в волостное правление всех военнопленных, находящихся на сельскохозяйственных работах, которые необходимы для граждан местной волости; за неисполнение будет преподручено милиции для строжайшего исполнения поступлением по закону о сопротивляющихся. Со всеми у них вещами и с надлежащими расчетами.

9 апреля 1917 г.

Председатель шиповского волостного исполн. комитета *А. Бабушкин.*

Члены: *М. Кузнецов* и *А. Чекушев.*

(После подписей красовалась старая волостная печать).

Этому же помещику и на таком же „законном“ основании запретили потом продажу лошадей и рогатого скота, установили „такцию“ на рабочие руки — мужчине 3 и женщине 2 руб. в день — и спрашивали у Голицына, „обязуется ли он засеять свои поля“. 8 мая волком предложил Голицыну незасеянную овсом землю непременно засеять „гречью или засадить картофелем“, но ни в коем случае не оставлять не засеянной. „Сенокосы ваши заказать и отнюдь таковые не травить до окончательной уборки сена“. 15 мая ему предложили: „весь навоз с ваших скотных дворов в непродолжительном времени вывезти на паровое поле“ и немедленно представить в волисполком по 1 руб. с десятины на нужды войны, „а за всю вашу землю 1680 дес. 1739 с. — 1680 р. 70 к.“. 10 июня последовало новое извещение о запрещении продажи рогатого скота и свиней без разрешения волисполкома и т. д.

Здесь происходил своеобразный крестьянский „контроль“ над помещичьим хозяйством наподобие рабочего контроля в промышленности. Одинаковые явления вызывали в соответствующей обстановке и одинаковые последствия.

Борьба сельских рабочих.

Попутно деревенская беднота добивалась и увеличения заработной платы, против чего помещики боролись всеми силами вплоть до жалоб Временному правительству и всем тем, кто мог на него оказать влияние. В помещичьих кругах одной из влиятельных персон считался Родзянко, которому по этому вопросу писал 6 июня 1917 г. бывший член Гос. думы помещик Сувчинский:

> Липовецкий исполнительный комитет при земской управе с наступлением весны установил поденную плату для женщин и подростков 2 р. в день; 23 мая — увеличение до 2 р. 25 к. и установлен 8-часовой рабочий день. А затем она (плата) при проверке свеклы и вывозке навоза возросла до 3 р. 50 к. С наступлением жатвы цены вновь увеличились: уборка всех хлебов назначена за 3-й сноп, а за деньги по 5 р. копа, вязать за косилкой — 3 р. от копы или 6-й сноп, складывать в снопы за сноповязалкой — 60 к. и т. п. Крестьяне, наученные комитетом, признали и это вознаграждение для себя недостаточным.
>
> Так как в этом году умолот хороший (в нашей местности копа дает в среднем до 10 пудов), то они решили не допускать уборки за деньги или жатвенными машинами, а весь хлеб снять за 3-й сноп: яровой и большую часть озимого скосить и связать, а более густую пшеницу сжать. Сообщив экономии о своем решении, крестьяне заявили, что землевладельцам беспокоиться об уборке нечего, так как они сами об этом позаботятся и дадут собственникам столько хлеба,

сколько причитается на их долю, потребовав лишь деньги за перевозку копен к молотилкам по установленной комитетом цене; при этом для точного приведения в исполнение своего постановления они послали в экономию своих делегатов, которые отвинтили от жатвенных машин необходимые части.

При ручной уборке, — возражал Сувчинский, — жатва затянется на продолжительное время и не мало хлеба может испортиться. Даже в мирное время, несмотря на наличие уборочных машин, приходилось прибегать к помощи пришлых рабочих, которых во многих экономиях выписывали из соседних губерний.

Давать третью часть за косовицу мы не можем. При интенсивной в Киевской губ. культуре расходы по хозяйству до того велики, что оправданы быть не могут при ценах, установленных липовецким комитетом.

Рабочий вопрос вообще был выдвинут в первые же месяцы аграрной революции. Если вначале он сводился к тому, чтобы отобрать у помещика военнопленных для своих хозяйств, то в дальнейшем это были и система выкуривания помещика из имения и способ улучшить тяжелое положение сельских рабочих.

Как ни заманчиво было для каждого батрака или батрачки „наделиться барской землей, обсемениться его семенами“ и т. д., но все же отсутствие элементарных хозяйственных возможностей ставило непреодолимые преграды осуществлению заветной мечты. Приходилось ограничиваться требованием увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня и т. д., тем более, что крестьяне почти всюду поддерживали такое движение батраков, выступая иногда с готовыми решениями о размерах платы, которую устанавливали на сходах, имея в виду этим путем „сорвать“ хозяйство помещика и „на законном основании“ оставить его земли за собою. На примере рязанской помещицы Ознобишиной мы уже видели, что сельским рабочим и даже работницам удавалось добиться повышенной платы. В Прибалтийском крае все движение проходило главным образом под лозунгами увеличения заработной платы, предоставления двух третей и даже трех четвертей урожая в пользу половинщика (полузерника) и налогового поравнения помещиков и крестьян *.

---

* Оставляя без детального рассмотрения движение сельских рабочих и половинщиков в Прибалтийском крае в 1917 г., считаю необходимым поставить вопрос о правильности нашей партийной тактики по отношению к формам движения в этом крае. В настоящее время, мне кажется, необходима значительная „ревизия“ этой политики аграрной борьбы в Прибалтике, где с 1905 г. в центре внимания был батрак и совершенно выпадал „половинщик“, арендатор и вообще мелкий производитель, который сейчас и явился оплотом реакции на столь важном для нас участке борьбы за мировую революцию, каким является плацдарм Прибалтики с ее портами... *А. Ш.*

Борьба за увеличение платы имела место почти всюду и чаще всего заканчивалась успешно, сливаясь в одно русло с крестьянским движением — аграрной революцией. Были однако случаи, когда помещики не сразу шли на уступки. Так, очень упорно не сдавались помещики в Подольской губ., предлагая во время косьбы всего лишь 60 к. за рабочий день, в то время как и всюду средней платой летом 1917 г. было 3-4-5 руб. в день. „Хлеб сгнивает,—жаловались на таких помещиков местные крестьяне-рабочие, — а они на уступки не идут, а мы их заставить не можем“.

Вполне естественны поэтому приговоры вроде такого: „Мы, 400 крестьян Аткарского у., на сходе... постановили в приговоре: власть должна перейти по всей России в руки рабочих и крестьян в лице советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Так будет надежнее“.

Земельные комитеты Временного правительства, начавшие образовываться (постановление об образовании земельных комитетов было принято, как „профилактическая мера“, 19 марта 1917 г.) в конце марта 1917 г., были бы бессильны и бесправны, если бы не развернулись в революционные организации крестьянства, которое через эти комитеты помогало и сельским рабочим добиваться улучшения своего положения. Вместе с этим в ряде губерний в крупных имениях стали на-ряду с крестьянскими комитетами создаваться первые ячейки объединения с.-х. рабочих. Они называли себя советами батраков и часто захватывали в имениях власть в свои руки, особенно после Октябрьского переворота *.

Городские организации рабочего класса шли на помощь батрачеству. Так например, в Николаевске Самарской губ. исполком объявил все частновладельческие хозяйства общенародным достоянием и приступил к немедленной их конфискации, создав для этого специальное бюро из представителей исполкома, продовольственной и земской управ, социалистических партий и профсоюзов, которому и было поручено управление конфискованными имениями.

Но вернемся к ближайшей нашей теме — к описанию хода аграрной революции 1917 г.

Земельные комитеты.

Выше мы уже отмечали крайнюю неустойчивость позиции Временного правительства по отношению к крестьянскому движению. Аграрный вопрос был для него таким же „камнем преткновения“, как и война. Будучи по своей

---

* Первый съезд рабочих культурных хозяйств Петроградской губ. состоялся в марте 1918 г. (из сообщения зав. ОТЭ союза с.-х. и лесных рабочих т. Кедер).

природе и по всему своему существу контр-революционным, правительство кн. Львова, а затем и правительство Керенского вынуждалось на каждом шагу клясться именем революции. Их лозунги „спасения родины и революции“ звучали резкой фальшью на-ряду с их действиями. Уступая давлению и крестьянских масс и более левых группировок в советах, они при случае сейчас же отбирали эти уступки назад и творили черное дело реакции, защищая интересы хищнической буржуазии и земельных собственников.

Так было дело и с теми земельными комитетами, о которых уже выше упоминалось и которые были организованы еще в самом начале революции с целью охватить влиянием буржуазии зашевелившуюся деревню.

Это кадетам определенно не удалось. Тогда начинается травля земельных комитетов и их преследование.

В начале июня 1917 г. министр внутренних дел кн. Львов — он же министр-председатель — не раз выступал с заявлениями самого решительного свойства о борьбе с партиями, „незаконно“ организующими на местах земельные комитеты, и о борьбе с самими комитетами, как „незаконно“ разрешающими аграрный вопрос. Но движение росло. Комитеты свое влияние укрепляли и вскоре стали значительной политической силой, с которой Временное правительство уже не могло не считаться. 11 июня появился известный закон о запрещении земельных сделок, который истолковывался как весьма серьезная уступка крестьянству. Это, конечно, была не уступка, а один из тормозов, которыми буржуазия пыталась задержать ход революции. Но, увы, уступка запоздала: движение с каждым днем развертывалось и вширь и вглубь.

Помещики однако не сдавались.

Временный комитет Гос. думы во главе с Родзянко как бы объединял вокруг себя все эти союзы землевладельцев, хлеборобов, земельных собственников и т. п., собирая их протесты и внося те или иные предложения Временному правительству.

Так например, в заседании комитета 27 июня приемы борьбы крестьян с помещиками подверглись самой жестокой критике. „Сельскохозяйственные культурные гнезда, созданные с большими затратами материальных средств и сил, разрушаются, и ведение хозяйства возвращается к первобытным приемам, — жаловались помещики. — Крестьяне предъявляют непомерные требования об увеличении арендных посевных площадей, сопровождаемые зачастую самовольными захватами, запрещают рубку и вывоз леса, останавливают деятельность сельско-хоз. заводов, разрушают технические производства, отнимают земледельческие орудия, снимают рабочих, выселяют слу-

жащих, нередко учиняя насилия над самими владельцами имений. В Казанской губернии * наблюдается массовое оставление помещиками своих поместий и уход из города. Последствия — недобор хлебов во владельческих имениях, нарушение севооборота, понижение производства ценностей во всех отраслях сельского хозяйства и, наконец, полный распад культурных частных хозяйств".

Временный комитет признавал однако, что при создавшихся условиях с местными комитетами бороться невозможно, но в то же время он решительно настаивал на отмене закона о запрещении земельных сделок, исходя из принципа полной неприкосновенности частной земельной собственности и всех связанных с этим прав.

„Зубры" действовали воткрытую и никаких „цирлих-манирлих" признавать не хотели. Они надеялись, что мужик образумится, а если он этого не пожелает, то можно его и образумить путем „внеэкономического принуждения".

Кстати появился и приказ верховного главнокомандующего ген. Корнилова, посвященный тому же вопросу. Он писал:

„8 июля мною издано для юго-западного фронта обязательное постановление, которым я считал необходимым обеспечить правильное и в достаточном количестве питание армии. Железнодорожный транспорт расстроен. Армия нуждается в продовольствии и фураже, общее количество которого уменьшается в настоящее время из-за неправильного понимания большей частью населения, что аграрный вопрос ни в коем случае не может быть разрешен самочинным путем при помощи насильственных действий. Считая себя обязанным как верховный главнокомандующий заботиться об обеспечении армии продовольствием и фуражом, я в интересах армии, особенно в виду недорода хлебов в восточных местностях Европейской России, не допущу самоуправного расхищения на театре военных действий государственного достояния.

Распространяя, в виду этого, содержание изданного мною на юго-западном фронте обязательного постановления на весь район театра военных действий, воспрещаю: 1) препятствовать уборке хлебов с.-х. машинами; 2) отбирать незаконным путем насильственно живой и мертвый инвентарь; 3) снимать незаконным путем с работ на полях казенных имений, частных владельцев и других хозяйств военнопленных и всех постоянных и пришлых в хозяйствах рабочих; незаконно снятых военнопленных предписываю возвратить; 4) принуждать владельцев и арендаторов платить военнопленным за труд плату более установленной правительственными органами; 5) принуждать постоянных и пришлых рабочих повышать ими

* Скрытое предложение об отставке левого эсера Калегаева.

установленные ранее цены за труд; 6) принуждать владельцев платить за труд по уборке урожая не деньгами, а натурой в хлебе; 7) насильственно захватывать посевы или собранный хлеб, кормовые травы и сено; 8) мешать теми или иными способами сбору хлебов и сеянных трав, равно его молотьбе и свозу хлебов; 9) препятствовать подготовке полей к озимым посевам и производству этих посевов, и 10) землевладельцев, как крупных, так и мелких, обязываю произвести при полном напряжении сил и средств сбор принадлежащего им урожая и обработку полей.

Приказ заканчивался угрозой ареста от 3 до 6 мес. в тюрьме за индивидуальные правонарушения и до 3 лет исправительных отделений за действия скопом... Корнилов не шутил, он готовился подавить аграрную революцию войсками, находившимися в его распоряжении... Родзянко и компания из Временного комитета Гос. думы могли еще не терять надежды.

Подавление же июльского выступления пролетариата в Петрограде вызвало у помещиков уверенность, что их домогательства не встретят также спора и в „социалистических кругах“ Временного правительства. Это так и было. „Левейший“ из министров Керенского—министр продовольствия Пешехонов—18 июля 1917 г. отдал по телеграфу приказ за № 1 губернским, уездным и волостным продовольственным комитетам, который до чрезвычайности походил на то, что писал Корнилов:

1) Принять немедленно самые энергичные меры к недопущению и прекращению всяких самовольных незаконных действий со стороны населения, препятствующих землевладельцам по уборке полей и посеву; 2) никоим образом не выносить постановлений и резолюций, дающих повод населению к проявлению насильственных и преступных действий против землевладельцев; 3) объявить землевладельцам и арендаторам, что они обязаны приложить все силы к тому, чтобы поля и покосы были убраны, озимые засеяны; 4) все меры к разрешению вопросов о засеве и уборке полей должны приниматься исключительно продовольственными комитетами. *Никакие другие комитеты не имеют права брать на себя разрешение указанных вопросов, и их постановления не обязательны для населения* (подчеркнуто в подлиннике).

Легальные волостные земельные комитеты этим приказом как бы аннулировались для всей России. Крестьянство вынуждалось к организации своих революционных комитетов. А ставший управляющим министерством внутренних дел Церетелли тогда же приказывал комиссарам

различных степеней и рангов „во имя спасения родины и революции“ требовать от населения безусловного подчинения всех и каждого распоряжениям Временного правительства и его представителей *.

Нажим помещиков шел неуклонно в одну сторону. Под воздействием группы Родзянко и иже с ними, на Московском государственном совещании 14 августа были приняты в декларации „объединенной демократии“ следующие основные пункты:

1) Необходимо отвергнуть всякие захваты чьих-либо земель как отдельными лицами, так и группами лиц или обществами; 2) непосредственное упорядочение поземельных отношений должно быть возложено на местные земельные комитеты, в ведении которых должны без нарушения существующих форм землевладения (подчеркнуто мной. *А. Ш.*) перейти земли с.-х. назначения для наиболее полного использования их в целях спасения народного хозяйства от окончательной разрухи; 3) с этой целью необходимо немедленное издание центральной властью законов и инструкций, точно определяющих права и обязанности земельных комитетов, а также и реформа их деятельности, причем означенные законы и инструкции должны всемерно ограждать как интересы земледельческого населения в отношении землевладения, так и интересы продовольственного дела и сельскохозяйственного производства в целом.

1112 случаев земельных правонарушений в июле несомненно учитывались на Московском государственном совещании буржуазии и ее подголосков, и отсюда снова были извлечены на свет божий земельные комитеты, которые Пешехонов предлагал лишить права решать самые важные и нужные для крестьянства вопросы, перелагая это дело на продовольственные комитеты. Однако оговорка „без нарушения существующих форм землевладения“ была настолько ясна, что вряд ли у кого-нибудь оставались после этого сомнения в том, что „демократы“ из Временного правительства только обманывают крестьянство земельными комитетами.

Что это так, видно из того, что Временное правительство после государственного совещания так и не удосужилось издать тех законов и инструкций, которые бы более точно, чем мартовское положение, определяли права и обязанности земельных комитетов.

„Правотворчество“ земельных комитетов шло своим революционным путем, и всякого рода измышления и министров-капиталистов и министров-социалистов были лишь

---

* Приказ Церетелли — см. „Раб. газ.“ № 110 от 9/VII 1917 г.

мерами сокрушения этого правотворчества, лишением земельных комитетов в низах прав, необходимых им по сути той аграрной революции, которую они проводили в деревне. Только благодаря им, этим самочинным организациям крестьянства, аграрное движение 1917 г. проходило в значительно более организованном виде, чем, например, в 1905—1907 гг. Этого не отрицали даже сами помещики. Присяжный обозреватель аграрного движения при Временном комитете Гос. думы П. Романов писал летом 1917 г.:

> Сведения о февральском перевороте поступали в деревню с опозданием. От крестьян это событие полиция, попы, помещики старались скрывать. Масса волновалась. С прибытием дезертиров-фронтовиков начинался разгром имений, лавок, изгнание стражи из лесов, рубка леса. Под давлением малоземелья и давней вражды к помещикам движение приняло слепой, безотчетный характер, в особенности в Нижегородской губернии, где была у крестьян давняя вражда с помещиками. В Бессарабии, осложненное черносотенной агитацией, оно прошло очень ярко, принимая контр-революционный характер. Но вскоре движение под влиянием земельных комитетов приняло иные формы. В общем оно было более „мягко", чем в 1905 г., когда, например, в порыве бессмысленной жестокости у лошадей отрезали языки: здравый смысл подсказывал крестьянину, что теперь без царя положение другое, начальства старого не будет, и нужно самим смотреть, чтобы зря худого не было. Сравнительная мягкость движения объясняется еще тем, что более молодая и более пылкая молодежь деревни была на фронте. Дезертиры были всегда во главе поджогов, захватов и разгромов.

Это же значение земельных комитетов отмечал,—как мы указывали выше, — и хроникер Временного правительства.

Но земельные комитеты по существу всё же не были органами революции деревни. Их подчиненность уездным, губернским и главному земельному комитету, которые надзирали за низовыми земкомами в „оба глаза", арестовывали и смещали выбранных в них крестьянством наиболее революционных работников из своей среды, и т. п. — все это в значительной мере делало земельные комитеты в волости часто орудием не развертывания, а притупления революции, о чем особенно заботился последний министр земледелия Временного правительства С. Л. Маслов.

Репрессии и комитеты борьбы с крестьянской революцией.

Приведенная характеристика деятельности революционных крестьянских организаций не мешала Временному правительству принимать репрессивные меры для подавления крестьянского движения. Усиление репрессий началось с августа 1917 г.

В целый ряд губерний были отправлены особые кавалерийские отряды, так как местные войска из запасных оказывались весьма неустойчивыми: вместо избиения крестьян они вместе с ними участвовали в разгромах и захватах имений. Были случаи, что и присланные воинские части также присоединялись к крестьянам (напр. при разгроме имения Петрово-Соловово в Рязанской губ.). Из Казанской губ. сообщали, что в Козьмодемьянском уезде присланные солдаты при выступлении женщин разбежались.

Губернские комиссары со всех сторон требовали войска, главным образом кавалерии. Но ее на всех нехватало, и поэтому такого рода войска посылались в более „беспокойные“ губернии: Тамбовскую, Рязанскую, Орловскую, Казанскую, Новгородскую, Псковскую, Тульскую, Пермскую и др.

В сентябре 1917 г. в Казанской губ. для „усмирения“ крестьян было направлено воинских частей численностью до 2775 человек. В это же время в Тамбовскую и Рязанскую губернии выехал из Москвы прокурор судебной палаты А. Ф. Стааль (член бюро содействия Крестьянского союза в 1905 г. и член главного комитета этого союза в 1917 г.) с войсками под командой капитана Мироновича, усмирявшего крестьян указанных двух губерний. Корреспондент „Русского слова“ очень картинно изобразил передвижения войск, находившихся в распоряжении этих „карателей“. Из Тамбова были двинуты эскадроны драгун тремя колоннами. При каждой из них имелись представители следственной, прокурорской и административной власти. Часть отряда Мироновича начала „водворение порядка“ с Козловского уезда, другая часть ликвидировала беспорядки среди тамбовского гарнизона. Капитан Миронович угрожал непокорным броневиками и заставил их всех сдаться. В Кирсановском уезде войска действовали не менее „энергично“. Как велики были отряды, можно судить по справке из дел милиции Временного правительства. При посылке войск в Рязанскую губернию направлялось: в Рязанский у. — 1½ эскадрона, в Раненбургский — 1 эскадрон и в Скопинский у. — ½ эскадрона.

Кроме кавалерии посылались и казаки (Тульская губ.). Чтобы не дразнить советы губернских городов, войска посылались комиссарами Временного правительства под видом „испытания милицейской службы“.

Карательные экспедиции не только избивали и арестовывали зачинщиков, но подчас „действовали и огнем“. Так, в Ядринском уезде еще в сентябре 1917 г. солдаты, разгоняя крестьян, убили четверых и ранили троих. Были убитые, раненые и избитые и в Тамбовской губ. (особенно свирепо расправлялись с крестьянами Козловского у. в селах

Сабуровке, Богоявленском, Юрьеве, Старом и др.). По данным Международного аграрного института, подавление крестьянского движения вооруженной силой Временного правительства в центрально-земледельческих и средне-волжских губерниях (11 губ.) по отдельным периодам 1917 г. рисуется так:

	Март—июнь.	Июль—август.	Сентябрь—октябрь.	Всего.
Число случаев	8	22	76	106
В %	7	21	72	100

На-ряду с посылкой карательных отрядов в деревню по распоряжениям комиссаров Временного правительства, с его благословения и под его руководством в губернских и уездных городах организовывались специальные комитеты по борьбе с крестьянским движением.

Из архивных материалов по этому вопросу интересно отметить сообщение о заседании Временного правительства 28 сентября 1917 г., на котором обсуждался вопрос „о мерах борьбы с растущей анархией“ в стране и в особенности с аграрными беспорядками. Признавали необходимым для борьбы с последними образовать особые комитеты в составе управляющих казенными палатами, прокуроров, представителей министерства труда и других ведомств, председателей губземуправ, городских голов, предгубпродкомов, а также представителей местных общественных организаций, имеющих непосредственное отношение к вопросам, касающимся разрешения земельных отношений (понимай — помещиков). Эти комитеты должны были явиться совещательными органами, опираясь на которые, губкомиссары, а в случае, если губерния объявлена на военном положении, то военные власти могли бы, „располагая всей полнотой имеющихся в их распоряжении средств, принимать необходимые меры к подавлению аграрных беспорядков и к прекращению всякого рода насилий и грабежей“. В соответствии с этим решением юридическому совещанию при Временном правительстве было предложено в срочном порядке выработать положение об особых комитетах по борьбе с аграрными беспорядками.

Робкие попытки в первых редакциях положения о местных земельных комитетах дать им некоторую возможность *распоряжаться временным арендным фондом и регулировать арендные отношения* ко времени конца Временного правительства были окончательно сведены на-нет эсеровскими министрами. Такое ответственное лицо, как управляющий земским отделом А. Станкевич, в начале октября 1917 г. решительно возражал *против предоставления волостным земельным комитетам права распоряжаться арендной площадью частновладельческих земель.*

О партийных взглядах на аграрный вопрос в годы войны подробнее скажем дальше; но здесь полезно закончить обзор деятельности Временного правительства указанием, что в своей борьбе против крестьянской революции помещики нашли себе неожиданных защитников в лице „левых“. Аграрную, как и рабочую революцию душили в одном и том же направлении все капиталистические группировки, начиная с черной сотни и кончая меньшевиками. Родзянко-Корнилов и Керенский-Чернов-Церетелли-Мартов по отношению к крестьянским требованиям выступали единым фронтом, причем одни показывали крестьянам волчьи зубы, а другие помахивали перед мужичками лисьим хвостом.

Подводя итоги крестьянскому движению в 1917 г., было бы неосторожно считать, что к осени этого года против помещиков поднялось все крестьянство.

Хитрая механика „единого фронта“ буржуазии тогда была неясна для многих. Крестьянство, не искушенное в политике, толкаемое своим положением мелкого производителя к соглашательству с комиссарами Временного правительства, подчас было чрезвычайно осторожно в своих выступлениях. Чаще всего середняцкую и бедняцкую массу деревни тянули за собой более крепкие хозяйственные мужички, близкие к кулачеству, и в результате получался компромисс с помещиком, с комиссаром—погодить с землею до Учредительного собрания. „С чувством приятного удовлетворения,—писал, напр., в своем отчете осенью 1917 г. губкомиссар Пермской губ. (кстати сказать, также вызывавший воинские команды против крестьян),—надо отметить, что сельское население нашей губернии с совершенным доверием отнеслось ко всем распоряжениям Временного правительства по земельному вопросу. Незаконные выступления почти везде прекращались. Все распоряжения губернского комиссара населением были выполнены. У населения перелом в сторону законосознания, законопослушности“.

Оптимизм пермского комиссара, конечно, был преувеличен, и в том же сентябре месяце, по отчетам главмилиции, в этой губернии было более десятка крупных столкновений крестьян с владельцами. Кроме того, мы ранее уже отмечали, что в некоторых губерниях к осени аграрное движение заканчивалось по причине „осуществления на местах поставленных целей“. Полоса же чернозема, бывшая главной ареной крестьянской революции, и осенью 1917 г. продолжала свою борьбу широко развернутым фронтом и вызывала „решительные действия“ со стороны „Директории“ в виде посылки по деревням карательных экспедиций. „Директория“ перед Октябрьским переворотом ясно показала крестьянству, на чьей стороне ее симпатии, и этим подготовила силы для решительного переворота.

Своими законами и своими действиями против аграрной революции эсеры и меньшевики навсегда дискредитировали себя в глазах революционных групп крестьянства, и этого крестьяне им никогда не простят и не забудут *.

Кулаки и крестьянская революция.

В заключение остановимся еще на одной весьма существенной стороне аграрной революции 1917 г.: это — отношение к революции кулацкой части деревни и отношение к кулачеству, как к земельным собственникам, низовой деревенской массы.

Обозреватель аграрного движения — заведующий отчетно-делегатским отделом или отделом сношений с провинцией при Временном комитете Гос. думы (образован 10/III 1917 г.) — с особым удовлетворением отмечал, что помещики не одиноки в своей печальной судьбе страдальцев от аграрных беспорядков, что рядовая масса крестьянства наравне с борьбой против дворян-помещиков ведет борьбу и с крестьянами позажиточней. Наблюдается „повсеместная вражда к отрубникам“, — подчеркивает этот современник. „Жертвами беспорядков на-ряду с землевладельцами становится вся наиболее зажиточная часть крестьянства“, — телеграфировали 25 мая Керенскому и другим министрам представители съезда помещиков — земельных собственников 25 губерний. „У хуторян-отрубников вырубают плодовые сады, разоряются и сжигаются усадебные постройки“, — сообщал Родзянко в совет Всероссийского союза земельных собственников. Уездный комиссар Инсарского у., Пензенской губ., писал в „центр“: „У нас крестьяне захватывали землю у отрубников и мелких собственников-крестьян даже помимо земельных комитетов“. Из Нижегородской губ. сообщали: „Захват земли общинами у отрубников и мелких собственников сопровождается предложением им вернуться в общину“. Телеграмма из Саратова от 29/IX: „Во многих усадьбах отрубщиков наблюдаются пожары“. И т. д., и т. п. Из этих фактов видно, что начавшееся в деревне движение очень быстро расслоило богачей и бедноту на вопросе об отношении к революции. Кулацкая часть деревни, державшаяся в начале движения против помещиков в стороне или иногда даже примыкавшая к нему, видела в борьбе против помещиков возможность для себя получить пленных, машины, скот и прочее на выгодных условиях. Кое-чего кулаки и успевали для себя добиться в ущерб интересам бедноты, которая

---

* Не безынтересно отметить, что в центральной полосе России следствием по делам аграрников руководил уже упоминавшийся прокурор московской судебной палаты Стааль. Арестованные крестьяне, по его распоряжению, свозились из других губерний в Москву и заключались в Бутырскую тюрьму, откуда они были освобождены лишь Московским революционным комитетом во время октябрьского восстания.

не могла останавливаться на полдороге: ей, кроме помещичьей земли, были нужны и семена, и лошадь, и плужок. Вражда к кулачеству нередко возникала на почве дележки реквизированного у помещика и иногда приводила к неожиданным поворотам деревенской революции в сторону отобрания также и у кулака всего, что у него имелось „в излишке против трудовой нормы". Попадавшая в волостные исполнительные и в земельные комитеты деревенская буржуазия в общем была бессильна против „общинников" и в результате правела. К лету это поправение кулачества достигло значительных размеров. Ряд телеграмм с мест указывает, что крестьяне-кулаки организуются для борьбы с массой и входят в объединения „земельных собственников", „землеробов", „хлеборобов" и т. д. Здесь откладывались начатки контр-революции, сыгравшие потом огромную роль в анти-революционном движении крестьянства после Октябрьского переворота.

Итоги. Аграрная революция 1917 г. закончилась решительной победой широких масс крестьянства над помещиками всех рангов и положений. Она не пощадила ни латифундиарного дворянина, ни капиталистического частного владельца, ни крупного посевщика из купцов, ни деревенского кулака-собственника или отрубщика. Октябрьская победа пролетариата в городах прежде всего прочно закрепила за своим союзником — восставшим крестьянством — захваченную им землю. Аграрная революция с этого момента получила в полной мере поддержку пролетариата, ставшего у власти, и крестьянство в своей борьбе с помещиками могло теперь опереться на мощную руку своего старшего брата — городского пролетария.

Советы крестьянских депутатов как в губернских, так и в уездных центрах, в значительной своей части руководимые эсерами и служившие в их руках орудием для проведения партийной политики, уловления крестьянских голосов при выборах в Учредительное собрание и т. п., к октябрю 1917 г. значительно полевели; то же было и на местах. Ноябрьский съезд советов крестьянских депутатов встретил овациями выступавшего на съезде В. И. Ленина. Этот съезд выразил полное доверие Советской власти, одобрил ее декреты и со знаменами и оркестром музыки пришел в Смольный, приветствуя Совет народных комиссаров. Торжественное заседание ЦИКа советов и ЦИКа крестьян в Смольном 15 ноября 1917 г. приняло резолюцию, в которой выражалась твердая уверенность, что „союз рабочих, солдат и крестьян, этот братский союз всех трудящихся и эксплуатируемых, укрепляя завоеванную ими государственную власть и принимая со своей стороны все революционные меры к ускорению перехода власти в руки трудящихся масс в других

более передовых странах, обеспечит таким образом прочную победу делу справедливого мира и делу социализма" *.

С этого момента союз рабочего класса и крестьянства был заключен на основе полного единения. Две струи революции слились в один могучий поток. Его напор смел в гражданской войне все силы, ему сопротивлявшиеся. Теперь, при помощи этого союза, мы строим новые хозяйственные отношения, ведем борьбу за коммунизм.

ГЛАВА II.

Политические партии и крестьянство в войне и революции [62].

Правые. Значение крестьянства, как классовой силы, в достаточной степени учитывалось всеми политическими партиями и слева и справа. Даже меньшевики в последний год войны, в связи с аграрной революцией, „принимали резолюции" и писали обращения „ко всему российскому крестьянству".

Наибольшую активность в обработке крестьянских голов во время первых лет войны проявили правые партии. При главном управлении по делам печати был образован специальный „комитет народных изданий", находившийся в тесной связи с местными отделами союза русского народа и другими правыми партиями. Через них по деревням рассылались в миллионах экземпляров листки: „Зверства немцев", „Наша слава", „Война с Турцией" и т. д.

В несколько меньшем количестве распространялись газеты, брошюрки и прочие издания того же типа, что и листки.

Правые вели агитацию среди крестьянства в первые годы войны по двум главным линиям: одна из них — это утверждение необходимости войны с Германией как средства выбраться из того тяжелого положения, в каком находились русские крестьяне; вторая линия—стремление доказать, что война не разоряет Россию, а, наоборот, Россия „от войны богатеет и крепнет с каждым днем" (брошюра А. Панова — „Война и деревня").

Намечавшийся захват Константинополя объяснялся как чрезвычайно важная и необходимая мера для нормальных условий хлебной торговли с заграницей, иначе, мол, „немцы руками турок будут душить русского мужика за горло и отбирать у него последнюю копейку". Воевать нужно до победы, так как только тогда „договор о торговле, который мы заключим с Германией и Австрией, будет благоприятен

---

* Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 643.

для нас и Германия должна будет покупать у нас главный предмет нашего заграничного вывоза — хлеб — по тем ценам и на таких условиях, которые установим мы, так что он повысится в цене".

В литературе, предназначенной для народа, обстоятельно разъяснялся закон об обложении пошлиной хлеба, ввозимого в Россию из Германии, указывалось, что немцы в России захватили в свои руки всю промышленность, торговлю и постепенно прибирают к рукам и землю; приэтом в качестве примеров делались ссылки на земли колонистов, чем разжигались крестьянские инстинкты. Правые ловили крестьянство на крючок „собственности", и, конечно, вся их агитация могла иметь успех главным образом среди более зажиточной части деревни. Но были способы воздействия и на бедноту.

Так, из обзора аграрного движения во время войны мы уже видели, как на Сев. Кавказе крестьянство выступало против земства. Это настроение крестьян, отбивавшихся всеми силами от новых налогов, правые стремились использовать как политическое движение деревни против земства. Антиземская агитация велась не только на Сев. Кавказе, но и на юго-западе. Департамент полиции отметил у себя такие факты:

> В Ольгопольском и Ямпольском уездах Подольской губ. среди крестьян, вступивших в отделы почаевского союза русского народа, распространились слухи о том, что члены союза будут платить налоги в меньшем чем теперь размере, освободятся от ненужного им земства, а земские платежи будут обращены на усиление средств союза. В первом из означенных уездов крестьяне с. Вербки-Чечельнисской не допустили земского агента к работам по переоценке строений и толпой оказали сопротивление прибывшим для восстановления порядка уездному исправнику, мировому посреднику и судебному следователю. Вызванные на место отряды полицейской стражи прекратили бесчинство и задержали агитаторов.
>
> В некоторых местностях Волынской губ., вследствие обременения налогами, в крестьянской среде, а равно со стороны интеллигентных землевладельцев также существует недовольство земскими учреждениями, причем, однако, выступлений на этой почве не было.

В переписке министра земледелия А. Кривошеина с некоей Е. А. Шабельской-Борк * мы находим объяснение этим антиземским выступлениям: Борк сообщала, что „по деревням Волыни идет агитация (нами пущенная как

---

* Шабельская-Борк издавала газету „Свобода и порядок" и являлась энергичной партийной работницей в „союзе русского народа".

отвлечение от худшего, т. е. погрома) в пользу законной борьбы с земством путем сельских приговоров, просящих у государя защиты или упразднения или обуздания самовластия земств. Такие приговоры уже поступают".

Далее деревенскую бедноту правые ловили на „немцеедстве".

Антинемецкая агитация скоро превратилась в указы (от 2/II 1915 и др.). Землей немецких колонистов имелось в виду „заткнуть мужицкие глотки, разевавшиеся на помещичьи земли". Проф. Линдеман, выступавший в защиту немцев-колонистов вопреки постановлению своего октябристского ЦК, рассказывал, что крестьяне Орловской губ. на предложение занять земли выселенных колонистов отказывались устраиваться на новых местах, говоря: „У А. Н. Хвостова близ Ельца большие земли, а между тем он получает хорошее жалованье, и зачем ему эта земля? вот бы эту землю и отдать нам". (Насчет удовлетворения крестьян немецкой землей см. также примечание к гл. III в разделе „Площади посевов" — выдержку из книги Klaus: „Die Kriegwirtschaft Russland".

От словесной и литературной агитации правые переходили и к агитации фактами. Так, правые группы правительства в 1915 г. добились циркуляра губернаторам о том, чтобы „земские начальники и заменяющие их должностные лица немедленно объехали вверенные им участки, выяснили и обследовали обессиленные в хозяйственном отношении семьи и изыскали наиболее целесообразные способы и виды общественной и частной помощи". В циркуляре далее говорилось, что добровольная мирская помощь представляется весьма важной и заслуживает полного поощрения. „На-ряду с этим необходимо внедрение в сознание самого населения ценности широкого применения женского труда в области с.-х. работ. Несомненно, что земские учреждения, сельскохозяйственные, кооперативные и благотворительные общества, равно и частные лица, по собственной инициативе или же по почину губернаторов и крестьянских учреждений, окажут содействие в деле снабжения крестьянских хозяйств орудиями, семенами, а, где нужно, и денежными средствами".

Кое-где этот циркуляр нашел применение, но не надолго. О нем вскоре забыли, так как земские кассы пустели, их материальные ресурсы истощались, само население физически не могло оказывать существенной добровольной трудовой помощи за исчерпанием рабочей силы в своих собственных хозяйствах*.

---

* Система „помочей" вообще может иметь место лишь в условиях достаточного количества рабочих сил в хозяйствах, оказывающих помощь, или же в условиях той политики диктатуры комбедов, которая имела место у нас в годы военного коммунизма.

Наиболее существенное значение для крестьянских хозяйств, оставшихся без работников, имели пайки, но их размеры были очень незначительны *). Каковы были в наиболее благоприятном 1914 г. размеры пайка по сравнению с ценами на хлеб, видно из следующей таблицы:

Районы.	Размеры пайка.		Цены на внутренн. рынке:	
	от	до	пшеницы.	ржи.
Приозерный	3,60 р.	4,90 р.	Со второй половины 1914 г. — 1 р. 13,3 к. за пуд, в 1 половину 1915 г. — 1 р. 59,1 к.	Со второй половины 1914 г. — 92 к. за пуд, в 1 полов. 1915 г. — 1 р. 58,6 к.
Сев.-западный	2,50 „	2,77 „		
Центр.-промышленный	2,58 „	4,00 „		
Юго-западный . . .	2,50 „	4,50 „		
Укр. право- и левоб. .	2,06 „	2,50 „		
Украина степная . . .	2,50 „	3,19 „		
Центр.-черноземный .	2,23 „	3,80 „		
Восточный	2,17 „	2,57 „		
Сев.-кавказский . . .	2,77 „	2,95 „		

От таких пайков крестьянству было „не до жиру, а быть бы живу“. В 1915 и 1916 гг. несоответствие пайка с ценами на продукты питания стало еще ярче. Чтобы найти средства, заговорили о прогрессивно-подоходном налоге, но правые весьма энергично возражали против этого. Член Гос. совета В. Андреевский в записке по этому вопросу писал: „В отношении земледелия упускают из виду, что последнее местами и без того переобременено уже земскими сборами и что распространение на него высоких ставок подоходного налога может повести к самым нежелательным последствиям“; далее он ссылался на то, что еще Каутский называл прогрессивно-подоходный налог скрытой формой конфискации собственности. При таких „подходах“ к налоговым тяготам надеяться на увеличение размеров пайка солдаткам, разумеется, было бы не умно. В общем и целом агитация правых среди крестьянства „показом“ в годы войны была чрезвычайно мизерна.

То положительное, что крестьянство могло получить от правительства правых и от земств, где они же занимали „командные высоты“, шло на смарку, помимо всего прочего,

* Временное правительство принимало меры к их увеличению, но оно было бессильно что-либо сделать, так как средств на это без революционных мер получить было нельзя.

вследствие общей системы военного нажима на крестьян при реквизициях, при установлении твердых цен, запрещениях вывоза и т. д.

Наиболее дальновидные помещики понимали, что такое положение вещей может повести к неприятностям в дальнейшем*, и выдвигали ряд мер, которые могли бы в первую очередь поднять их хозяйства, а во вторую помогли бы и крестьянству. Специальный запрос членов Гос. совета (от 2/VII 1916 г.), где перечислены меры к подъему сельского хозяйства**, являлся как бы „программой-минимум" той новой „аграрной партии", которую в 1916 г. организовывал, по сведениям департамента полиции, кн. Щербатов, первый подписавший запрос Гос. совета и вообще выступавший в качестве одного из лидеров крупных землевладельцев. В состав „аграрной партии", по проекту Щербатова, кроме крупных землевладельцев должны были также войти

---

* В неподписанной записке из личного архива Кривошеина от 30 августа 1915 г. по некоторым связанным с войною вопросам внутренней жизни прямо ставится вопрос о возможностях революции. Роль крестьянства тогда оценивалась так: „Главную массу империи составляет крестьянство. Настроение его несколько повышено в связи с войною вообще и с военными неудачами в частности. Но, насколько можно судить из всех имеющихся данных, эта часть населения пока в общем далека от возможности революционных выступлений. По сравнению с 1905 г. ныне имеются существенные отличия: национальный характер войны, уничтожение пьянства и, наконец, уже выяснившийся хороший урожай (хотя его значение несколько ослабляется неблагоприятными в этом году условиями уборки)".

** В запросе критиковалась система правительственных мероприятий во время войны, как подрывающая основы сельского хозяйства.

„Призраки мясного голода, молочного, сахарного и грозящего недостатка существенных жизненных продуктов подорвали веру у населения в целесообразность принимаемых мер, и оно само поддерживает спекуляцию в обход недостаточно продуманных крутых мероприятий. Постоянные вмешательства в повседневную сельскохозяйственную жизнь разрушают инициативу и понижают производительность труда. Между тем только труд упорный, производительный и свободный может вывести нашу родину на путь действительной победы над врагом и экономической независимости".

Далее запрашивавшие члены Гос. совета требовали: 1) большего порядка в приеме скота, 2) улучшения условий перевозки мяса и его хранения, 3) подгона скота из азиатских степей, 4) использования для мясных консервов кондитерских фабрик, 5) замены живого инвентаря мертвым механическим, постройки заводов по его изготовлению и снабжения заводов с.-х. машин материалами, 6) отмены твердых цен, 7) упорядочения железнодорожных перевозок, 8) организации производства в России искусственных удобрений, 9) упорядочения мелиорации и т. д. Запрос подписали: кн. Щербатов, Викт. Никольский, А. Никольский, кн. Н. Друцкий-Соколинский, гр. Уваров, Юр. Трубников, кн. Ник. Голицын 1-й, Л. Юмашев, Н. Глебов, Нырков, Ст. Лопацинский, Ф. Трепов, Эрдели, С. Крым, Г. Шмурло, А. Римский-Корсаков, Ив. Щегловитов, А. Нейдгарт, бар. Дистерло, В. Томановский, Иг. Тютрюмов, кн. А. Голицын 2-й, В. Шлиппе, К. Скирмунт, кн. А. Оболенский 1-й, В. Дейтрих, Н. Мясоедов, А. Струков, гр. П. Шереметьев, П. В. Каменский 2-й и Дмитрий Нейдгарт.

представители и так называемого „крепкого“ крестьянства— „хозяйственных мужичков“.

„Новая организация, ставящая себе задачу защиты интересов сельского хозяйства в широком смысле слова“, согласно замыслу ее инициаторов, должна была явиться организацией, в политическом отношении если не безусловно правой, то во всяком случае умеренной. Однако это обстоятельство департамент полиции расценивал весьма своеобразно, боясь, как бы из княжеских затей не вышло каких-нибудь неприятных последствий.

Казалось бы при таких обстоятельствах, — писал департамент полиции, — что новая партия должна была бы вызвать мало интереса и сочувствия, если не прямое отрицательное отношение со стороны левых руководящих кругов. Чрезвычайно характерно однако, что слухи о новой партии встречаются в левых кругах, как чисто революционных, так и кадетских, не только с громадным интересом, но и с нескрываемым сочувствием. Разгадка этого на первый взгляд непонятного явления кроется в следующем. Левые элементы обратили самое пристальное внимание на ту сторону новой организации, которая сводится к объединению крестьянской массы. Согласно проекту кн. Щербатова, аграрная партия должна иметь по всей сельской России широко развитую сеть местных сельских ячеек, и именно эти-то намечаемые к возникновению ячейки крайне заинтересовали левых. Последние обращают внимание, что в настоящий момент благодаря бдительности полиции почти совершенно исключается возможность какой бы то ни было революционной работы в деревне. Процесс объединения и организации распыленной крестьянской массы затруднителен. Первоначально возлагались большие надежды в этом отношении на сельские кооперативные организации; в революционной среде о них говорили как о „прекрасном, единственном в настоящий момент подходе к широкой крестьянской массе“. Однако несомненные материальные преимущества, доставляемые кооперативами, быстро пробудили в их участниках чисто практический дух и стремление оберегать кооперативы от революционного воздействия. И в настоящий момент в последней среде отзываются о сельском кооперативном движении все с большей и большей сдержанностью.

В это время появилась идея создания аграрной партии, которая естественно приводит к образованию в крестьянской деревне новых партийных ячеек. Левые круги, давно и тщетно ищущие путей подхода к деревне, с громадным интересом следят за развитием этой идеи; сельские ячейки, как имеющие выступить под правым или умеренным флагом, в глазах администрации явятся вполне легальными организациями и в этом

отношении будут превосходным „фиговым листком“ для прикрытия революционной работы, которую там поведут левые, рассчитывающие на то, что, „как только возникнут сельские ячейки, они позаботятся влить в них свое содержание“. О возможности использования крестьянских отделов аграрной партии в левых кругах говорят как о несомненном факте.

Выступая против проекта кн. Щербатова, департамент полиции добавлял еще:

> Едва ли будет в видах правительства в настоящее тревожное время содействовать организации крестьянской массы, хотя бы и под флагом защиты интересов сельского хозяйства.

При таком отношении департамента полиции из затеи кн. Щербатова ничего серьезного не получилось.

Что правые партии, оказались бессильны подчинить своему влиянию деревню, это мы видели из предшествовавшего обзора; но грозу они предчувствовали. „Настроение“ и „организация общественных сил в деревне“ еще в июле 1916 г., по отзыву старого охранника Герасимова в письме Кривошеину, „напоминали 1905 год“. При Временном правительстве правые группировались около Родзянко, и их нажимы на министров-капиталистов и министров-социалистов подробно освещены нами в I главе III части.

К сказанному можно добавить лишь отдельные штрихи по организации союзов земельных собственников. Надо отметить в первую очередь, что организацией таких союзов в начале 1917 г. помещики преследовали цель создания политических контр-революционных ячеек в деревне, через которые было бы возможно оказать соответствующее воздействие на ход событий и в центре. Помещики надеялись привлечь в свои союзы не только кулаческую, но и середняцкую часть деревни, но это им не удалось. Крестьянская масса быстро раскусила помещичьи затеи и в эти союзы не шла. Наоборот, озлобление против них было огромное всюду. В некоторых случаях местным комиссарам Временного правительства приходилось защищать вождей союза земельных собственников от самосуда толпы. Так, в Рогачеве комиссаром был арестован председатель местного союза земельных собственников „во имя спасения его жизни“ („Могилевская жизнь“ от 8/VIII 1917 г.).

Союзы землевладельцев занялись охраной своих земель и раздували каждое столкновение с крестьянской массой в революционное событие, посылая тысячи телеграмм, писем, записок и проч. представителям власти, как губернской, так и центральной, добиваясь присылки в имения войск, милиции и т. д.

Такого рода действия помещиков, разумеется, только раздражали крестьян и обостряли положение.

В союзах земельных собственников, особенно энергично развернувших свою деятельность после июльского всероссийского съезда в Москве, вскоре нельзя было отличить черносотенца от кадета или от правого эсера. Началось образование единого фронта против революционного крестьянства.

Центральная организация союза земельных собственников сохранилась до весны 1918 г., когда она была арестована по распоряжению Советской власти.

Кадеты. Либеральная буржуазия, стержнем которой была кадетская партия, во время войны имела гораздо больше путей и средств для воздействия на широкие массы крестьянства в империалистическом духе. Если правые владели правительственным аппаратом включительно до церкви и, кроме того, могли воздействовать на крестьянство не только убеждением, но и принуждением, то либералы имели в своих руках всю печать, владели умами интеллигенции, вообще представляли собой более молодую силу, видевшую в войне с Германией одну из своих кровных задач. Среди правых, как защитников интересов торгового капитала, в вопросе об отношении к войне „шатания мысли и действий“ проявлялись в гораздо более сильной степени, чем у либералов. Последние, обслуживая финансовую буржуазию, были преданы антантовскому капиталу беззаветно, можно сказать — даже энтузиастически.

Влияние либералов на крестьянские массы, кроме печати, шло также и через ту „мелкоту“, которая соприкасалась с деревней по службе или работе и которая находилась в значительной массе под идейным воздействием кадетов. Обработка голов „мелкоты“ шла в направлениях главным образом экономическом и политическом. Крупнейшие теоретики буржуазии — Туган-Барановский, А. А. Чупров, Струве и другие—тянули за собою и тех, кто продолжали считать себя „правоверными марксистами“: Финна-Енотаевского, П. Маслова, Н. Иорданского и других.

Туган-Барановский доказывал, что „в отсталости России в деле развития в ней товарно-капиталистического хозяйства кроется в настоящее время источник ее силы“, что „чем меньше развито в стране товарное хозяйство, тем менее г и б е л ь н о отражается на ней сокращение рынка для сбыта ее произведений“, и т. под.

Эта квасная политэкономическая агитация находила отклик и у таких трезво мыслящих практиков из среды промышленной буржуазии, как напр. Рохович, который заявлял, что „нужда в приобретении необходимых для страны продовольственных и кормовых средств настоятельнее и неизмеримо важнее нужды в сбыте продовольственных и кормовых

излишков, для которых можно приискать другие рынки или даже другое применение и сама культура которых, в случае надобности, легко может быть сокращена за счет развития более выгодных (?) отраслей сельского хозяйства".

Это политэкономическое бахвальство стоило очень дорого рабочим и крестьянам России. Крестьянству преподносились тем же Туган-Барановским и такие „истины", которые должны были сделать из крестьянина „сознательного" врага Германии: „Естественным рынком для русского мяса,— писал он, — является Германия. Однако Германия в угоду своим аграрным классам всячески тормозит ввоз в ее пределы русского мяса... Так под предлогом опасности заражения, эпизоотий, Германия ограничивает ввоз в ее пределы русских свиней и другого скота. В результате русское крестьянское хозяйство не получает своего естественного развития".

Либеральная свистопляска по поводу Германии была чрезвычайно разнообразна. Приводить аргументы о немецкой „подлости" à la Леонид Андреев, о том, что немец даже испражняться в свой фатерланд ходит, не стоит. Интереснее рассуждения кадетствовавших меньшевиков П. Маслова и Иорданского. Последний в „Современном мире" писал: „Страна побежденная—страна разоренная... Все торговые договоры были бы пересмотрены победителем и продиктованы им заново в своих политических интересах. Промышленность России может попасть в оковы, которые не дадут ей развиваться, страна окажется в экономическом плену у победителя и превратится в колонию, эксплуатируемую победителем... Побежденная Россия надолго была бы обречена прозябать вялою и тусклою жизнью полуазиатского государства, являлась бы тормозом в культурном шествии человечества". Как вывод, далее утверждалось, что „народы России обязаны стремиться к победе и должны победить".

Националистические истерики кадетских лидеров о „великой России" и проч. мы опускаем как не имеющие прямого отношения к нашей теме.

Указанные явления преобладали в первые годы войны. После поражений армии наступает полоса кадетской критики правительства, и наконец, перед революцией 1917 г. и в начале ее, либеральная буржуазия громила царизм за неумение вести войну, за хозяйственную разруху, голод, „анархию" и т. д., переходя затем в атаку против большевизма, против крестьянской революции.

Трогательное единение Временного комитета Госуд. думы с Временным правительством по всем вопросам подавления аграрной революции дает ясный ответ на контр-революционное существо русского либерализма.

В союзах земельных собственников, как мы уже отмечали, кадеты слились с правыми. Большинство комиссаров Временного правительства было ставленниками кадетской партии, и только к лету 1917 г. наиболее однообразные фигуры из крупных помещиков-кадетов были заменены эсерами. На съездах земельных собственников кадеты во многих случаях играли руководящую роль.

Вся их печать проявляла по отношению к крестьянской революции нескрываемую ненависть и пыталась изобразить движение крестьян как анархический бунт против „священной собственности". Больше всего, конечно, кадеты злобствовали на большевиков, ругали также и эсеров за мягкую политику по отношению к „мужицкому бунту".

Мы уже приводили циркулярные распоряжения министров-кадетов из Временного правительства (см. ч. III гл. I).

Ко времени Октябрьской революции кадеты на своих съездах и совещаниях не сумели развернуть никакой аграрной программы, которая мало-мальски сносно разрешала бы земельную нужду крестьян. У кадетов, как и у эсеров, для крестьян был один лозунг — земельная реформа только с санкции и по указаниям Учредительного собрания—с той лишь разницей, что к.-д. заранее отстаивали принцип выкупа частновладельческих земель и сохранение помещичьих хозяйств как „культурных" очагов, а эсеры все это ловко маскировали революционной фразеологией.

Эсеры. Наиболее характерной для эсеров чертой за годы войны является их почти полная бездеятельность среди крестьянских масс. И совершенно не характерно для эсеров, что Чернов причислял себя к циммервальдовцам (он был не в „левой", а в центристской циммервальдовской группе), а Керенский в торжественном заседании Госуд. думы 26 июля 1914 г. выступил с заявлением, что „великая стихия российской демократии вместе со всеми силами *даст решительный отпор нападающему врагу*" (т. е. Германии). Это неприкрытое „оборончество" тот же Керенский пытался потом, в 1915 г., свести к каутскианской линии отношения к войне: „Мы за мир и за классовую борьбу, но лишь после, а не во время войны".

Официальные эсеровские органы также качались между оборончеством и каутскианством. Эта основная позиция эсеров позволяла им держать общий фронт со всеми „народническими" группами вплоть до „народной партии" и группы независимых, от имени которых депутат Фирсов 2-й (от Астраханской губ.) в заседании 28 января 1915 г. заявлял: „Мы твердо верим, что война окончится победой России и непоколебимо утвердит великую Славянскую империю на подобающей ей высоте среди народов всего мира". Он очень

красочно говорил потом, что „победоносный освободитель не должен возвращаться после войны опять в нужду и голод, под тяжелую руку всевластного урядника“; но его реальные предложения не шли дальше назначения комиссии по германским зверствам, продления сессии Думы и предложения правительству уделять больше внимания интересам народа. С этой речью Фирсова 2-го в свое время очень носился меньшевик Череванин, находя в ней отражение какого-то „полевения“ черносотенной Думы (см. „Наше дело“, № 2, 1915 года). Фирсов 2-й отражал наиболее ярко не полевение, а загнанность Думы, ее никчемность и бессилие, а в речи его была та же „декларация“, которой отличался в Думе Керенский.

Убожество эсеровской мысли и тактики видно из следующего факта: они в блоке с народными социалистами и другими народниками в июле 1915 г. устроили в Ленинграде совещание, которое пришло к следующим выводам:

> ... Принимая во внимание, что в настоящее время глубоко потрясены самые основы народного хозяйства, совещание находит, что лозунгами борьбы за социально-экономическое оздоровление страны должны быть:
>
> А. Широкая свободная самодеятельность крестьянских и рабочих трудовых масс.
>
> Б. Обеспечение свободы профессиональных, кооперативных и классовых трудовых организаций.
>
> В. Правильное распределение финансовых тягот между классами населения.

О разрешении земельного вопроса, о революции, как и следовало ожидать, ни слова в постановлениях этого совещания. По поводу войны признали допустимой „демократическую войну — оборону“, о Госуд. думе — „постановили“, что, „хотя она и оторвана от народных масс“ и виновата в „кризисе“, но все же нужна попытка привлечь ее даже в нынешнем составе „к народному делу“.

Неважно шла работа эсеров и в провинции. За 1914—16 гг. в архивах департамента полиции мы обнаружили только три прокламации эсеров, в которых имелись обращения к крестьянству. Одна из них (по Тульской уб. за 1915 г.), адресованная „труженикам полей и фабрик“, начиналась словами: „12 мучительных месяцев“ и кончалась лозунгом: „да здравствует земля и воля!“; во второй из прокламаций самарские эсеры в 1916 г. обращались к рабочим, крестьянам и солдатам с лозунгом: „долой грабительскую войну!“ наконец третья листовка (по Могилевской губ.) была подписана „Объединенная группа социалистов“ и гласила следующее:

Товарищи крестьяне! Вот уже 10 месяцев прошло с тех пор, как началась война. Сотни тысяч ваших братьев, сыновей, близких и дорогих вам людей убито на полях далекой Польши и Галиции. Миллионы крестьян и рабочих лежат по лазаретам и калеками разошлись по деревням и городам... Море слез пролито матерями убитых, море слез выплакали сироты и жены убитых. Великое множество семей осталось без кормильцев, много нищих и калек наплодила война. Кровью крестьян и рабочих напоена земля, и трупами удобрены поля, где идут бои. Заревом пожаров горит небо над Польшей и Галицией: то горят деревни, горит добро крестьянское, горит то, что крестьяне кровью и потом, долгим трудом добывали себе...

Дальше идет разъяснение, кто затеял войну и кому она нужна.

Народу война не нужна. Зачем нам захватывать чужую землю, когда у нас своей земли видимо-невидимо, только земля эта отнята у крестьян? Захватили эту землю царь Николай, да казна, да помещики. Если бы царь и правительство хотели добра народу, то не войну бы они начинали, а отдали бы всю землю народу. Но цари и богачи — пауки: не любят давать, они любят брать. Они берут с вас подати, они берут ваших детей в солдаты, они убивают их миллионами на войне, но, если крестьяне спросят земли, то им дадут казаков, их будут пороть, сошлют в Сибирь, их расстреляют.

Далее идут рассуждения о том, что попы обманывают народ, зовя на войну убивать, а Христос-де — „учитель наш“ — велел любить врагов. Вывод — долой королей, царей, попов, богачей и т. п.

Вся земля должна принадлежать крестьянам. Землей должен пользоваться тот, кто ее обрабатывает своими руками. Землю захватила кучка богачей и помещиков. Во главе их самый крупный помещик — царь Николай и его родня.

Прокламация кончается призывами: „надо добиться земли и воли“, „долой войну, самодержавие!“, „да здравствует социализм!“.

В февральском перевороте 1917 г. эсеры, как партия, ничем особенным себя не проявили, но хлынувшая к ним интеллигенция очень скоро заполнила ряды партии и окончательно оформила физиономию этой колеблющейся, мелкобуржуазной группировки. Эсеры центра связали свою судьбу с Временным правительством и тем самым несли на себе всю политическую ответственность за его деяния. На местах эсеровские группы были более левыми: они принимали решения о немедленном отобрании у крупных собственников земель, лесов и лугов в пользу крестьян, о бесплатной

реквизиции у помещиков с.-х. орудий, а также кузниц, о понижении твердой цены на хлеб прежних урожаев, о реквизиции семян овса не дороже 1 р. 75 к. за пуд, о замене племенного скота помещиков простым крестьянским с намерением реквизировать у них весь рогатый скот, оставив не более трех голов, и т. п.

Рядом с такого рода требованиями и действиями эсеровских групп эсеры-комиссары Временного правительства и министры-социалисты требовали прекращения „подобных безобразий“. В партии преобладала особая политика — сидения между двух стульев. Интересную иллюстрацию ее дает т. Г. Лелевич в ст. „Из истории крестьянского движения в Могилевской губ.“ („Прол. рев.“, № 17 1922 г.). Губернский комиссар эсер Певзнер на одном из совещаний заявил: „Взаимоотношения между помещиками и крестьянами весьма обострились; крестьянство требует разрешения земельного вопроса целиком в свою пользу, а помещики относятся с недоверием к начинаниям земельных комитетов, делающих попытки найти линию соглашения для обеих сторон. И администрация стоит между двух огней: сделаешь так — вооружишь против себя крестьянство, органически сжившееся за это время с золотой мечтой о переходе в их руки всех помещичьих земель; пойдешь по другому пути — снова недовольство в противоположном лагере“.

С дальнейшим развертыванием крестьянской революции промежуточная позиция эсеров оказывалась все более и более неудобной. Надо было выбирать определенно, с кем идти — с крестьянством или с помещиками, тем более, что на Всероссийском крестьянском съезде 4 мая 1917 г. т. Ленин этот вопрос ставил эсерам в упор. Правда, резолюция т. Ленина собрала на съезде ничтожное количество голосов: правые эсеры сумели на этот раз „втереть очки“ крестьянству, и съезд отложил проведение земельной программы до Учредительного собрания и одобрил оборону и соглашение с буржуазией. Но уже в июле крестьянские советы на местах (Самарская, Пензенская губернии) проводят ленинскую резолюцию о *немедленной* конфискации помещичьей земли.

В августе на съезде крестьянских-армейских организаций был предъявлен Временному правительству ряд большевистских требований. Сентябрьский съезд губернских советов крестьянских депутатов прошел под руководством левых эсэров. Почти половина его требовала немедленной передачи земли земельным комитетам, скорейшего созыва Учредительного собрания и т. д.

Под давлением этого съезда министр земледелия эсер С. Л. Маслов, сменивший В. Чернова, обещал освободить арестованных за аграрные беспорядки, но своего обещания

не исполнил*. Точно так же обманули съезд эсеры-министры Временного правительства и в обещании ускорить передачу земель помещиков крестьянам. Как мы видели выше, они вели как раз противоположную политику—политику карательных экспедиций.

В дальнейшем раскол эсеров на вопросе об отношении к аграрной революции, к требованиям крестьянства стал неизбежен. В октябре 1917 г. они и оказались по разным сторонам барикад: левые эсеры — вместе с большевиками, а правые, во главе со своим ЦК—в рядах самой бешеной, неприкрытой контр-революции. Левых эсеров было немного: большая часть эсеровской партийной интеллигенции решительно осталась на правых позициях с буржуазией, помещиками и кулаками.

Меньшевики.

В речах меньшевиков в Гос. думе, на партийных съездах, конференциях до революции 1917 года мы не встречаем ни слова о земле, о крестьянстве, о борьбе с помещиками. Для меньшевиков всего этого как будто не существовало.

Когда же революция разразилась, когда меньшевики вместе с эсерами получили большинство в советах рабочих и солдатских депутатов, они вспомнили о мужике, который теперь присваивал себе разные права, напр. право распоряжаться лесами России. Меньшевики от имени исполкома Петросовета выпустили тогда воззвание „Ко всему российскому крестьянству“, убеждая его „дать дрова“. „Заготовка в казенных лесах производится,— писали они крестьянам:— но, за отсутствием рабочих рук и невозможностью дальнейшей перевозки, необходима усиленная рубка частновладельческих лесов, расположенных в районах сплавных рек и железных дорог“. Исполком призывал крестьянство оказать не противодействие, а помощь усиленной заготовке дров и материалов.

* Интересны доводы С. Маслова против крестьянских самочинных захватов земель у помещиков: „Довод первый. Земельные запасы распределены в России по областям и губерниям неравномерно. Не трудно себе представить осложнения для правильного разрешения земельного вопроса, если каждая губерния или область будет претендовать только на свои земли и захватывать их для себя. Не трудно предвидеть, если отдельные селения крестьян будут захватывать земли соседних помещиков, оставляя других крестьян без земли... Второй довод. К захватам стремятся крестьяне в надежде на то, что, если они успеют что-либо запахать, то все это останется за ними. На это способны только те крестьянские дворы, которые имеют в достаточном количестве работников и лошадей. Семьи безлошадные, семьи отпустившие большую часть рабочей силы в армию, не в состоянии будут использовать захватный способ обеспечения землей... Третий довод. Первое время, в первые дни революции, когда в армии разнеслась молва, что будто бы там, на родине, происходит раздел земли,—многие из опасения остаться обделенными стали рваться домой, усиливая дезертирство... Четвертый довод. Наконец, земельные захваты угрожают просто сокращением посевов“. Критику доводов С. Маслова см. в ст. В. И. Ленина „О самочинном захвате“ (Собр. соч., т. XIV, стр. 205—208).

„Товарищи крестьяне! — заканчивалось воззвание. — Содействуйте усиленной заготовке дров и лесных материалов. Помогите их вывозу и сплаву. Этого требуют интересы родины, интересы обороны страны" *.

Интересы помещиков и спекулянтов всех степеней и рангов также требовали усиленной рубки лесов. Чувствуя приближение решительного момента революции, они спешили возможно скорее „свести леса", сорвать на лесах прибыль. Меньшевики своим обращением играли в руку помещикам и спекулянтам. Прикрытие воззвания оборонческими лозунгами также характерно для меньшевизма центристской группы, захватившей одно время исполком Петросовета в свои руки.

Другой случай выявления отношения меньшевиков к крестьянству имел место 12 мая 1917 г. на общероссийской конференции РСДРП, созванной организационным комитетом. По аграрному вопросу здесь была принята следующая резолюция:

> 1) Для уничтожения кабальных отношений в деревне, для уничтожения сословного строя, основывающегося на крупном и среднем землевладении, для повышения экономического уровня крестьян и рабочих, приходящих из деревни, и в интересах революции должна быть произведена Учредительным собранием земельная реформа. 2) При проведении земельной реформы пролетариат, как всегда, исходит из интересов развития народного хозяйства, которые должны быть поставлены выше интересов отдельных групп населения. 3) Исходя из этого, аграрная реформа должна повести к переходу рентного дохода землевладельцев в распоряжение государства и органов местного самоуправления путем конфискации церковных, монастырских и частновладельческих земель, превышающих определенную норму (подчеркнуто мной.—*А. Ш.*). 4) Мелкая земельная общинная и частная собственность ниже уровня, определяемого в каждом районе сообразно экономическим условиям этих районов, не отчуждается. 5) Отчуждаемые земли должны числиться общегосударственной собственностью. 6) Земли, которые должны быть использованы живущим на местах населением, находятся в распоряжении крупных областных органов местного самоуправления. („муниципализация" *А. Ш.*). 8) Признавая, что земельная реформа может быть совершена только Учредительным собранием, конференция меньшевистской фракции РСДРП находит необходимым всемерно бороться против анархических самовольных захватов земли и всяких других способов самовольного разрешения земельного

---

*) „Раб. газ."—орган орг. к-та РСДРП и петроградской организации меньшевиков, № 47, от 4/V 1917 г.

вопроса, которые могут вызвать междоусобицу и грозить контр-революцией.

Острие партийной тактики направлялось меньшевиками не против контр-революционной буржуазии или кулачества, а против наиболее революционной части крестьянства и против партии большевиков. Меньшевики и в этом вопросе определенно перешли в лагерь контр-революции.

Большевики.

С 1905 г. с настойчивой определенностью большевики указывали на крестьянство как на активную революционную силу. Весь период реакции от революции 1905 г. до войны 1914 г. фракция „революционных марксистов" и в легальной и в нелегальной печати энергично выдвигала принципы объединения сил пролетариата и крестьянства в борьбе с помещиками и буржуазией. Отсюда и лозунги: конфискации помещичьих земель в пользу крестьян, боевого союза рабочих и деревенской бедноты и т. д., особенно выдвигавшиеся т. Лениным. Перед самой войной, в майских прокламациях 1914 г., эти лозунги были ярко подчеркнуты. Петроградский комитет большевиков заканчивал свою прокламацию о дне 1 Мая призывом: „Долой крепостников-помещиков, их земли должны без выкупа отойти к крестьянам!"

В годы войны аналогичные призывы содержались почти во всех большевистских прокламациях столиц и губернских городов провинции. „Да здравствует конфискация всей помещичьей и царской земли для крестьянства!" — писали одни. „Да здравствует передача земли народу!" — заявляли другие. В тех же листках по поводу войны всюду указывалось, что добиться мира можно только революционным восстанием, к которому большевики и призывали солдат, рабочих и крестьян. О конфискации земель также говорилось как о мере, которую можно провести в жизнь лишь путем восстания, революции.

И В. И. Ленин, получавший за границей прокламации различных политических партий, в № 49 „Социал-демократа" за 1915 г. отмечал, что петроградский межрайонный комитет объединенных соц.-демократов „замалчивает лозунг конфискации помещичьих земель".

По поводу позиции т. Троцкого В. И. Ленин тогда же писал: „Антагонизм «крестьянства» и Марковых - Романовых - Хвостовых усилился, возрос, обострился. Это такая очевидная истина, что даже тысячи фраз в десятках парижских статей Троцкого не «опровергнут» ее. Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию. А в этом сейчас гвоздь!" (В. И. Ленин, собр. соч., т. XIII, стр. 214, изд. 1925 г.).

Петербургский комитет большевиков, формулируя задачи и тактику социал-демократии для наказа уполномоченным по выборам в военно-промышленные комитеты, говорил: „Главный враг каждого народа — в его собственной стране. Враг русского народа—это царское самодержавие, крепостники-помещики, империалистическая буржуазия... В уничтожении царской монархии и ее социальной основы—помещичьего землевладения — заинтересован не только пролетариат, но и крестьянство и другие слои буржуазной демократии (подчеркнуто мной. *А. Ш.*). Поэтому пролетариат обращается к ним с призывом поддержать его борьбу с царским правительством“.

Настойчивые предложения т. Ленина парторганизациям „будить крестьянство“ находили отклик и в такой среде, как военная группа петербургской межрайонной комиссии. В одном из своих листков к солдатам и эта группа выступила с решительным заявлением о „всей земле крестьянам“, о „революции рабочих и крестьян“ и т. д.*.

---

* Текст прокламации военной группы П. М.-Р. К. к солдатам следующий:

„РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

„Товарищи солдаты!

„К вам, рабочим и крестьянам, одетым в серые мундиры, обращаем мы наше слово. Почти полгода прошло с тех пор, как волею самодержавия вы оторваны от мирных трудов, от жен, отцов, матерей. Полки за полками идете вы покорно на гибель. Туда, к границам Австрии, Германии и Турции, где вас ждут голод, холод, болезни и ядра, штыки таких же рабочих и крестьян, как и вы сами. Лгут правительства воюющих стран, когда говорят солдатам, что они защищают родину. Не родину вы защищаете, а своекорыстные интересы дворян, чиновников, попов и прочей алчущей наживы братии. Вы нужны самодержавию только как пушечное мясо. Вас, защитников отечества, морят голодом. Вас оскорбляют на каждом шагу. Вас не пускают даже в чайные погреть иззябшее тело. Собакам и вам — одна честь и слава. Вас гонят из трамваев и поездов. За вами охотятся жандармы и коменданты. Ваши семьи брошены на произвол судьбы, ваши малютки-дети голодают. Нищенский паек, получаемый вашими женами,—вот заботы царя-батюшки о вас и о ваших детях.

„Товарищи солдаты! Все тяготы войны ложатся на вас — крестьян и рабочих. Вас гонят на убой и с вас снимают последнюю рубашку—налогами. А помещики да купцы благоденствуют. Любо им на ваших спинушках кататься, кровь вашу солдатскую пить. Любо! Товарищи! У кого фабрики, у кого десятки тысяч десятин земли? Ясное дело — у бар.

„Так вот бы их и послать всех на передовые позиции. Пусть родину защищают. Ан нет, шалишь, брат!.. Гибнуть должны не богатые, а вы, труженики. Много мук уже приняли вы, братья, а по чьей вине? По вине господ мильонщиков. Страдаете вы в окопах и в лазаретах, а какая награда ждет вас за все это? Измучают, искалечат человека и пустят на все четыре стороны: побирайся мол, сиди на шее у родни. Крестик повесят

Организационного влияния на крестьянство в деревне в 1917 г. большевистские партийные комитеты почти не имели. Крестьянская революция 1917 г. организационно была также очень слабо связана с городскими объединениями революционного пролетариата. Но идейное влияние на деревню апрельских „тезисов Ильича“ было огромно. Проводниками их являлись солдаты и матросы, „заразившиеся“ большевизмом, и рабочие партийцы, весной 1917 г. нахлынувшие в деревню в качестве агитаторов и организаторов аграрной революции, о чем мы уже упоминали. В ряде телеграмм Временному правительству с мест от губкомиссаров мы находим такие сообщения: „в деревнях наблюдается агитация большевистского направления лицами, приехавшими из Кронштадта“; „крестьяне организуют свои комитеты под влиянием рабочих-большевиков, бежавших в деревню из голодных столиц“, и т. д. Крестьянские съезды, советы, земельные комитеты служили ареной для распространения взглядов большевиков на аграрный вопрос; здесь крестьяне учились понимать разницу между действительно революционным и контр-революционным решениями их тяжбы с помещиками. Окончательные выводы были сделаны ими к осени 1917 г. Результатом был декрет о земле, принятый II Съездом Советов 26/X 1917 г., подводивший юридические итоги аграрной революции крестьянства, которая продолжала развиваться и дальше.

ГЛАВА III.

Выводы.

1. Сельское хозяйство России в годы войны потерпело значительные изменения. Общий распад хозяйственной жизни страны, транспорта, рынка, финансов и т. д., как следствие войны, обусловили понижение посевных площадей, урожая,

---

на грудь и деревяшку вместо ноги приделают. Радуйся мол, ты — герой Товарищи солдаты! Идя на войну, помните, что должен прийти час расплаты с вашими палачами. Знайте, братья, что в вас теперь вся сила. Всколыхнетесь вы, пойдете против самодержавия, и конец рабству. Всю землю получат крестьяне, свободу рабочие. Возвращаясь в деревню с позиций, режьте правду-матку о том, что делается на войне. Будите деревню. Читайте рабочие и крестьянские листки. Толкуйте промеж себя о том, как горю общему пособить. По ротам, по батальонам устраивайте группы, связывайтесь с другими частями. Устраивайте ваши военные организации. Связывайте их с рабочими. За дело, товарищи солдаты! Да здравствует единение армии с народом! Долой войну! Долой самодержавие! Всю землю крестьянам, 8-часовой рабочий день рабочим! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует революция!

„Военная группа П. М.-Р. К.“.

(Дело деп. пол. № 5, ч. 57 Л. Г. особ. отд. с.-д. литературы по г. Петрограду).

сельскохозяйственных промыслов и т. д. Недостаток рабочих рук из-за мобилизаций в ряде районов сыграл решающую роль в отношении распада сельского хозяйства.

2. Социальная борьба в деревне развернулась на фоне давнего антагонизма помещичьего землевладения с крестьянским хозяйством. Частные владельцы делились на ряд слоев. Верхний из них были латифундиарные владельцы тысяч и десятков тысяч десятин земли, лишь незначительная часть которой обрабатывалась капиталистическим путем, а бо́льшая — отработкой, зимним наймом и т. д. Под крупными и крупнейшими латифундиями было 71,5% общей площади частного землевладения. Владельцы этих имений являлись главной реакционной силой государства. Владений от 500 до 10 000 десятин и выше было 27 тыс. с 62 млн. дес. земли. Эти 27 тыс. владельцев были оплотом правых партий, организаторами дворянских объединений и т. п. Более мелкие владения также в значительной мере применяли отработочную систему, которая к годам войны шла на убыль, а во время войны сильно ослабела (с прекращением аренд) и этим самым подорвала многие отработочные частновладельческие хозяйства, ослабив их до такой степени, что они в ряде случаев без особого сопротивления переходили к крестьянству. Вообще, распад сельского хозяйства отражался по преимуществу и в первую очередь на отработочных владениях, во вторую—на капиталистических хозяйствах зернового типа и лишь в третью — на хозяйствах, связанных с промышленными предприятиями, которые имели возможность лучше обеспечить себя и рабочей силой и рынками сбыта.

Крестьянские хозяйства с посевами свыше 15 дес. мы относим к группе зажиточных, кулаческих. Хозяйства кулаков во время войны проявили наибольшую устойчивость за счет эксплуатации деревенской бедноты, особенно женщин и детей. Они не растратили своих сил и в аграрной революции 1917 г., явившись значительно крепкой силой в годы крестьянской контр-революции (1918—20 гг.).

Середняцкой части крестьянства война нанесла сильный удар главным образом по причине мобилизации рабочих рук, на которых эти хозяйства держались; но все же процесс распада был здесь не так силен, как в хозяйствах бедноты. Разорение бедноты и гибель многих бедняцких хозяйств—установленный статистикой факт. Эти группы деревни вместе с значительным процентом беспосевных (до 12%) являлись основным материалом для вспышек отдельных крестьянских движений в 1914 — 16 гг. в центре России, в 1916 г. на окраинах — в Туркестане и Степном крае и в 1917 г. для аграрной революции по всей стране.

Крестьянское движение в 1914 — 16 гг. развивалось главным образом в районах с наибольшим процентом бед-

ноты. Наиболее распространенными формами его были протесты против землеустройства, нападения на владельцев, отказы от аренды, потравы, поджоги, самовольные выпасы, снятие рабочих, порубки леса, захваты инвентаря и т. п.

В ряде случаев имели место столкновения с полицией, с администрацией имений и с их охраной, выражавшиеся в драках, избиениях, перестрелке.

Активное участие в движении 1914—16 гг. принимали женщины, главным образом крестьянки-солдатки.

В редких случаях были нападения и погромы помещичьих имений.

Массовые аресты и избиения населения сопровождали почти все случаи крестьянского движения за этот период.

Движение усилилось к 1916 г. Большое влияние на революционное настроение деревни имели письма с фронта и обратно.

В Ставропольской губернии разыгралось бурное движение против земства в связи с увеличением налогового обложения.

На окраинах в 1916 г. наиболее крупное значение имело движение киргизов, туркмен и узбеков в Туркестане, Степном крае и других местах, закончившееся подавлением его, с тысячами убитых людей, разрушенных дворов, конфискацией земель у туземцев, их ограблением и т. д. Движение на окраинах нельзя объяснять только протестом населения против призыва на тыловые работы: причины его—в том же распаде хозяйства, в чрезвычайно быстром темпе пролетаризации и пауперизации кочевников (киргизы были главным ядром восстания), в гнете местного феодализма и особенно со стороны извне пришедшего русского империализма.

Крестьянская революция 1917 г. развернулась уже на почве „движений" 1905—1906 гг., а также последующих, которые не прекращались и в годы реакции и которые особенно участились в годы войны.

Крестьянская революция шире всего развернулась в Центрально-черноземном, Средневолжском и Белорусском районах, где крепостнические пережитки сохранились в более значительной мере, чем в других районах. Наибольшее число случаев аграрных правонарушений в „мирных" формах было в июле 1917г. и в „разгромных" в октябре 1917 г. В Центрально-земледельческом районе можно отметить 3 этапа: нарастание движения к июлю месяцу, падение в августе и новый подъем в сентябре и октябре. По таблице „погромно-захватных" правонарушений большое количество их в земледельческих районах падает также на Центрально-земледельческий и Средневолжский районы; „погромно-захватные" правонарушения с июля непрерывно возрастают. От мирных форм движение по мере сопротивления керенщины

и черновщины переходило к более радикальным средствам воздействия, чем и обусловливалась та „большевизация“ деревни, которая способствовала октябрьским победам.

В „мирных“ аграрных правонарушениях первое место по величине занимали самовольные запашки земель и „лесные безпорядки“.

Крестьянская революция 1917 г. проходила вообще в более организованных формах, чем в 1905—06 гг.

Земельные комитеты на местах, советы крестьянских депутатов, связь крестьянских организаций с левыми политическими партиями и т. п.—все это помогало крестьянству провести революцию с меньшим количеством жертв и с большими шансами на победу.

Общий распад власти буржуазии, в том числе и ее органа—Временного правительства, и организация пролетариата в городах в формах советов содействовали усилению революционных настроений крестьянства и сплочению его сил, в то же время подрывая силы помещиков.

Движение крестьянства помогало беднейшей части деревни бороться за улучшение условий труда — повышение платы и уменьшение рабочего дня. Городские организации пролетариата также помогали сельскому пролетариату организовываться в союзы, в коммуны, в органы управления культурными хозяйствами (после изгнания из них владельцев) и т. д. Помещики, в лице Временного комитета Гос. думы, и Временное правительство представляли из себя один противореволюционный фронт, ведший борьбу с крестьянством, но без успеха. Своими законами и своими действиями против аграрной революции эсеры и меньшевики навсегда дискредитировали себя в глазах крестьянства.

Политические партии по-разному относились к крестьянству в годы войны. Правые, в лице правительства и его органов на местах, а также в лице „союза русского народа“, „октябристов“ и пр., видели в мужике своего классового врага, который может опять устроить „1905 год“, и поэтому они тщательно следили за его настроениями. Чтобы привлечь крестьянство на свою сторону, правые тратили массу средств и сил для агитации среди крестьян в пользу войны, доказывая, что от войны Россия не беднеет, а богатеет. Экономическая помощь крестьянству со стороны правых (паек) ни в какой мере не устраняла распада хозяйств бедноты, а эксплуатация бедноты в сельском хозяйстве у помещиков и на промышленных предприятиях вызывала справедливый протест и негодование. Антиземская агитация правых была средством отвлечения масс от выступлений против помещиков и правительства.

Попытка организации аграрной партии крупными помещиками с вовлечением в нее крепкого крестьянства была

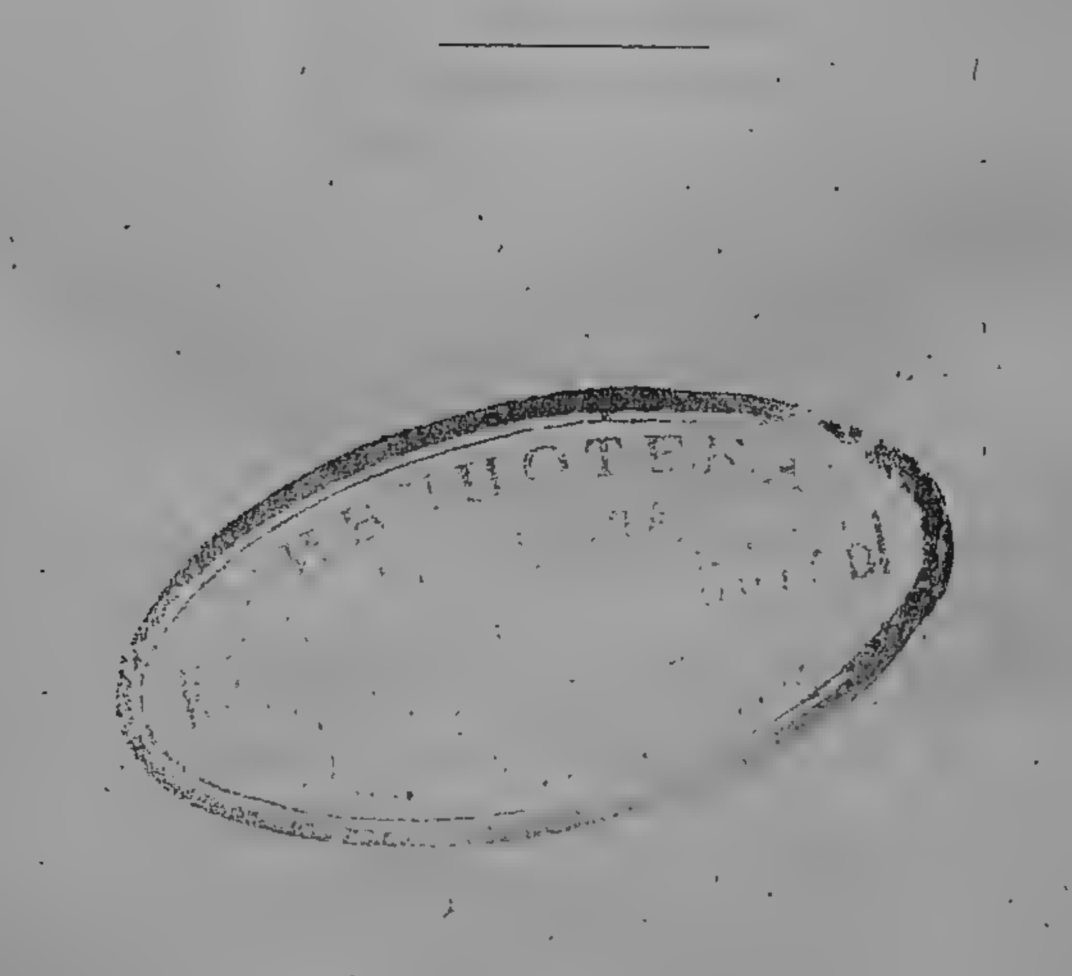
завершением столыпинско-кривошеинской земельной политики. Правые не успели создать такой партии из-за надвинувшейся революции. В 1917 г. они создали ряд объединений вроде „всероссийского союза земельных собственников“, в который входили и купеческие и кулацкие слои деревни, но под ударами революции этот и другие аналогичные союзы не оказали почти никакого влияния на широкие массы деревенской бедноты.

Кадетская и другие либеральные партии буржуазии вели „обработку голов“ крестьянства через находившуюся у них в руках прессу и мелкую интеллигенцию городов и деревни в духе „захвата Дарданелл“, „немецких зверств“ и т. д., по существу ничем не отличавшуюся от правых. Лишь в конце 1916 г. начинается поворот в кадетской агитации в сторону борьбы против правого правительства Николая Романова и за кадетское правительство при царе из дома Романовых. В 1917 г. кадеты явились главными противниками крестьянства и вполне солидаризировались со всеми теми правыми слоями, которые во главе с Родзянко из-за кулис нажимали на Временное правительство в духе подавления аграрной революции. Политика подавления крестьянской революции кн. Львовым — яркий пример.

В годы войны эсеры и другие народничествующие группы почти ничем себя не проявили в деревне. Эсеровское качание по вопросу о войне между „оборончеством“ и „каутскианством“ нисколько не содействовало популярности их взглядов в крестьянской массе. Эсеровский оппортунизм выразился в ряде фактов; основной из них — умолчание о земле и революции во всех речах в Государственной думе, в резолюциях народнического совещания в Ленинграде в 1915 г. и т. д. В период февраль-октябрь 1917 г. эсеровская партия, определенно ставшая партией городского мещанства и деревенского кулачества, окончательно оформилась как мелкобуржуазная контр-революционная сила. Эсеры центра, связавшие свою судьбу с Временным правительством, явились главными виновниками тех преступлений, которые совершало это правительство, усмирявшее крестьянскую революцию 1917 г. На местах более левые группы эсеров вынуждены были становиться в оппозицию к эсерам центра. В октябре 1917 г. эсеры окончательно раскололись на две группы — правых и левых. Правые, опираясь на „крепкое“ крестьянство, сохранили свою долю влияния на деревню в период контр-революции на селе, левые же эсэры растворились в революционном потоке большевизма, охватившего деревенскую бедноту к октябрю 1917 г. и позднее. Все случайное в левом эсерстве потом также ушло в контрреволюцию.

Меньшевистское течение, никогда не имевшее связи с крестьянством, принципиально отрицавшее за ним революционное значение, болтавшееся, как и эсеры, между Череваниным-Гвоздевым и Каутским-Мартовым, — никакого влияния на крестьянство не оказало даже в тот момент, когда лидеры меньшевиков были министрами и ворочали делами Совета рабочих депутатов, а в итоге они, так же как и эсеры, постановили на своей конференции в 1917 г. „всемерно бороться против анархических самовольных захватов земли"... В борьбе с аграрной революцией создавался единый фронт от Родзянко до Мартова.

Лишь одни большевики были настойчивы в своей поддержке крестьянской революции 1917 г., высказываясь за немедленную конфискацию помещичьих земель, что́ они неустанно пропагандировали с 1905 г. Печать, крестьянские съезды, советы были ареной для распространения взглядов большевиков среди крестьянских масс. Медленно, но неуклонно развертывалось сознание деревенской бедноты в большевистском направлении. Наконец потоки революции города и деревни слились. Результат—октябрьская победа и декрет о земле, подводивший юридическое основание под аграрную революцию 1917 г. и давший ей возможность развернуться до конца в самых темных углах страны.



ПРИМЕЧАНИЯ.

К „Предварительным замечаниям“.

1. Памятники агитац. литературы РСДРП.

К гл. „Накануне войны“.

2. Мукосеев, Повышение товарных цен, стр. 5.
3. „Сельское хозяйство России в XX веке“, стр. 302.
4. См. „Материалы по изучению массового потребления“, Экон. отд. Росс. пищ. научн.-техн. инст. ВСНХ; С. Н. Прокопович, Бюджеты петербургских рабочих, и др.
5. Н. Д. Кондратьев, Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции, стр. 34.
6. А. Шляпников, Канун семнадцатого года, стр. 5 и след.
7. Там же, стр. 10 и др.

К гл. „Общая характеристика народного хозяйства во время войны“.

8. Данилов, Влияние великой мировой войны, стр. 31—32.
9. „Сельское хозяйство России в XX в.“, стр. 334 и др.
10. Сокольников, Сколько стоила царская война, „Правда“ от 5/VIII 1924 г.
11. „Наше дело“, № 3—4 1915 г., стр. 43.
12. „Труды комиссии по изучению современной дороговизны“.
13. Прокопович, Война и народное хозяйство, стр. 189.

К гл. „Сельскохозяйственное производство“.

14. „Урожай хлебов в России в 1916 г.“, из пред. П. Румянцева.
15. „Сельское хозяйство России в XX в.“, стр. 109.
16. Там же, стр. 108 — 113.
17. А. Родионов, Рынок хлебов, журнал „Промышленность и торговля“, № 10 1916 г.
18. „Русский мельник“, № 1 1916 г.
19. „1916 г. в с.-х. отношении“, вып. V.
20. „1915 г. в с.-х. отношении“, вып. V, стр. 6.
21. „Русский мельник“, № 2 1916 г.
22. „Русский мельник“, № 3 1916 г
23. Бюллетень № 10 оценочно-статистического бюро саратовской губ. зем. упр. „Состояние озимого посева осенью 1916 г. в Саратовской губ.“.
24. Там же, стр. 5.
25. „Посевы и скот в Херсонской губ. в 1915 г. и 1916 г.“, Статист. отд. губ. земства.
26. Там же.
27. „Русский мельник“, № 1—1916 г.
28. „Посевы и скот в Херсонской губернии в 1915 г. и в 1916 г.“, стр. 5 и 16.

29. „Критическая оценка материалов всероссийской с.-х. переписи и метод ее разработки в Самарск. губ.“, стр. 4.
30. „Наем земли и производство посевов в 1914 — 15 гг.“, Статист. бюро полтавского губ. земства, стр. 1 и 2.
31. „1915 г. в с.-х. отношении“, выпуск VI, стр. 1—2, и „1916 г. в с.-х. отношении“, вып. VI, стр. 225 и др.
32. „1917 г. в с.-х. отношении“, вып. II, 15/IV 1917 г., стр. 5.
33. См. об этом „Статистич. справ. по Полтавской губ. на 1917 г.“, стр. 97 и 98, и „Сборник статистич. материалов по вопросам организации крестьянского хозяйства Украины и смежных губерний“, изд. НКФ Украины, ред. А. Н. Челинцева; „Матер. харьковск. обл. с.-х. союза кооперативов“, 1922 г., стр. 48 (таблица А. Н. Челинцева).
34. „1916 г. в с.-х. отношении“, вып. V, стр. 14 и др.
35. „Труды по изучению современной дороговизны“, стр. 315; см. также работу Рыбникова, Предварительные сведения о положении мукомольн. промышл., 1915 г.
36. „1916 г. в с.-х. отношении“, вып. IV и V.
37. Там же.
38. Там же.
39. „Статистич. справочник по Полтавской губ. на 1917 г.“, вып. V, стр. 60.
40. „Сельское хоз. России в XX в.“, стр. 206.
41. Данные Центр. стат. к-та по переписи 1916 г.
42. „Народное хозяйство в 1916 г.“, стр. 75—84.
43. Огановский, Очерки по экон. геогр. РСФСР, стр. 128.
44. „Труды комиссии по вопросам земск. статистики 20—23/II 1913 г.“, доклад Челинцева, М., 1914 г.
45. „Сельское хозяйство России в XX в.“, стр. 203.
46. В Закавказье посевы хлопка сократились по военным причинам с 108 тыс. дес. в 1915 г. до 87,5 тыс. дес. в 1916 г. „Нар. хоз. в 1916 г.“, вып. I, ст. О. Ган.
47. „1915 г. в с.-х. отношении“.
48. Ган, Хлопок и хлопч.-бум. пром., „Нар. хоз. в 1916 г.“, вып. I.
49. „1916 г. в с.-х. отношении“, стр. 225.
50. „Ст.-экон. обзор Херс. у. за 1914 г.“.
51. Колобов, Московская губ. по данным всер. с.-х. переписи 1916 г., „Изв. Моск. губ. земск. упр.“, № 9—10 1916 г.

К гл. „Сельскохоз. производство“.

52. Раздел „Мясной скот“.

1) Лискун, Мясной вопрос в современной хозяйственной обстановке, 1917 г.
2) „Вестник Всерос. с.-х. палаты„ № 3 — 4 — 5 1917 г., стр. 4.
3) „1915 г. в с.-х. отношении“ и др.
4) Данилов, Влияние войны.
5) Н. Д. Быстров, Доклад Всер. с.-х. палаты — „Современное состояние животноводства в России в связи с реквизициями и поставками скота для армии“.
6) Klaus, Die Kriegwirtschaft Russland.
7) Архив б. мин. земледелия в Ленинграде, докладн. записка: „Очередные задачи ведомства земледелия в связи с войной“.
8) „Сбыт с.-х. продуктов в 1914—15 гг.“, Стат. бюро полт. губ. земства.
9) Колобов, Московск. губ. по Всеросс. с.-х. переписи 1916 г., изд. моск. губ. земск. упр., № 9—10 1916 г.

53. Раздел „Молочное хозяйство".

1) Н. Макаров, Современное положение рыночного молочного хозяйства, „Матер. по вопр. орг. прод. дела"; „Вопр. совр. пол. мол. хоз.", вып. IV.
2) Беляев, Скотоводство в Ново-Николаевской г.
3) Н. П. Коломийцев, Масло. Торговля России маслом в связи с вопр. о снабж. маслом армии и населения, изд. Моск. обл. воен.-пром. комитета, № 8, М. 1916 г.
4) Кулибина, Внешняя торговля России маслом, 1915 г.
5) Сборник „На новых путях"; „Итоги новой экон. политики", выпуск V, ч. I; „Сельск. хоз. 1921—1922 гг.".
6) Ан. Попов, Арханг. пром. и меры к ее развитию.
7) Маковецкий, Справочник для русск. и иностр. коммерч. деятеля.
8) Записка Бодиско мин. земледел. А. И. Наумову — „Меры борьбы с кризисом скотоводства в Европ. России" 15/II 1916 г. (Архив быв. мин. земл. в Ленинграде).
9) „1914, 15, 16, 17 годы в с.-х. отношении".
10) Стат. справочники.

54. Раздел „Сельскохоз. машины и удобрения".

1) Е. И. Измайловская, Русское с.-х. машиностроение.
2) „Очередные задачи ведомства земледелия в связи с войной".
3) Данилов, Влияние войны.
4) Отчеты Нар. банка.
5) „Вестник сельск. хоз.", № 45 за 1915 г.
6) „Русский мельник", апр. 1914 г.
7) „Наем земли и произв. посевов в 1914—15 гг.", Полт. губ. земство, статбюро.
8) Отчеты о земских собр. херсонск. губ. земства за 1914—16 гг.
9) „1914, 15, 16 и 17 годы в с.-х. отношении".
10) Стат. справочники.
11) Сарабьянов, Мет. промышл. России.
12) Журнал „Машина в сельском хозяйстве".
13) „Известия министерства земледелия".
14) „Материалы совещаний по машиноторговле".
15) Отчеты съездов фабрикантов с.-х. машин и орудий.
16) „Труды совещания по организации посевной площади", Всер. земск. союз 1916 г.
17) Архивные записки и проекты по вед. земледелия. (Арх. быв. мин. земледелия).
18) Klaus, Die Kriegwirtschaft Russland.
19) „Вестн. Всер. с.-х. палаты" за 1916 г.
20) В. П. Милютин, С.-х. машины, „Вестн. сельск. хоз.", № 48 за 1914 г.

55. Раздел „Рабочие руки".

1) В. П. Милютин С.-х. рабочие и война.
2) А. В. Шестаков, Наемный труд в сельск. хоз. России тт. I и II; его же — Капитализация сельск. хоз. России.
3) С. Н. Прокопович, Война и народное хозяйство.
4) „Очередные задачи ведомства земледелия в связи с войной". — Докладн. зап. в арх. мин. земл.
5) Данилов, Влияние великой мировой войны.
6) „1914, 15, 16 и 17 гг. в с.-х. отношении" (все выпуски).
7) Колобов, Моск. губ. по данн. всеросс. с.-х. переписи 1916 г.
8) Дело в архиве быв. мин. земледелия — „Мероприятия в связи с войной".

9) А. Родионов, Рынок хлебов, журнал „Пром. и торг." № 10 1916 г.
10) „1917 и 1918 гг. по данным выбор. с.-х. переписи в Тверск. губ.".
11) „О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России", изд. м-ва финансов.
12) „Обзор состояния транспорта и рынков", вып. II, июль 1916 г.
13) „Статистич. ежегодник по Симб. губ. за 1914 г.".
14) „Ст.-экон. обзор Херсонского у. за 1914 г.".
15) Ган, Хлопок, „Нар. хоз. в 1916 г.", вып. I.
16) „Наем земли и производство посевов", Статбюро полтав. губ. зем.
17) „Речь" от 5/VII 1916 г.
18) „Известия министерства земледелия" от 14/II 1916 г., № 7.
19) „Стат. сведения о финансовом и экономич. положении России", сост. канцелярией совета министров к 15/I 1917 г.
20) „Русский мельник", № 1 1916 г. и др.
21) „Вестник всероссийской сельскохоз. палаты" за 1916 и 1917 гг.
22) „Рабочий рынок от января до июня 1917 г.", „Пром. и торг.", № 34/35 1917 г.
23) Я. Я. Полферов, Сельско-хоз. рабочие руки в 1914 г.
24) „Кавказское хозяйство", № 5.
25) „Сельско-хоз. вестник юго-востока", № 7 и 8 1915 г.
26) „С.-х. хроника по Елисаветгр. у.", май—июнь 1915 г., изд. одесск. губ. зем. упр.
27) „Статистич. вестник" за 1915 и 1916 гг.
28) Веселитский, Факторы производства и война, „Агрон. журн.", № 6—1915 г.
29) Стеногр. отчет о зас. Гос. думы от 18/II 1916 г.
30) „Дело", № 2 1916 г. и др.

56. К гл. „Урожай".

1) Н. Д. Кондратьев, Рынок хлебов.
2) „О влиянии войны на некоторые стороны экон. жизни России", изд. мин. финансов.
3) „Сборник ст.-экон. свед. по сельск. хоз.", год 9-й.
4) „Сельск. хоз. Росс. в XX веке".
5) Объяснительные записки министра финансов к проектам госуд. росписи доходов и расходов на 1915, 16 и 17 гг.
6) „Труды комиссии по изучению современной дороговизны", вып. IV.
7) Бюллетени оцен.-стат. отд. сарат. губ. зем. упр.
8) Доклады на губ. земск. собр. Херсонск. г. за 1915—16 гг.
9) Стеногр. отч. зас. Гос. думы от 18/II 1916 г.
10) „Урожай хлебов в России в 1916 г." (пред. П. Румянцева).
11) Материалы к производственному плану — „Производство, потребление, избытки и недостатки хлебов в 1916 г.".
12) „1914, 15, 16 и 17 гг. в с.-х. отношении".
13) „Урожай хлебов в России в 1917 г." (пред. Лосицкого).
14) „Наше дело", № 3—4 1915 г., ст. Дмитриева „Война и дороговизна".
15) С. Н. Прокопович, Война и народное хозяйство.

57. К гл. „Рынок".

1) Н. Д. Кондратьев. Рынок хлебов.
2) „Обзор деят. гл. упр. землед. и землеустр. за 15 мес. войны" (неопубликованная работа Гинса в быв. арх. мин. земледелия).
3) Гинс, Война и ведомство земледелия.
4) „Секретный журнал совещания по вопросам снабжения армии продовольствием и фуражом 16 и 17/II 1917 г." (в ставке верховного главнокомандующего).

5) Дело тамб. губернатора с мин. землед. в быв. арх. мин. земледелия (31/V 1916 г.).

6) Проф. П. И. Кулешов, Доклад министру земледелия о реквизиции скота для армии в 1915 и 1916 гг.

7) „Изв. моск. губ. земск. управы“ за 1915 и 1916 гг.

8) „Стат. сведения о финан. и эконом. положении России“, сост. канцел. совета министров к 15/I 1917 г.

9) Издания упр. дел. особ. совещ. по прод. делу.

10) А. И. Марков, О борьбе с дороговизной в г. Курске.

11) „Труды комиссии по изучению соврем. дороговизны“, вып. IV, тт.: Липкин, Цены на хлеба во второй год войны; Первушин, Прекращение продажи питей как один из факторов дороговизны, и др.

12) „Борьба с дороговизной и городские управления, изд Всер. союза городов, 1916 г.

13) Документы и записки в личном архиве А. Кривошеина.

14) „О влиянии войны“. Изд. мин. фин.

15) Рыбников, Состояние мукомольной промышленности в юго-восточных губ., вып. I; Макаров, Центр. земл. губ.“, вып. II; Орженцкий и Гуревич, Яросл. губ., вып. III; Шор, Южн. губ., вып. IV.

16) „Народное хозяйство в 1916 г.“, сборн.

17) „Торговые запасы хлеба“, вып. I, II и III.

18) „Труды совещания по эконом. вопросам, связанным с дороговизной и снабжением армии“.

19) „Русский мельник“, № 1—3 1917 г.

20) „Вестник Всер. с.-х. палаты“ за 1916 и 1917 гг., ряд статей.

21) Стат. справочники и проч.

22) Обзоры внешней торговли России за 1914—15 гг.

23) „Сборник гл. упр. тамож. контроля“ за 1916—17 гг.

24) „Сборн. ст.-экон. свед. сельск. хоз. России“, годы 8 и 9-й.

25) „Труды XI съезда уполном. дворянских обществ 39 губ.“, 10—14/III 1915 г., стр. 70 и др.

К гл. „Классовые группировки в деревне“.

58. Раздел „Частные владельцы“.

1) „К разрешению аграрного вопроса“ Зап. мин. земледелия по вопросу о с.-х. банке 1907 г.

2) Ленин, Аграрная программа с.-д. в русской революции 1905—07 гг.

3) Его же—Аграрный вопрос в России к концу XIX в.

4) „1914—1917 гг. в с.-х. отношении“.

5) Хрящева, Крестьянство в войне и революции.

6) Земские издания, частью перечисленные ранее.

7) Статистич. справочники по переписям 1905, 1916 и 1917 гг.

8) Записка кн. А. Г. Щербатова—„К московскому дворянству“.

9) Труды съездов уполномоченных дворянских обществ.

10) Дубровский, Очерки русской революции, вып. I.

11) Справка к докл. по евр. вопр. на съезде объед. двор. — „Труды“, ч. X, стр. 72.

12) Кауфман, Аграрный вопрос изд. Долгорукова и Петрункевича; его же — Учет с.-х. сил, 1916 г.

13) Месяцев, Аграрная политика в России.

14) „Народное хозяйство в 1915 г.“ (изд. ком. финансов, 1918 г.) и др.

59. Разделы „Кулачество“, „Середняки“ и „Беднота“.

1) Хрящева, Крестьянство в войне и революции, статистико-экономические очерки“.

2) Ее же — Эволюция классов в крестьянстве, в сборн. статей „Эволюция классов русской революции".
3) Ее же — Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. статьи в „Трудах ЦСУ", т. VI, вып. 3.
4) „С.-х. обозрение Симбирской губ. за 1915 год".
5) Книпович, Направление и итоги аграрной политики 1917—1919 г., сборн. „О земле", вып. 1.
6) Бюллетени оцен.-стат. бюро саратовской губ. земск. управы.
7) „Саратовская губ. по данным всерос. с.-х. и гор. переписи 1917 г.", табл. саратовск. губ. стат. бюро.
8) „Статистический справочник по полтавск. губ." за 1917 г.
9) Таблицы Наркомзема на выставке 1923 г.
10) В. П. Милютин, С.-х. рабочие и война.
11) А. В. Шестаков, Наемный труд в с.-х. России.
12) Павлов, Война и деревня.
13) Прокопович, Война и народное хозяйство.
14) „1914—17 гг. в с.-х. отношении".
15) „Труды комиссии по изучению современной дороговизны", вып. IV, статьи Первушина, Липкина, Свавицкого и др.
16) Кауфман, Учет с.-х. сил, 1916 г.
17) Первый съезд зем. отд. и с.-х. коммун Сев. обл.
18) „Дело", орган оборонцев за 1916 г.
19) Стат. справочники и всякого рода работы, указанн. в других разделах настоящей книги.
20) Объяснительная записка мин. фин. к проекту росписи на 1916 г.
21) „Ст.-экон. сборн. Херс. у. за 1914 г.".
22) „Вестник мелкого кредита", № 23 1916 г.
23) И. Степанов, Кто богатеет и разоряется от войны.
24) М. Н. Покровский, Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.

60. К гл. „Крестьянское движение в первые годы войны".

1) Дела архива Октябрьской революции — Центроархив, Москва, за 1914—16 гг.
2) Дела Врем. пр-ва за 1917 г. Центроархив, Москва.
3) Арх. мин. земл. в Ленинграде.
4) Земские издания 1917 г. (статист. и повременные).
5) „1914—17 гг. в с.-х. отношении".
6) „Труды всеросс. прод. съезда в Москве 21—26 мая 1917 г.".
7) Хрящева — см. ранее указанные сочинения.
8) Книпович, Направление и итоги аграрной политики 1917—1920 г., сборн. „О земле", вып. I, изд. НКЗ.
9) Лосицкий, Урожай хлебов в 1917 г.
10) Милютин' Социализм и сельск. хозяйство.
11) Журнальная и газетная литература.
12) Пионтковский, Хрестоматия по ист. Окт. революции, и др. общая литература по Окт. революции.

К части III: „Крестьянская революция 1917 г.".

61. К гл. I—материалы архива Окт. революции—Центроархив.
62. К гл. II „Политич. партии и крестьянство в войне и революции"— материалы архивов Ленинграда: дела департамента полиции (по левым партиям), главного управл. по делам печати и мин. земледелия (правые партии). Из с.-д. изданий—работы Истпарта: „Памятники агитационной литературы", „Прол. револ.", а также периодическая печать левых партий периода войны. Кроме того, сочинения Ленина, Зиновьева, книга Суханова „Наши левые группы и война" и др.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЦЕНА 1 Р. 75 К.

ТОРГСЕКТОР ИЗД-ВА „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД: УЛИЦА ГЕРЦЕНА,
ДОМ № 15. ТЕЛЕФОНЫ: 217-73, 217-78.
МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:
ЛУБЯНСКИЙ ПАСС., 48—29. Т. 2-14-09,
ОТДЕЛЕНИЯ: В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ,
ХАРЬКОВЕ, КИЕВЕ, СВЕРДЛОВСКЕ,
НОВГОРОДЕ, ЧЕРЕПОВЦЕ
И В УЕЗДНЫХ ГОРОДАХ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ